

84/2 Poc-Po
046

11777

74

$\frac{7}{42}$

11777 84 (222-8-0) 1
74 1/4
0-4642

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ОЗЕРОВА.

P₁
0-46

.....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

.....

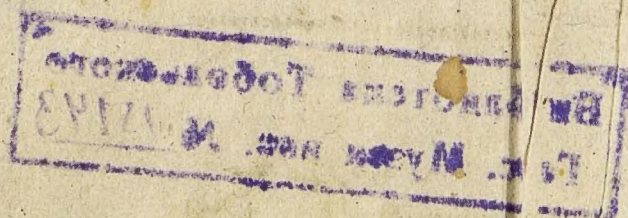
✓ Библиотека Тобольского
Гос. Музея им. № 15143

84

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Императорскаго театра, 1817 года.

TM-24110/574

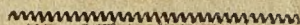
11777

74 7/42

О

ЖИЗНИ и СОЧИНЕНІЯХЪ

В. А. ОЗЕРОВА.

П е т а т ь п о з в о л я е т с я :

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи до выпуска въ свѣтъ, предсшавлено было въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сего Жизнеописанія для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерсшва народнаго просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. С. Петербургъ, Іюня 26 дня 1817 года.

*Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тиликовскій.*

ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ

В. А. ОЗЕРОВА.

Давно ли Музы опечесства оплакивали смерть посѣдѣвшаго въ славу любимца своего, Державина! и нынѣ еще поражены онѣ новымъ ударомъ, не менѣе для нихъ чувствительнымъ. По крайней мѣрѣ Державинъ совершилъ свое поприще и заплашилъ послѣднюю дань природѣ въ тѣ лѣта, въ которыя человѣкъ перенесъ уже важнѣйшую утрату — утрату всего того, что, такъ сказать, живаго было въ жизни. — Наслѣдство, оставленное имъ потомству, плодъ трудовъ долгихъ и безмятежныхъ лѣтъ, должно служить утѣшеніемъ въ горестной потерѣ. Судьба и люди, едва ли не въ первый разъ, постоянно благоприятствовали генію въ лицѣ Державина — и онъ, доживши до глубокой старости, проснулся съ жизнію, какъ съ прекраснымъ вечерьющимъ днемъ. Зависть не допрогивалась оскорбительною рукою до поэтическихъ лавровъ его, и по крайней мѣрѣ въ глазахъ поэта и современниковъ, скрывая свое негодованіе, казалось измѣнила древней враждѣ ко всему тому, что ознаменовано печатью величія.

Примѣръ чудесный и можеть быть единственый въ лѣтописяхъ славы. Но оплакивая Озерова, мы должны сѣловать какъ о преждевременной смерти, такъ и о самой жизни его, игралицѣ враждующей судьбы и людей, коихъ злоба бываетъ еще изобрѣшательнѣе и постояннѣе. — Смерть положила предѣлъ днямъ Озерова на 47 году ошъ рожденія; но бѣдствія и завись, пробужденная рукоплесканіями, уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ посшавили преграду успѣхамъ его похитивъ у опечесшва надежды, за исполненіе кошорыхъ досташочными поруками были прежніе пруды Озерова, начавшаго новую эпоху въ исторіи прагического нашего театра. Спранная и горесшная истина! Учасъ великихъ мужей, коихъ слава бываетъ собственностію народа; зависитъ часно ошъ малаго числа людей, а иногда ошъ одного только лица. Не ошъ того ли, что благодарностъ скудна въ способахъ изъясняшся, особенно же медлѣнна, а зависъ напрошивъ богаша въ средсшвахъ, догадлива и никогда не дремлетъ? И часно первая прерываетъ свое преступное молчаніе тогда только, когда поздній голосъ ея шщепно уже раздашся можеть надъ прахомъ сердца нѣжнаго, попухшаго въ уныніи и ожидавшаго благошворнаго ея взыванія, какъ новой жизнеподашельницы новыхъ силъ и надеждъ! Напрошивъ же первая побѣда есть для послѣдней рѣшительный знакъ къ дѣйствію: неупомимо преслѣдуешъ

она опъ успѣха къ успѣху довѣрчиваго любимца славы, какъ жадный заимодавецъ, заспавляя его разплачиваться при каждомъ новомъ правѣ, приобрѣ-
пенномъ на уваженіе отечества, и такимъ образомъ гоняясь до конца за жертвою своею, падаетъ без-
сильная при надгробномъ камнѣ, сей священной пре-
градѣ, безсмертіемъ пославленной ея ненасытной
враждѣ. Счастливъ обреченный славою на гоненіе,
воинъ ли онъ, гражданинъ ли, или пишомецъ Музъ,
когда душа его, облеченная спасительною твердостью
и крѣпкая собственными своими силами, служить
только щепило цѣлю спрѣлъ для неприязни, сколь-
зящихъ по ней и слѣдовъ не оставляющихъ! — Но
горе тому, кто съ дарованіемъ получилъ опъ природы
и душу чувствительную, вѣрившую свои наслаж-
денія и горести самовластію чуждаго произвола!
Слезами кровавыми заплакишь онъ за рукоплесканія,
мгновенно похищенные у вѣтренной толпы, сегодня
ослѣпленной, а завтра смонящей съ убійственнымъ
равнодушіемъ на бореніе любимца своего съ злобою
враговъ. Должно еще замѣнить, что успѣхи драма-
тическіе болѣе и продолжительнѣе прочихъ под-
спрекають зависть. Эпическое или лирическое твор-
реніе, славимое при началѣ и дѣйствующее только
на часть публики, перестъ со временемъ свою
гласность и наконецъ спановится собственностью
малаго числа чипашелей. Хорошая трагедія или
комедія, налагаъ дань на все общество, не спарѣетъ

никогда. Каждое представленіе возобновляя удовольствіе публики, разсправляешъ раны зависши, копорая не сполько врагъ достоинствамъ, сколько успѣхамъ. Вольперъ, вооружившій прошиву себя толпу враговъ, но умѣвшій всегда съ равнымъ искусствомъ вести какъ оборонительную, такъ и наступательную войну, жалуясь однажды на неприятности, имъ претерпѣваемыя, говорилъ въ письмѣ: — если я еще напишу трагедію, то куда мнѣ дѣваться? —

Озеровъ умалчивалъ о своихъ неудовольствіяхъ, и одаренный сердцемъ чувствительнымъ къ обидамъ, не умѣлъ ни презирашъ вражды, ни боролся съ нею, и наконецъ оставилъ сценоу и поприще славы своей.

Заслуги Озерова, преобразователя Русской трагедіи, копорыя можно, не опредѣляя достоинства обоихъ писателей, сравнишь съ заслугами Карамзина, образователя прозаическаго языка, обращающъ на себя благодарное и любопытное вниманіе просвѣщенныхъ друзей словесности. — Оба оставили между собою и предшественниками своими великое разстояніе. Судя по твореніямъ, копорыя заспали они, не лзя не признашъ, что ими вдругъ подвигнулось искусство, и если бы не при насъ случилось сіе важное преобразование, трудно было бы повѣришъ, что оно не приготовлено было твореніями, опъ насъ упущенными. Но для нѣкопорыхъ людей сей Геркулесовскій подвигъ не сущесвуешъ. Они по-

стоянно коснѣють при мнѣніяхъ прошедшаго вѣка. Просвѣщеніе, грядущее исполинскими шагами, усовершенствовавшее науки, обогатившее казну человеческихъ понятій, преобразовавшее самую государствену, до нихъ не коснулось. Просвѣщеніе прошло мимо ихъ, и они его не замѣтили. Обремененные съ излишествомъ старыми понятіями и не умѣя даже ими владѣть, какъ безпечный наслѣдникъ, который не только что не думаетъ о новыхъ приобретеньяхъ, но съ трудомъ вычисляетъ и то, что ему доспало, они негодуютъ на новую жатву, собранную пайкомъ отъ нихъ трудолюбивыми и щедрыми благотворителями. Успѣхи разума и искусства не подвигаются для сихъ людей неподвижныхъ. Оспавшись на спезѣ просвѣщенія, современнаго ихъ младенчеству, они напоминаютъ Эдипа, который, будучи упомленъ дорогою садится на камень и говоритъ: *Мой вѣкъ на камень консу себѣ*. Ихъ разумъ, достигшій вѣхости при постоянномъ ребячествѣ, и представляющій картину развалинъ недоспроеннаго зданія, не измѣняя первымъ урокамъ, удивляется, что смѣютъ писать трагедіи послѣ Сумарокова, и довольствуясь повѣствованіями Елагина, ужасается свяшествова смѣльчака, дерзающаго поговѣсть Русскую исторію. — Пускай доканчиваютъ они тяжель сонъ жизни своей на вѣковомъ камнѣ подъ усыпительнымъ надзоромъ невѣжества и предразсудковъ:

мы обратимся къ Озерову, который писалъ не для ихъ вѣка. —

Къ сожалѣнію я не могу, говоря о заслугахъ Озерова какъ автора, остановить на немъ вниманія чисташелей, какъ на человѣкѣ: я не зналъ его лично. Но впрочемъ, если бы свидѣтельство друзей его и не ушвердило меня въ увѣреніи о прекрасномъ образованіи его сердца; то я убѣдился бы въ немъ испиною и словами Карамзина, который говоритъ, что автору надобно имѣть доброе и нѣжное сердце, если онъ хочеть быть другомъ и любимцемъ души нашей. Не знаю также и подробностей жизни поэта, споль всегда любопытныхъ и занимательныхъ, когда они относятся къ лицу, достойному нашего вниманія. Мы любимъ заспавать въ тишинѣ домашней жизни человѣка, привлекающаго взоръ нашъ на поприщѣ большаго свѣта и, такъ сказать, повѣряя, сличая его съ самимъ собою. У насъ писателей знаютъ только по однѣмъ ихъ книгамъ, и извѣстія о нихъ ничто иное, какъ послужные списки. — Хорошо другу умершаго писателя обращать вниманіе попомсхва на знаки благоволенія, полученные покойникомъ отъ начальниковъ тогда, какъ шворенія его не свидѣлствуютъ о благоволеніи къ нему Аполлона. Но когда можно говорить о качествахъ души, о домашнихъ добродѣтеляхъ человѣка, извѣстнаго намъ по одной его славѣ: то умалчивая о чинахъ его, припомнимъ съ Княжнинымъ, что Рафаель не бывалъ коллежскимъ

ассесоромъ лучше опредѣлимъ его права не на адресъ-календарь, но на любовь гражданъ, уже плащящихъ дань уваженія умспвеннымъ его способностямъ.

Соберу однако же всѣ извѣстія о немъ, которыя дошли до меня, и если не могу начертать полного образа, то означу хотя легкія черты характера или души Озерова по словамъ одного родственника его, которому не нужно было родства, что бы быть ему другомъ.

Озеровъ получилъ воспитаніе въ Кадепскомъ корпусѣ, хорошее по тогдашнимъ понятіямъ, но недоспащочное для человѣка, готовящагося быть писателемъ. Французскій языкъ и Французская словесность были единспвенными сокровищами, открытыми его взору. Первыми его учителями и образцами въ языкѣ были Княжнинъ и Болпинъ: уже гораздо послѣ того познакомился онъ съ истинными образоващелями Русской прозы и Русскихъ стиховъ. Въ уединеніи тихой жизни узналъ онъ Державина, Дмипріева и Карамзина, почувспвовалъ имъ цѣну и по нихъ учился. Рожденный съ пылкими спращями, съ воображеніемъ романическимъ, онъ не могъ противиться волшебной прелести любви, и привязанность къ одной женщинѣ, достойной владычествовать въ его сердцѣ, рѣшила судьбу почти всей его жизни. Для нее онъ жилъ нѣсколько лѣтъ, почти всѣ лѣта своей молодости; съ нею писался

воспорагами плашонической спраспи; часто предчувствовалъ счастье, но не былъ счастливъ; ибо любезная ему женщина была замужняя и добродѣтельная. Для нее онъ игралъ во Французскихъ трагедіяхъ, читалъ романы и писалъ Французскіе стихи. По счастью онъ измѣнилъ со временемъ Французскому языку; но сохранилъ вкусъ къ чтенію романовъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ и послѣ поспери любимой женщины, какъ бы для того, чтобы участиемъ въ вымышленныхъ несчастіяхъ любви напоминалъ себѣ спраданія нѣжности, къ коимъ сердце его привыкло. Нѣтъ сомнѣнія, что чтеніе романовъ дало его поэзіи цвѣтъ романизма, замѣтный почти во всѣхъ его произведеніяхъ и удивительно, какъ съ такимъ расположеніемъ не искалъ онъ для содержанія трагедій своихъ повѣстей изъ рыцарскихъ вѣковъ. — Долговременная сердечная связь имѣла также вліяніе и на характеръ нашего прагика. Давно говорящъ, что любовники похожи на дѣшей, а Озеровъ сохранилъ что-то дѣшское и во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Онъ, какъ младенецъ, былъ добродушенъ, своенравенъ и забывчивъ, то подозрительенъ, то легковѣренъ и къ людямъ и къ надеждамъ. Иногда самолюбіе доводило его до малодушія; иногда отъ излишняго смиренія онъ впадалъ въ опчаяніе. Главнымъ свойствомъ его сердца была любовь къ друзьямъ; онъ часто дѣлался ихъ невольникомъ, видѣлъ, чувствовалъ ими; но гошовъ былъ разсердился за ма-

лѣйшую неосторожность, и также не могъ успѣвать противъ малѣйшаго знака любви. Смерть милой ему женщины удалила его на время отъ свѣта, который въ глазахъ его украшался ею, и отъ словесности, которая сначала была для него не болѣе, какъ забава. При образованіи природномъ долго не могъ онъ искать наслажденій и счастья въ трудахъ ума, искавъ ихъ единственно въ мечтахъ сердца. Пробужденіе отъ сладостныхъ сновидѣній было развитіемъ давно таившихся его способностей. Слѣдующая черта дастъ ясное понятіе о нѣжности и щекопливости благородной души его. — Онъ служилъ по гражданской части и имѣлъ успѣхи по службѣ, но мало радовался ими. Однажды его начальники спросили: не нужно ли сдѣлать перемѣны въ его департаментѣ? Озеровъ счелъ это въ вопросъ за собою иди въ отставку и тотчасъ вышелъ.

Приступая къ разсмотрѣнію произведеній Озерова, скажемъ нѣчто о Русскомъ театрѣ.

Драматическое искусство у насъ еще въ колыбели. Не смотря на нѣсколько трагическихъ и комическихъ сценъ, мелькающихъ въ маломъ числѣ драматическихъ пьесъ, изъ коихъ всякое болѣе или менѣе ознаменовано общою печатію отверженія, наложенною на нашъ театръ рукою Таліи и Мельпомены, кажется можемъ сказать рѣшительно, что до сего времени мы не имѣли еще ни одной оригинальной пьесы.

ральной комедіи въ стихахъ *, и до Озерова не видали трагедіи.

Сумарокову, сему писателю, хотѣвшему съ жадностію обнять всѣ отрасли ученой славы, и у котораго не лзя опиять ни ума, ни дарованія, предназначено было судьбою проложитъ у насъ пуши къ разнымъ родамъ сочиненій, но самому не достигнуть ни одной цѣли. — Какъ Моисей, онъ навелъ другихъ на Обѣтованную землю, но самъ не вступилъ въ ея границы. Ослѣпленные современники вѣнчали неупомимаго писателя похвалами: добродушное попомство довольствуется быть опголоскомъ спарины, не налагая на себя тяжелаго труда быть дѣйствующимъ судіею славы Сумарокова, и такимъ образомъ творецъ Русскаго театра, хотя и не лишенный почести сего имени, уже почти не имѣетъ мѣста на ономъ. Можетъ быть и совсѣмъ поглотила бы его бездна забвенія, если бы не приходило на мысль благочестивымъ и суетвѣрнымъ поклонникамъ спарины, предпочитающимъ всегда славу усопшихъ славамъ живыхъ, спавишь намъ

* Фонъ Визинъ умѣлъ быть оригинальнымъ и хорошимъ стихотворцемъ, но писалъ прозою комедіи, до нынѣ лучшія на нашемъ театрѣ, и даже единственные, какъ по истинѣ представленныхъ нравовъ и характеровъ, такъ и по разговору, копорый блистаетъ непринужденнымъ остроуміемъ.

безъ зазрѣнія совѣспи въ образецъ басенъ на Русскомъ языкѣ басни Сумарокова и въ образецъ прагическаго слога напыщенные и холодные порывы припворнаго изспупленія Димитрія самозванца. Должно замѣпить однако же, что въ прагедіяхъ Сумароковъ также выше комедій своихъ, какъ Княжнинъ въ комедіяхъ выше прагедій Сумарокова и своихъ собспвенныхъ.

Княжнинъ первый положилъ швердое основаніе какъ прагическому, такъ и комическому слогу. Лучшая комедія въ спихахъ на нашемъ театрѣ, еспь неоспоримо *Хвастунъ*, хопя и въ ней крипика найдешъ много недоспашковъ, и вкусъ не всѣ спихи оспяпилъ своею печашью. Но за то сколько сценъ испинно комическихъ, являющихъ блестящія дарованія авшора! Сколько счаспливыхъ спиховъ, вошедшихъ непримѣшно въ пословицы! Сколько цѣлыхъ мѣспъ, свидѣпельспвующихъ, такъ сказашь, о зрѣлоспи слога Княжнина! Въ доказапельспво шому замѣшимъ, что дурный спихъ, площадное и неприспойное выраженіе оскорбляя вашъ слухъ, поражаетъ васъ въ *Хвастунъ* также, какъ хорошій и удачный спихъ пробуждаетъ васъ въ другой комедіи. *Утѣшенная вдова* до сего времени можетъ служишь у насъ образцовою по dospоинспву прозаическаго и комическаго слога, шонкой насмѣшки и веселоспи. Въ *Чудакахъ* блиспаешъ шже дарованіе и еще болѣе комической веселоспи. Въ другихъ его комедіяхъ вездѣ разсыпаны искры дарованія и соль оспроумныхъ

шутокъ, замѣняющихъ погрѣшности плановъ его и несходство въ списываніи лицъ.

Княжнинъ, какъ прагикъ, заслуживаетъ болѣе укоризнъ, не имѣя блестящихъ достоинствъ, вознаграждающихъ за ошибки его въ комедіяхъ. Языкъ въ послѣднихъ всегда кажется естественнымъ: языкъ въ его трагедіяхъ всегда принужденъ и холоденъ. Въ *Дидонѣ* видимъ не любовницу, въ *Рославѣ* не пламеннаго друга опечесива. О *Рославѣ* можно замѣтить, что имя хваспуна ему приличнѣе, нежели дѣйствительному Хваспуну. *Верхолетъ* болѣе лжець и обманщикъ: *Рославъ* есть прагической хваспунъ. Княжнинъ, сказывающъ, признавался, что *Рославъ* написанъ имъ по желанію собрать въ одно всѣ черпы высокаго, разсыпанныя во Французскихъ трагедіяхъ. Одно это желаніе, признанное или умолченное — все равно, но главное въ трагедіи его, — можетъ служить ему обвиненіемъ. Въ опевѣсахъ Рослава слышенъ всегда авторъ; въ словахъ: *я здѣсь не въ первый разъ*, слышенъ сердечный голосъ негодующаго Фингала. Я часто слыхалъ рукоплесканія, заслуживаемыя сценою трагедій Княжнина; но признаюсь, не видалъ никогда въ глазахъ зрителей краснорѣчиваго свидѣтельства участія, принимаемаго сердцемъ ихъ въ бѣдствія его героевъ или героинь; не видалъ сихъ слезъ, невольной и лучшей дани, приносимой прагическому дарованію опъ разпревоженныхъ чувствъ состраданія, или страха обма-

нупаго воображенія. Должно сказать, что пороки въ составленіи трагедій Сумарокова и Княжнина не могутъ быть оправданы временемъ. Въ то время какъ они писали, сокровища иностранныхъ театровъ совершенно были имъ открыты; не говорю о древнихъ источникахъ, которые тогда, какъ и самый языкъ древнихъ, были забыты. Въ трагедіяхъ того и другаго встрѣчаемъ мы не рѣдко частныя подражанія Корнелю, Расину и Вольтеру. Можно похитить блестящую мысль, счастливое выраженіе; но жаръ души, но шайна господствовать надъ чувствами другихъ сердецъ не похищается, и нельзя ей научиться отъ правилъ пиитики. Главный недостатокъ Княжнина происходитъ отъ свойствъ души его. Онъ не рожденъ трагикомъ.

О трагедіяхъ послѣдователей его, покоящихся послѣ однодневной жизни въ *Россійскомъ театръ*, нѣчего и упоминать. Не стану говорить и о трагедіяхъ, въ новѣйшее время перенесенныхъ съ иностранныхъ театровъ на нашъ усердными переводчиками; о сихъ несчастныхъ эмигрантахъ (разумѣется не безъ исключенія), жалкихъ и разительныхъ свидѣтельствъ измѣненія судьбы человѣческой, сохранившихъ у насъ одно прежнее имя, но оставившихъ на опечиственной землѣ и богатство свое и славу отцовъ!

Кажется, рѣшительно можно сказать, что у насъ не было трагедій, и величество Мельпомены не царствовало на трагической сценѣ. — Актеры съ

пышными именами выходили передъ зритель, говорили стихи, иногда хорошіе, чаще дурные; зрители рукоплескали, чаще звали: но и рукоплесканія ихъ были данію звучности стиховъ, блестящимъ выраженіямъ истины, сильнымъ изреченіямъ, сохраненію нѣкоторыхъ условій искусства, и тайна трагедіи не была еще постигнута. Явился Озеровъ, и Мельпомена приняла владычество свое надъ душами. Мы слышали голосъ ея, повелѣвающій сердцу, играющій чувствами; сей голосъ столь краснорѣчивъ въ Расинѣ и Вольтерѣ. Въ первый разъ увидѣли мы на сценѣ не актеровъ, пожалованныхъ по произволу автора въ Греческихъ, Римскихъ или Русскихъ героевъ, и представляющихъ намъ галерею порицательныхъ не на одно лице, которое узнавать надобно было по надписи.

Но прежде нежели представимъ Озерова на Русской сценѣ, на сценѣ его достойномъ, взглянемъ на первые труды, предшествовавшіе *Эдилу*, которымъ началась новая эпоха въ исторіи театра и словесности нашей.

Первый шагъ Озерова въ области поэзіи былъ переводъ изъ Колардо героиды *Элоизы къ Абеларду*. Въ краткомъ предисловіи, напечатанномъ при переводѣ, уведомляешь онъ читателей, что предлагаетъ имъ первый опытъ свой въ стихахъ и извиняется въ смѣлости сослѣзаться съ счастливымъ соперникомъ, утвердившимъ во Франціи свою славу пе-

реводомъ изъ Попа письма, извѣснаго любителямъ словесности, и сдѣлавшагося такъ сказать, молищенникомъ любви; онъ признается, что чтеніе стиховъ Колардо, родило въ немъ вдохновеніе Аполлона и воспламенило воображеніе, не пронушное до того волшебнымъ жезломъ поэзіи. „Читая Колардо, „говоришь Озеровъ, я былъ восхищенъ. Мнѣ открылся путь Парнасскій и я почувствовалъ вдохновеніе Аполлона, о которомъ прежде и мысли „не имѣлъ.“ Такъ добродушный Лафоншенъ, до конца жизни не провѣдавшій шайны славы своей, шайны темной для однихъ его глазъ, обязанъ былъ чтенію оды Малерба открытіемъ своего дарованія. Поспавишь переводъ на ряду съ подлинникомъ — не возможно; но не признавъ въ переводчикѣ Колардо грядущаго поэта, было бы несправедливо. Многіе стихи, не смотря на тогдашнее младенчество языка нашей поэзіи, могли бы украсишь и въ теперешнее время лучшее изъ нашихъ стихотвореній. Вообще разсказъ и порывы страсти удачнѣе прочаго сохранены переводчикомъ, еще не посвященнымъ, но въ шайнѣ обреченнымъ любимцемъ Мельпомены. Его прочія мѣлкя стихотворенія не свидѣтельствуютъ о пѣническомъ дарованіи, развернувшимся въ трагедіяхъ, а лирическія пѣсни доказываютъ, что Озеровъ не былъ лирикомъ.

Смерть Олега Древлянскаго, представленная въ 1798 году на Петербургскомъ театрѣ, была первою

Библиотека Тобольского

Гос. Музея инв. № 15143

трагедіею Озерова, и первою и послѣднею данію, заплаченною имъ вѣку Сумарокова и Княжнина. Вспомня, что предшественниками *Федры* были *Александръ* и *Враждующіе братья*, дань принесенная Расиномъ вѣку Рошпру и Корнеля, удивимся ли тому, что *Олежъ* не предвѣщаль *Эдипа* и *Поликсены*? Рѣдко случается, что бы дарованіе съ перваго шага спало на ту дорогу, которую оно прокладываетъ себѣ возмужавшими силами: обыкновенно, оно шащипся нѣсколько времени по слѣдамъ предшественниковъ, а тамъ уже вдругъ освобождается отъ ига суевѣрнаго подражанія, и уклоняясь на неиспытанный путь, открываетъ новое поприще для новыхъ послѣдователей. Въ планъ трагедіи: *Смерть Олега*, въ самомъ сосавѣ списа, видны погрѣшности Княжнина, не искупленныя красотою, ему принадлежащими. Красотѣ подражать не можно; ихъ не лзя ни похитить, ни присвоить. Напропивъ того, недоспашки писателей переходятъ изъ рукъ въ руки во владѣніе рабскихъ его подражателей. Расинъ, побѣдившій Корнеля когда пересталъ брать его себѣ въ примѣръ, былъ ниже его когда хотѣлъ сравниться съ нимъ. Озеровъ, усовершенствовавшій искусство Княжнина, былъ дурнымъ его ученикомъ, когда искалъ славы его соперническаго. Къ счастью Озерова, публика, которой сужденія не всегда безшибочны, по какому-то предчувствію не попала въ обманъ, и справедливо отвергнувъ трагедію

Озерова не ослѣпила его соблазномъ успѣха. Счастли-
вый приемъ *Олега*, усыпивъ геній прагика, можетъ
быть — убилъ бы *Эдила*. Чрезъ нѣсколько лѣтъ со-
чинитель, скрывавшійся опъ глазъ свѣта явился
снова на прагической сценѣ; но вооруженный новыми
силами, обѣщавшими ему побѣду. Бѣдствія *Эдила* и
семейства его, это неизчерпаемое сокровище прагедіи,
наслѣдство, переданное вѣкамъ героическими праги-
ками, не были еще присвоены Русскою сценою. Сія
добыча, достойная Озерова, ожидала его. Софокль
въ *Эдилѣ* царѣ имѣлъ многихъ послѣдователей; у
однихъ Французовъ есть около десяти подражае-
лей. — *Эдилъ въ Колонскомъ предмѣстіи* рѣже пере-
носимъ былъ на новѣйшій театръ. Озеровъ, избравши
его основался на Софокль пользуясь и другими
Французскими подражаніями: *Эдиломъ у Адмета*,
прагедіею Дюсиса, копорый, не знаю по чему, сливъ
въ одно двѣ отдѣльныя прагедіи раздѣлилъ участіе,
и оперою. *Эдилъ въ Колонскомъ предмѣстіи*, однимъ
изъ счастливейшихъ подражаній древнему театру.
Содержаніе *Эдила* извѣстно. Сія прекрасная прагедія,
зрѣлое и жизни исполненное произведеніе маспиннаго
спарца, почиается однимъ изъ лучшихъ памят-
никовъ древности. Софокль, обвиняемый сыномъ
въ несостояніи правилъ имѣніемъ по старости
лѣтъ и упадку разсудка, прочелъ для оправданія
своего передъ судьями *Эдила въ Колонскомъ пред-
мѣстіи*, окончаннаго имъ въ самое то время.

Восхищенные судьи опослали со спыдомъ обвинителей и съ торжествомъ проводили Софокла до дома. Сія трагедія, освѣтившая вечеръ славы Греческаго пѣвца, озарила утро славы нашего прагика и была зарею новаго дня на Русскомъ театрѣ. Но вѣроятно, современники наши хладнокровнѣе древнихъ въ своихъ сужденіяхъ, и едва ли голосъ клеветы для слуха ихъ не доходнѣе голоса дарованія. Сравнивать подлинникъ съ подражаніемъ не должно. Древніе въ трагедіяхъ своихъ имѣютъ великое преимущество надъ нами. — Трагедія Греческая заимствовала свою силу отъ всего, что было священо для Греческаго сердца. Слава предковъ и современныхъ гражданъ, народныя преданія и обычаи, таинства религіи, торжественные обряды Богослуженія, были такъ сказашъ, сокровищемъ Греческихъ прагиковъ. — Мы можемъ поспигать красоту ихъ искусства, но и поспигнувъ ее, будемъ единственно холодными зрительями дѣйствія, а не участниками оного. Смерть Эдипа, залогъ благоденствія Аѳинъ, можешъ ли производить надъ зрительями чуждыми по дѣйствіе, которое имѣла она на Аѳинскомъ театрѣ? До какого же совершенства должны были достигнуть древніе прагики, что бы внушить и намъ, опдаленнымъ отъ нихъ вѣками, а еще болѣе совершенною противоположностію понятій и чувствъ, то уваженіе, которое имѣемъ къ ихъ твореніямъ! и если позволено здѣсь уподобленіе, то не лзя ли сравнить Грече-

скую трагедию, въ отношеніи къ намъ, съ прекраснымъ порпирепомъ Рафаелевой кисти, копорый мы цѣнимъ по одному искуству живописи, но копорымъ прежній его обладатель дорожилъ еще болѣе по вѣрному и живому изображенію чловѣка, близкаго его сердцу? —

Вѣрнѣйшее подражаніе древнимъ прагикамъ, согласно съ правилами, копорыя они завѣщали намъ своимъ примѣромъ, было бы не подражать имъ; можно рѣшишельно сказать, что они никогда не избрали бы для своихъ швореній содержанія, совершенно чуждаго народу своему и образу его мыслей. Эпопея, принадлежащая къ повѣсповоательному роду, можешь переносить насъ подъ чуждое небо и живописать воображенію карпины, копорыя шѣмъ болѣе удовлетворяють любопытству нашему, чѣмъ новѣе и неизвѣстнѣе онѣ для насъ. — Но трагедія, копорая шворитъ изъ насъ не холодныхъ слушателей отдаленнаго повѣспованія, а обманывая насъ, дѣлаешь созерцаателями и учасниками дѣйствія, не должна ли, что бы совершенно овладѣть вниманіемъ души нашей, представлять намъ лица знакомыя и пробуждающія въ насъ великія и священныя воспоминанія? И придерживаясь перваго сравненія съ живописью, для лучшаго объясненія мысли моей, я уподобилъ бы эпопею карпинѣ, изображающей глазамъ нашимъ природу, хопя и чуждую, но всегда величественную и всегда сродную намъ по общимъ

отношеніямъ къ челоѣку, а трагедію картинѣ семейственной, которой живѣйшія права на сердце наше основаны на отношеніяхъ частныхъ. Обратимся къ Озерову.

Онъ, какъ благоразумный художникъ, воспитывалъ дарованіе свое въ Греческой школѣ и зналъ, что для театра нашего еще въ младенчествѣ полезны могутъ быть и правила и самыя примѣры наставниковъ, коихъ искусство возрасло до зрѣлости трудами ихъ генія и не соспѣлось съ вѣками. Къ тому же опираясь опъ Эдипа и все то, что, такъ сказать, шеряется для глазъ нашихъ, его несчастіе, благородная швердосць, нѣжная любовь дочери его, имѣющъ еще довольно правъ на соспраданіе души, и повѣсть Эдипа оспаненія всегда богатымъ и счастливымъ наслѣдствомъ древнихъ, которыми успѣшно могутъ пользоваться и новѣйшіе прагики. — Озеровъ въ составленіи своей трагедіи опспупалъ и опъ Софокла и опъ подражателей его иногда съ успѣхомъ, иногда и нѣтъ. Первое дѣйствіе Софокла перенесено имъ во второе, вѣроятно для того, чтобы познакомить зриателей съ судьбою и отношеніями сыновей его къ нему и, такъ сказать, изложивъ историческое содержаніе трагедіи: сія предоспорожность, излишняя на театрѣ Аѣинскомъ, могла показаться законною на нашемъ. Характеръ Тезея обнаруживается ясно: приемъ Креона и опѣшны на просьбу о союзѣ Тезея, предспав-

ляють благородство и справедливость царя, друга и благошворишеля своихъ подданныхъ. Красота и звучное великолѣпіе стиховъ замѣняетъ сухость и холодность перваго дѣйствія, не открывающаго глазамъ главныхъ лицъ и рѣшишельнаго содержанія трагедіи. Софокль при самомъ началѣ возбуждаетъ въ зрительяхъ состраданіе къ несчастному царю изгнаннику и уваженіе къ дочери, раздѣляющей нищету и бѣдствіе отца. — Трагедію Озерова можно начать со втораго дѣйствія и ущербъ будетъ на сторонѣ одного поэта, а не прагика. Но за второе дѣйствіе вполне награждаетъ за излишнее, можетъ быть, ожиданіе его. Оно выдержано до конца и ознаменовано высокою простотою, столь плѣнительною въ Греческихъ прагикахъ. Вѣрные и строгіе почишатели сохраненія древней истины могутъ съ нѣкоторою справедливою замѣчаніемъ что Эдипъ, привлеченный таинственною судьбою къ храму Эвменидъ, и въ пророческомъ духѣ чающій найти подъ сѣнію убѣжище и конецъ странническимъ бѣдствіямъ, не долженъ былъ впасть въ ужасное изступленіе, которымъ онъ обьятъ, узнавъ отъ дочери, что они находясь близъ храма богинь мести. Замѣчаятъ также и то, что во все продолженіе трагедіи, Эдипъ не облеченъ покровомъ священной таинственности, которымъ онъ закрывается у Софокла отъ взоровъ толпы, до самой смерти, такъ сказать, разгадывающей въ глазахъ

земли великую загадку его жизни, обреченной небомъ на невольныя преступленія и поспоянныя бѣдствія. Характеръ Креоновъ также не почерпнутъ изъ Греческаго источника, или по крайней мѣрѣ не имѣетъ печати, ему сродной. Злодѣи, гордящіеся своими преступлениями и съ опвраиительнымъ чистосердечіемъ судящіе себя безприспрасно, какъ судіи посторонніе, не находяпся ни въ природѣ, ни въ произведеніяхъ геніевъ, ей подражавшихъ; но рождающіяся отъ безпечности или безсилія прагиковъ, которые, не умѣя или не желая дать себѣ труда живописатьъ разительною и твердою кистию характеръ предполагаемый, заспавляющъ его называющъ именемъ, когда искусство пребуеетъ, чтобы онъ опгаданъ былъ зрителями. Сей родъ изображенія естъ одинъ изъ главнѣйшихъ пороковъ Русской трагедіи и торжествуетъ въ *Димитрии Самозванцѣ*. До сей поры онъ еще сохраняется на нашемъ театрѣ. Въ первомъ явленіи третьяго дѣйствія Эдипа, Креонъ съ излишнею искренностию сообщаетъ Нарцессу исповѣдь свою, хотя и весьма поэтическую, но приносящую болѣе чести стихотворцу, нежели прагику. —

Характеръ *Полиника* начертанъ мастерскою рукою. Въ самомъ раскаяніи его прорывающіяся движенія злобы и ненависти къ брату, и зритель въ Полиникѣ, оплакивающимъ преступленія свои у ногъ отца, и готовящемся жертвовать жизнью за него и сестру, угадываетъ еще мятежнаго, необузданнаго

и непримиримаго брата Эпектора. Антигона Озерова совершенная Антигона. Такова она у Софокла, шаква и въ природѣ. Ни на одно мгновеніе, ни въ одномъ движеніи, ни въ одномъ словѣ не измѣняетъ себѣ. Пѣнишельный образецъ дочерней любви, прогашельное сочешаніе нѣжности и швердоспи, чувствившельности и благороднаго презрѣнія къ бѣдспвіямъ; однимъ словомъ, счастливое соединеніе всѣхъ женскихъ добродѣтелей. Въ первый разъ слышали мы на сценѣ голосъ женскій. Антигонѣ не авторъ подсказываетъ, но сердце ея. Замѣшимъ здѣсь, что Озеровъ съ вѣрнѣйшимъ успѣхомъ ловилъ сходство женскихъ лицъ; кисть его при изображеніи ихъ была разборчивѣе въ краскахъ, почнѣе въ ошпѣнкахъ и шщательнѣе въ ошдѣлкѣ. Взгляните на Антигону, Моину, Ксенію, Гекубу и Поликсену! каждый изъ списковъ ихъ носитъ на себѣ печать истины и нѣкоторымъ образомъ свидѣльствуетъ о приспращіи къ себѣ автора, шакъ сказавъ любовавшагося шрудомъ своимъ. Моженъ быль почерпнулъ онъ сію вѣрность изображенія въ нѣжномъ образованіи души своей, отражавшей съ большею живоспію и яноспію женскія добродѣтели, моженъ быль заимспвоваль онъ ее ошъ часпаго обращенія съ женщинами, очищающими какъ вкусъ нашъ, шакъ и самыя чувства. Но обратимся къ Эдипу, который къ сожалѣнію переспаетъ быль Эдипомъ въ плшомъ актѣ. Озеровъ въ окончаніи своей

трагедіи совершенно опспаль опъ Софокла, и пакъ сказать срываепъ съ Эдипа священную печать шаинспвеннаго попеченія о немъ боговъ, чудныхъ къ нему въ гоненіи и милоспи. Нашъ прагикъ измѣнилъ прекрасному концу Греческаго Эдипа, освященнаго передъ смертію, и уже не хилаго слѣпца, имѣющаго нужду въ подпорѣ смертныхъ; но слѣпца руководи-маго промысломъ боговъ и швердою шпопою идущаго къ могилѣ, назначенной ему опъ нихъ наградою за долгія спраданія и приспанищемъ послѣ жипейскихъ шреволненій. Сей прекрасной кончинѣ предпо-чель онъ холодную смерть Креона въ угожденіе лож-ному правилу, проповѣданному намъ новѣйшими пра-гиками, что нравспвенная цѣль трагедіи должна бытъ казнѣ порока и шоржесство добродѣтели. Но прагикъ не еспъ уголовный судья. Обязанность его и всякаго писателя еспъ согрѣвать любовію къ до-бродѣтели и воспалятъ ненавистію къ пороку, а не забошиться о жребіи и приговорѣ Провидѣнія. Ве-ликіе прагики и изъ новѣйшихъ чувспвовали сію испину, и Вольперъ, поражая Зомира и щадя Ма-гомеша, не былъ ни гонителемъ добродѣтели, ни льспецомъ порока. Озеровъ, какъ сказываютъ, сперва и хошѣлъ перенести въ свою трагедію прекрасной конецъ Софокловой; но одинъ актёръ, въ школѣ Сума-рокова воспитанный, испугалъ его предсказывая, что публика дурно приметъ конецъ, шоль прошивный об-щимъ понятіямъ о цѣли драматическихъ швореній, и

родилъ въ немъ мысль развязать свою трагедію смертію Креона. Озеровъ принялъ его совѣтъ и лишилъ себя и насъ счастливаго, можетъ быть единственнаго случая познакомиться съ сверхъестественными окончаніями древняго театра. — Такимъ образомъ вкоренѣлые предразсудки и уполномоченные представившeli ихъ въ обществѣ заграждаютъ произвольными межами путь генію, еще не довольно возмужавшему, чтобы съ постоянною смѣлостію презрѣлъ ихъ въ полетѣ своемъ. — Если иногда въ Эдипѣ Озеровъ былъ послушнымъ ученикомъ древнихъ наставниковъ: то по крайней мѣрѣ съ блистательнымъ успѣхомъ оказался онъ достойнымъ воспитанникомъ, а часто и счастливымъ соперникомъ новѣйшихъ образцовъ. Эдипъ въ Афинахъ будетъ занимать всегда одно изъ почетныхъ мѣстъ на новѣйшемъ театрѣ въ отношеніи къ твореніямъ современной словесности чуждыхъ народовъ, а въ отношеніи къ нашей поставилъ онъ Озерова на ряду съ величайшими нашими поэтами, и на степенъ первѣйшаго нашего трагика. Въ первый разъ сія трагедія была играна на Петербургскомъ театрѣ въ 1804 году и вскорѣ послѣ того напечатана при посвященіи, писанномъ прозою къ Державину, который опѣвчалъ ему стихами, уже опъзывающимися старостію поэта и не спѣющими прозы Озеровой. — Публика, руководимая на этотъ разъ вкусомъ, приняла новую трагедію съ живымъ удовольствіемъ. Журналы по-

гдашняго времени подтвердили ея одобреніе, и между поэтами, привѣщивавшими успѣхъ новаго прагика, былъ и другой пѣвецъ вѣка Екашеріны — Капниспъ. Эдипъ въ Аѣинахъ представленъ также на театрѣ Эрмипажа, и авторъ имѣлъ удовольствіе слышать отъ Государя похвалу и одобреніе своимъ трудамъ. Въ одномъ изъ современныхъ періодическихъ изданій сказано было, что нѣкоторыми любителями отечественной словесности было положено собрать подписку для выбиія золотой медали въ честь автора Эдипа. Мудрено ли, что сердце чувствительное, питающееся одобреніями и довѣрчивое къ надеждамъ, поддавалось усладительнымъ приманкамъ улыбающагося успѣха и въ безпечномъ очарованіи своемъ внимательное къ одному голосу похвалы, не замѣчало скрытнаго ропоха зависти? Осторожность не плѣняется успѣхами, и проникающимъ взглядомъ различаетъ свойства похвалы и искренность хвалищелей; но пламенная и просная душа предается обману и поздно узнаетъ, что слава влепаетъ терніе въ вѣнцы, которыми надѣляетъ она своихъ любимцевъ.

Изъ благословенной Эллады, цвѣтущаго отечества изящнаго и искусствъ, Муза Озерова перенесла его подъ дикое и шуманное небо, прославленное разнообразными, но сильными и сладостными для души пѣснями — сѣвернаго Гомера! Пѣвецъ Греческій открываетъ богатый рудникъ прагикамъ: Оссіанъ

не столь щедрою рукою разсыпаетъ свои сокровища. Воображеніе Гомера богато, роскошно и разнообразно, какъ вѣчная весна, царствующая на опеческихъ его поляхъ. Воображеніе Оссіана сурово, мрачно, однообразно, какъ вѣчные снѣга его родины. У него одна мысль, одно чувство: любовь къ опечеству, и сія любовь согрѣваетъ его въ холодномъ царствѣ зимы и спановишся обильнымъ испочникомъ его вдохновенія. Его герои — ратники; поприще ихъ славы — бранное поле; олпари — могилы храбрыхъ. Сѣверной поэзіи прилично искапъ испочниковъ въ баснословныхъ преданіяхъ народа, имѣющаго нѣчто общее съ ея народомъ, когда разборчивая спирогость не дозволяетъ ей дополнишь своими вымыслами скудныя средства, олпкрышыя опечеспенною исторіею. Сѣверный поэтъ переносишся подъ небо, сходное съ его небомъ, созерцаетъ природу, сродную его природѣ, вспрѣчаетъ въ нравахъ сыновъ ея простоту, въ подвигахъ ихъ мужество, копорыя раждають въ немъ шемное, но живое чувство убѣжденія, что предки его горѣли шѣмъ же мужесствомъ, имѣли шу же простоту въ нравахъ, и что свойство сихъ однородныхъ дикихъ сыновъ сѣвера олпшны были природою въ общемъ льдисномъ сосудѣ. Самый языкъ нашъ предспавляетъ болѣе красотъ для живописанія сѣверной природы. Цвѣшь поэзіи Оссіана, можетъ бышь, удачнѣе обильнаго въ олпшнкахъ цвѣша поэзіи Гомеровою перенесень на

нашъ языкъ. Нѣкоторые Русскіе переводы пѣсней сѣвернаго Барда подтверждаютъ сіе мнѣніе. — Но ровное, и такъ сказать, одноцвѣтное поле его поэмъ общаетъ ли богашую жашву для трагедіи, пребывающей дѣйствія сильныхъ спрасшей, безпрестаннаго ихъ боренія и великихъ послѣдствій? Не думаю. И посему-то *Фингалъ* Озерова можешь скорѣе почесться великолѣпнымъ трагическимъ представлениемъ, нежели совершенною трагедіею. Не основываю мнѣнія моего на томъ, что содержаніе Фингала раздѣлено на три акта, а не на пять. Правило, основанное на предразсудкѣ, можешь и должно всегда вспрѣчать слушниковъ въ пѣхъ, которыхъ голосъ дарованія ихъ вызываетъ изъ толпы. Большая часть трагедій выиграли бы поперее двухъ актовъ и почти всѣ исключительно поперее одного. Новѣйшіе, рабски слѣдуя древнимъ, приняли ихъ мѣрку, не заботясь о выкройкѣ ихъ, и забывая, что въ Греческихъ трагедіяхъ хоры всегда занимають большее мѣсто и раздѣляютъ съ дѣйствіемъ вниманіе зритель. Съ другой стороны Греки не столь жадны были, какъ мы, и содержаніе ихъ пяти актовъ едва ли становившя у насъ на два. Въ трагедіи *Фингалъ* одно только трагическое лице: Спарнъ. Сынъ его Тоскаръ убитъ былъ Фингаломъ, и всѣ чувства родительскія, нѣжная любовь къ сыну, сѣшваніе о немъ, соединились въ одно: въ желаніе мести. — Фингалъ побѣдитель и убійца Тоскара влюбленъ въ

его сестру Моину, которая опшвчаетъ его спраспи. Спарнъ скрываетъ свое негодованіе опъ дочери, не раздвляющей ненависти его къ побдителя сына, и вмѣсто обшаннаго брачнаго шоржества, хочетъ принести Фингала въ жершву меспи своей, на холмъ надгробномъ Тоскара. Вотъ одна прагическая спорона поэмы Озеровой! Онъ съ искусствомъ умѣлъ прошивопспавить мрачному и злобному Спарну, пшящему во глубинѣ печальной души пресшупныя надежды, взаимную и просшочердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Моины, благородство и довѣрчивость Фингала, и сочешаетъ въ одной каршинѣ свѣжіе краски добродѣтельной спраспи, владычествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными красками угрюмой и кровожаднѣйшей меспи, и хипшросъ злобной спароспи съ довѣрчивою смѣлостію добродѣтельной молодости. Какъ прагикъ, онъ воспользовался всѣми выгодами предметовъ избранныхъ, и чѣмъ бѣднѣе въ средспвахъ, шѣмъ рѣшительнѣе и искусствѣ былъ онъ въ распоряженіи. Въ шѣсномъ кругу дѣйствія характеры Спарна, Фингала и Моины являющся во всѣхъ опшпнкахъ. Какъ поэтъ схватилъ онъ смѣлою рукою богатства сѣверной поэзіи, и разбросанныя сокровища соединилъ въ одно цѣлое. — Трагедія *Фингалъ*, шоржество сѣверной поэзіи и шоржество Русскаго языка, богатаго живописью, смѣлостію и звучностію. Рѣчи Моины, ушренный голосъ весны, про-

буждающій сладостнымъ очарованіемъ тишину безмолвныхъ рощей; съшованіе мрачнаго Спарна, унылый голосъ осени, бесѣдующей съ ночною бурею; съ нимъ говорятъ

И вѣтровъ страшный ревъ,

И моря грозный шумъ, и тольный скрипъ деревъ.

Въ Фингалѣ ничто не забыто, ни прагикомъ, ни поэтомъ. Тотъ и другой взялъ съ Оссіана полную дань. Счастливыи преемникъ Озерова можетъ приняться послѣ него за Эдипа, частію сравниваться съ нимъ, а частію и превзойши его; но едва ли дерзнетъ кто нибудь по слѣдамъ его искать добычи въ поэмахъ Оссіана. Онъ найдетъ поле, уже пожатое и обнаженное рукою счастливою и искусною въ выборѣ. Представленіе Фингала говоришь воображенію, сердцу и глазамъ зрителей. Тутъ все у мѣста: пѣніе Бардовъ, хоры Жрецовъ, сраженія. — Всѣ сіи принадлежности, во многихъ прагедіяхъ часто излишнія, въ Фингалѣ нужныя, — тѣсно связаны съ главнымъ содержаніемъ, и пакъ сказашъ, идушъ не за сочинителемъ, а за дѣйствующими лицами. — Несправедливо будетъ сказашъ по нѣкопорымъ отношеніямъ, что Озерову скорѣе надлежало бы соспавишь оперу изъ Фингала. Спарнъ, господствующее и почти дѣйствующее лице въ прагедіи, начертанъ сильными красками, и кистію рѣшительно прагическою. Въ прагедіи Спарнъ уединяется; въ оперѣ онъ совершенно опдѣлился бы

опть общей каршины и разрушилъ согласіе единства. Фингаль предспавленъ былъ въ первый разъ на Пешербуржскомъ театръ въ началъ Декабря 1805 года и напечатанъ съ посвященіемъ Алексѣю Николаевичу Оленину, по словамъ сочинителя присовѣщавшему ему:

Народовъ сѣверныхъ Ахилла описать.

Въ обыкновенныхъ посвященіяхъ находилсѣ припворное уваженіе опть лица посвящающаго и припворная лесь къ лицу покровителя. Въ двенадцати сшихъ Озерова естъ поэзія и чувство. Заслуженныя похвалы сочинителя прагедіи, по предспавленіи ея, не умалились опть напечатанія. Новые лавры вплешены были признапельноспію въ вѣнецъ сочинителя Эдипа: новые шерніа гошовились ему рукою зависти. — Въ 1807 году, когда взоры Россіи успремлены были на борьбу храбрыхъ сыновъ ея съ силою грознаго врага, гошовившаго цѣпи рабства Европѣ, Озеровъ въ прагедіи *Димитрій Донской*, напомнилъ согражданамъ своимъ о великой эпохѣ древней славы Россіи, когда на Задонскихъ поляхъ нанесенъ былъ сильный ударъ власпи Мамай, кичливаго прошивника Русской свободы. Озеровъ возвращилъ прагедіи истинное ея достоинство: пишеть гордоспѣ народную священными воспоминаніями и вызываешь изъ древности подвиги великихъ героевъ, благошворителей современникамъ, служащихъ образцемъ для потомства. Историческія прагедіи, или по крайней

мѣръ трагедіи, основанныя на вымышленной повѣсти, вставленной въ историческую раму, должны всегда имѣть преимущество предъ другими. Но имѣеть ли право трагикъ одѣвать по своему лица, заимствованныя имъ изъ исторіи, и можетъ ли удовольствоваться тѣмъ, что предлагаешь ему исторія? Древніе позволяли себѣ воскрешать изъ мертвыхъ лица, которыя уже схоронены были ими, и измѣняли хронологической истинѣ исторіи, смѣшанной у нихъ всегда почти съ баснословными преданіями, не менѣе уважаемыми. Мнѣ кажется, что и новѣйшіе трагики могутъ опусташъ опъ частной исторической истинны, съ тѣмъ только, что бы быть ей вѣрнымъ въ общемъ смыслѣ. Трагику, на примѣръ, позволено измѣнять исторіи въ подробностяхъ и по желанію своему переносить героя за двадцать лѣтъ впередъ или назадъ въ его жизни, забывая о семейственныхъ связяхъ его; но характеръ историческій героя долженъ быть для него святынею, до которой не можетъ онъ допроникнуться своею рукою. Трагикъ, представившій намъ пирана благошворителемъ своихъ подданныхъ, или благороднаго друга свободы рабомъ пресмыкающимся у прона, равно виновенъ передъ исторіею и передъ трагедіею. Но Озеровъ, представившій Димитрія любовникомъ Ксеніи въ день битвы Донской, когда онъ въ исторіи является уже супругомъ великой Княгини Евдокіи, пользовался свободою,

законною принадлежностію искусства. Счастливы были бы Озеровъ, если бы довольствовался сею прагматическою вольностію; но увлеченный романтическимъ воображеніемъ, онъ нанесъ пресупную руку на самый историческій характеръ Димитрія и унижилъ героя, что бы возвысить любовника. Не только въ Димитріи, но едва ли во всей опечесвенной исторіи, найдется образецъ сниска, предсавленнаго намъ Озеровымъ. — Его Димитрій и въ самыхъ благородныхъ движеніяхъ души своей и въ самомъ подвигъ славы, напоминаетъ намъ не Великаго Князя Московскаго, но болѣе полуденнаго рыцаря среднихъ вѣковъ. Позволю себѣ и болѣе обвинить Озерова: невѣрный блюстителъ истинны въ изображеніи историческаго Димитрія, не избѣгаетъ онъ справедливой укоризны и за Димитрія, созданнаго его воображеніемъ. Предупреждая обвиненія судей, прагматикъ влагаетъ въ уста Бренскаго, Бѣлозерскаго, Смоленскаго и самой Ксеніи, рѣшительный приговоръ осужденія поступкамъ Димитрія, законнымъ во всякое другое время, но пресупнымъ въ день боя, когда опечесво, пребуя жертвы его спраши и обиженнаго самолюбія, ожидаетъ опъ него своего освобожденія. Не унижается ли достоинство Димитрія, когда Ксенія, не менѣ его спрашная, находитъ довольно мужества въ душѣ, что бы заглушить голосъ любви, и произвольною жертвою не укоряетъ ли она его въ постыдномъ малодушіи? Кончина

Бренскаго, на смерть посланнаго Димитріемъ, не есть ли ужаснѣйшая и постояннѣйшая укоризна ему? Самый соперникъ Димитрія не испортиаетъ ли невольную дань уваженія, опказываясь опъ руки Ксеніи, и не долженъ ли признасться каждый зритель вмѣстѣ съ Димитріемъ, что онъ превзошелъ его? Между пѣмъ въ эпюмъ самомъ обвиненіи не найдемъ ли мы убѣдительнѣйшаго доказательсва искусства прагика, который будучи какъ бы въ распрѣ съ самимъ собою, попеременно водить Димитрія опъ спыда къ шоржеспву, невольно привязываетъ насъ къ его участи, и побѣждая сердце на зло разсудка, заставляетъ осуждать его слабости и приниматъ въ нихъ живѣйшее и господствующее участие. Можетъ быть въ семъ случаѣ прагикъ многимъ обязанъ поэту. Роли Димитрія и Ксеніи писаны съ начала до конца рукою истиннаго поэта. Говоритъ ли онъ о храбрости, о благородной любви къ опечеспву? въ рѣчахъ его опзываются звуки мужесшвеннаго голоса Корнеля. Съпуетъ ли нѣжная любовь? шрогашельные звуки чувспвишельной души Расина доходящъ до глубины сердца. Великолѣпное начало трагедіи напоминаетъ красоту первыхъ явленій *Танкреда* и *Брута*. Оно украшено историческими воспоминаніями, частными и мѣстными подробностями, придающими каршинъ особенную прелестъ на Русской сценѣ. Опвѣтъ Димитрія послу есть одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ опрышковъ

нашей поэзіи. Второе дѣйствіе, открывающееся прекраснымъ явленіемъ Ксеніи, полно движенія, жара, и съ начала до конца не задерживается и не оспыиваетъ ни на одно мгновеніе. Расказъ въ пятомъ дѣйствіи отличается необыкновенною описательною красотою и можетъ служить образцомъ въ эпическомъ родѣ. По большой части подобные расказы охлаждають дѣйствіе и могутъ назваться узаконенными ошибками новѣйшихъ трагедій; но здѣсь онъ замѣняетъ дѣйствіе и имѣетъ особенную красоту, основанную на положеніи несчастной Ксеніи (которая желаетъ узнать о жребіи бѣнвы, сопряженномъ съ жребіемъ Димитрія, но не смѣетъ явно открывать участія, принимаемаго ею) и на таинственности незнакомаго воина, рѣшившаго побѣду. Явленіе раненнаго Димитрія прекрасно. Священныя раны его, искупившія свободу отечества, грозная утрата жизни, совершившаяся утрата всѣхъ надеждъ души его, краснорѣчивая сила несчастія: все говоритъ въ его пользу. Онъ рѣшителъ побѣды; но слава не льститъ сердцу, убитому въ живѣйшихъ чувствахъ. Димитрій побѣдителъ и несчастливецъ миритъ съ собою и противниковъ своихъ, оскорбленныхъ его упорствомъ, и зрители, спрогихъ судьей его поступковъ необдуманныхъ. Вообще трагедія, кромѣ ея драматическаго достоинства, согрѣта какою-то поэтическою любовію къ отечеству, которая отражается съ живостию и силою въ Русскихъ сердцахъ, и

которой напрасно будемъ искать въ швореніяхъ Сумарокова, Княжнина и самаго Хераскова, пѣснопѣвца Россіи. Она и при началѣ своемъ имѣла разительное отношеніе къ современнымъ обстоятельствомъ; но послѣ происшествій 1812 года, которыя нѣкоторымъ образомъ предсказаны во многихъ спискахъ *Димитрія*, еще болѣе спланившись на нашемъ театрѣ народною трагедіею. Здѣсь невольно сливается съ воспоминаніемъ о ней воспоминаніе и другой трагедіи, которой шворецъ и дарованіемъ и преждевременною смертію, пресѣкнуто при самомъ развшіи исполняющуюся надежду прекрасной жизни, раздѣляетъ съ Озеровымъ дань нашихъ слезъ и уваженія. Трагедія *Пожарской* если не изобилуетъ прагматическими красотами *Димитрія*, то можетъ по крайней мѣрѣ по достоинству своему поэтическому занять, хотя и въ нѣкоторомъ разспояніи, первое по ней мѣсто.

Новое швореніе Озерова, принятое съ восторгомъ, было послѣднею эпохою его счастья и успѣховъ. Съ горестію подходимъ къ послѣдному памянику его дарованія, свидѣтельствуя о зрѣлости таланта прагматика и о печальной истинѣ, что чувствительное сердце рѣдко уживается со славою. Частныя неудовольствія, легкія можетъ быть для другаго, но нестерпимыя для нѣжной и благородной души, удалили Озерова въ деревню. Геній остается вѣренъ любимцу своему, забытому

людьми, и покровительствуетъ гонимаго счастью; но слабое сердце человеческое живетъ и согрѣвается постороннимъ одобреніемъ: собственное для него не всегда удовлетворительно, и душа оспываетъ при молчаніи равнодушія. И что въ обольщеніяхъ опдаленной славы, если она не подавательница настоящаго счастья? Въ пишинѣ деревни Озеровъ кончилъ въ 1809 году трагедію *Поликсену*, копорая съ удовольствіемъ принята была публикою; но сдѣлалась, какъ сказываютъ для автора источникомъ многихъ неприятностей, и чувствительное сердце поэта сохранило до гроба живую память о нанесенномъ оскорбленіи. Расинъ, обогатившій *Федрою* своихъ современниковъ, нашелъ въ нихъ приспρασныхъ и несправедливыхъ судей; Озеровъ испыталъ почти ту же участь написавъ *Поликсену*, совершеннѣйшее произведеніе своего дарованія, и слѣдственно лучшую трагедію нашу. Не смотря на нѣкошорія погрѣшности въ планѣ, *Поликсена* полнѣе и совершеннѣе въ цѣломъ прежнихъ трагедій Озерова. Характеры Пирра, Агамемнона, Гекубы, Поликсены, выдержаны до конца. Мастерство кисти Озерова, замѣченное прежде въ изображеніи женскихъ характеровъ, торжествуетъ здѣсь съ новымъ блескомъ. Я согласно съ справедливымъ мнѣніемъ критика, по многимъ опношеніямъ, споль богатаго средствами цѣннѣе достоинства Русской трагедіи и сличаетъ ее

съ ея образцами, * почиаю лишнимъ лице Нестора, играющаго въ *Поликсенъ* такую же бесполезную роль; какую играетъ Князь Бѣлозерскій въ *Дмитріи*; съ тою только разницею, что Озеровъ щедрѣе надѣлилъ хорошими спихами Греческаго словоохотнаго старца. Однако же позволю себѣ сомнѣваться въ справедливости нѣкоторыхъ другихъ укоризнъ, сдѣланныхъ прагику, и осмѣлюсь оправдать его. Пирру прилично было требовать въ жершву именно Поликсену, а не Гекубу и не Кассандру, потому, что цѣна жершвы возвышалась въ глазахъ сына правомъ ея свободы. Прахъ Ахилловъ не довольствовался бы почестію, еслибъ жершвою была плѣнница; а Гекуба и Кассандра, не смотря на высокое рожденіе, подпали общему жребію. Одна Поликсена оставалась въ свободѣ: она одна могла быть достойною и исключительною наградою героя. Иную жершву Ахиллъ долженъ бы былъ дѣлить съ другимъ вождемъ и получить опъ его соизволенія. Надменному ли Пирру ходатайствовать за прахъ родителя и молить о снисходительности равнаго себѣ? Пойдемъ далѣе. Улиссъ требуетъ не награды за похищеніе Поликсены; но замѣны плѣнницы своей, освобождаемой Гекубы, которая только послѣ объявленія ей свободы идетъ въ спавку Агамемнонову, пользуясь

* См. Крипику Поликсены, — напечатанную въ *Вѣстникѣ Европы* нынѣшняго года.

правомъ, ей дарованнымъ. Кассандра не произвольно оплучается изъ спана Агамемнонова, но по приказанію его и съ тѣмъ, чтобы утѣшить скорбную мать: она рассказываетъ о томъ, и слова ея объясняютъ и оправдываютъ въ глазахъ зрителя нечаянный ея приходъ. Первые при дѣйствія исполнены движенія и жизни. Споръ Пирра и Агамемнона предложенъ съ большимъ искусствомъ; явленіе Гекубы съ Улиссомъ сильно и краснорѣчиво; бесѣды матери съ дочерью до высшей степени прогнательны. Четвертый актъ есть дань принужденная самовластію обычая, опредѣлившаго трагедіи пять дѣйствій. Послѣдній силенъ трагическою занимательностію. Добровольная смерть Поликлены есть счастливая, хотя и романическая развязка, и слѣдующее за тѣмъ послѣднее явленіе, ни мало не охлаждаетъ дѣйствія, произведеннаго смертію Поликлены. Кассандра, сестра несчастной жертвы неистовыхъ Грековъ, въ пророческомъ испущеніи предсказываетъ имъ бѣдствія, ожидающія ихъ, и нѣкоторымъ образомъ миритъ зрителей съ жестокими богами, осудившими на плачевное спрданіе все ея семейство. Въ послѣднихъ словахъ Неспора, заключающихъ трагедію, мы слышимъ отголосокъ души поэта. Обманувшійся во многихъ надеждахъ, разсѣрзанный въ живѣйшихъ чувствахъ сердца, онъ взоромъ разочарованнымъ глядѣлъ на жизнь и съ удовольствіемъ думалъ о смерти, спокойномъ убѣжищѣ упомянутыхъ спранныхъ земли.

Сии стихи, послѣдніе изъ извѣстныхъ, оставшихся по немъ, и какъ пѣснь лебедя, предсказывающая его кончину, скрываютъ тайное предчувствіе ужасной судьбы, омрачившей западъ жизни чувствительнаго поэта. Въ деревнѣ началъ онъ *Медею* и написалъ уже при дѣйствіи; но что съ ними сдѣлалось, не извѣстно. Сказываютъ, что въ припадкѣ унынія кинулъ онъ ихъ въ огонь. Еще были у него заготовлены два плана новыхъ трагедій: *Вельгарда Варага мученика при Владимирѣ*, и *Осады Дамаса*. Въ послѣдней намѣревался онъ подражать одной Англійской трагедіи. — Судьба и люди не позволили ему обогатить нашъ театръ и усовершенствовать трагическое искусство, нѣкопорымъ образомъ родившееся и умершее съ нимъ. Излишнимъ кажется доказывать, что ни Княжнинъ, ни Сумароковъ, не были его образцами, и смѣшно напоминать, что произведенія, послѣдовавшія за его трагедіями, не имѣютъ ни какого съ ними сходства. Лучшія изъ первыхъ и послѣднихъ слѣплены съ одного образца и могутъ почесаться мертвыми подражаніями Французской классической трагедіи, въ которыхъ иногда кое-какъ сохранены узаконенныя условія, проповѣданныя драматическими пиисниками. Трагедіи Озерова занимаютъ между ими средину, и въ самыхъ погрѣшностяхъ своихъ представляютъ намъ опустошенія опъ правилъ исполненныя жизни и носящія свой образъ. Онъ уже нѣсколько принадлежатъ къ

новѣйшему драматическому роду, такъ называемому романтическому, который принялъ Нѣмцами отъ Испанцевъ и Англичанъ. Оцѣняя достоинство Озерова, какъ трагика, справедливость принуждаетъ насъ замѣтить, что трагику на равной степени совершенства съ другими писателями должно всегда бороться съ большими препятствіями для достиженія своей цѣли, а пѣмъ болѣе у насъ, гдѣ и самый языкъ, еще не смягченный употребленіемъ, столь часто упорствуетъ противъ усилій писателя. Занимающійся инымъ родомъ словесности одерживаетъ свои побѣды въ единоборствѣ. Трагикъ дѣйствуетъ противъ многочисленной силы, и если иногда можетъ слабѣть въ частныхъ пораженіяхъ, то по крайней мѣрѣ долженъ необходимо въ цѣломъ одержать рѣшительную побѣду. Удовлетворивъ спроговому и взыскательному вкусу публики, всегда недоброжелательной, онъ есть полководецъ, выигравшій генеральное сраженіе противъ неприятелей, оспаривавшихъ ему каждый шагъ побѣды. Успѣхъ его, съ одной стороны пробуждающій спораданіе зависти, съ другой имѣетъ еще нужду утвердиться полнѣйшимъ одобреніемъ беспристрастныхъ и просвѣщенныхъ судей, истинныхъ цѣнителей прудностей его подвига. И такъ, какъ трагикъ, Озеровъ, неоспоримо стоитъ въ лѣтописи опечесивенной словесности побѣдителемъ своихъ предшественниковъ и опаснымъ соперникомъ для послѣдователей.

Какъ поэтъ имѣетъ онъ преимущества, такъ ска-
зашъ, ему особенно принадлежащія. Озеровъ прагматикъ
можетъ и долженъ служить образцемъ на шею
нашему. Какъ поэтъ, хотя и неоспоримо утвер-
дившійся на чредѣ первѣйшихъ нашихъ поэтовъ, не
можетъ и не долженъ онъ быть образцовымъ. Въ
самыхъ красотахъ слога онъ болѣе счастливъ, нежели
правильнъ. Одаривъ Русской языкъ богатствомъ,
до него еще безъизвѣстнымъ, не щадишь онъ его во
многихъ случаяхъ. Часто намекаетъ намъ, гдѣ нужно
выразить, и оспанавливаешь намъ, гдѣ надобно быть
быстрымъ. Часто употребляетъ онъ во зло при-
своенную Русскимъ языкомъ переноску словъ, и
сбиваясь въ истинномъ ихъ значеніи, довольствуется
словомъ близкимъ къ настоящему. Нѣтъ въ стихахъ
его той свободы, той мягкости, которая застав-
ляетъ читателя забывать о трудѣ стихотворца,
и вѣроятно въ составѣ его стиха сохранились слѣды
первыхъ его учителей. Почеркъ дѣшево измѣняется
съ лѣтами, но не можетъ совершенно преобразо-
ваться, и суровость языка временъ Княжнина глухо
отзывается еще въ поэмахъ Озерова. Но за то, гдѣ
говоритъ сердце, какая сила краснорѣчивая! какая
истина и вѣрность въ звукахъ чувствительной души!
какая увлекающая прелесть въ порывахъ мечта-
тельнаго воображенія! какое глубокое уныніе, измѣ-
няющее сердце, не приученному къ жизни счастьемъ!
Гдѣ болѣе найдемъ мы живыхъ красотъ въ описатель-

номъ родѣ, какъ не въ его трагедіяхъ? Гдѣ болѣе примѣровъ искусства пользоваться подробностями и вставляя ихъ въ общую картину съ сохраненіемъ единства и при томъ съ разнообразіемъ? *Димитрій Донской* устьянъ историческими воспоминаніями, мѣстными подробностями. *Фингалъ* есть нѣкопорымъ образомъ пантеонъ сѣверной поэзіи; въ *Поликсенѣ* взята обильная дань съ *Иліады*, и въ этомъ смыслѣ можно, по выраженію Эсхилла, назвать ее *барельефомъ* пиршества Гомера. Съ этой стороны Озеровъ у насъ заслуживаетъ особенное одобреніе, тѣмъ болѣе, что онъ ни въ одномъ изъ нашихъ поэтовъ не нашелъ тому примѣра. Не всегда въ устройствѣ цѣлой картины должно искать свидѣтельства о гениі живописца: часто одна черта, непримѣтная для глазъ непросвѣщенныхъ, открываетъ тайну прозорливому взгляду опытнаго наблюдателя. Не смотря на прозаическіе и жосккіе стихи, разбросанные въ его трагедіяхъ, вообще стихи его звучны и полны. Едва ли не у него должно искать лучшихъ нашихъ *Александрійскихъ* стиховъ.

Изчисляя заслуги Озерова, принесенныя Русскому театру, благодарность заставляетъ упомянуть и о томъ, что онъ произведеніями своими образовалъ актрису, которая на нашей сценѣ, первая постигла тайну трагическаго искусства. Если Французы обязаны были Расину за *Шаммеле*, безъ сомнѣнія и мы

XLVI О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова.

должны благодарить Озерова за Семенову. Великій
прагикъ творить великихъ актёровъ. Озеровъ со-
здалъ Ксенію и Моину: Семенова поняла поэма и
оживотворила черпы его воображенія.

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ОЗЕРОВА.

- I. ЭДИПЪ ВЪ АѢИНАХЪ.
 - II. ФИНГАЛЬ.
 - III. РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.
-

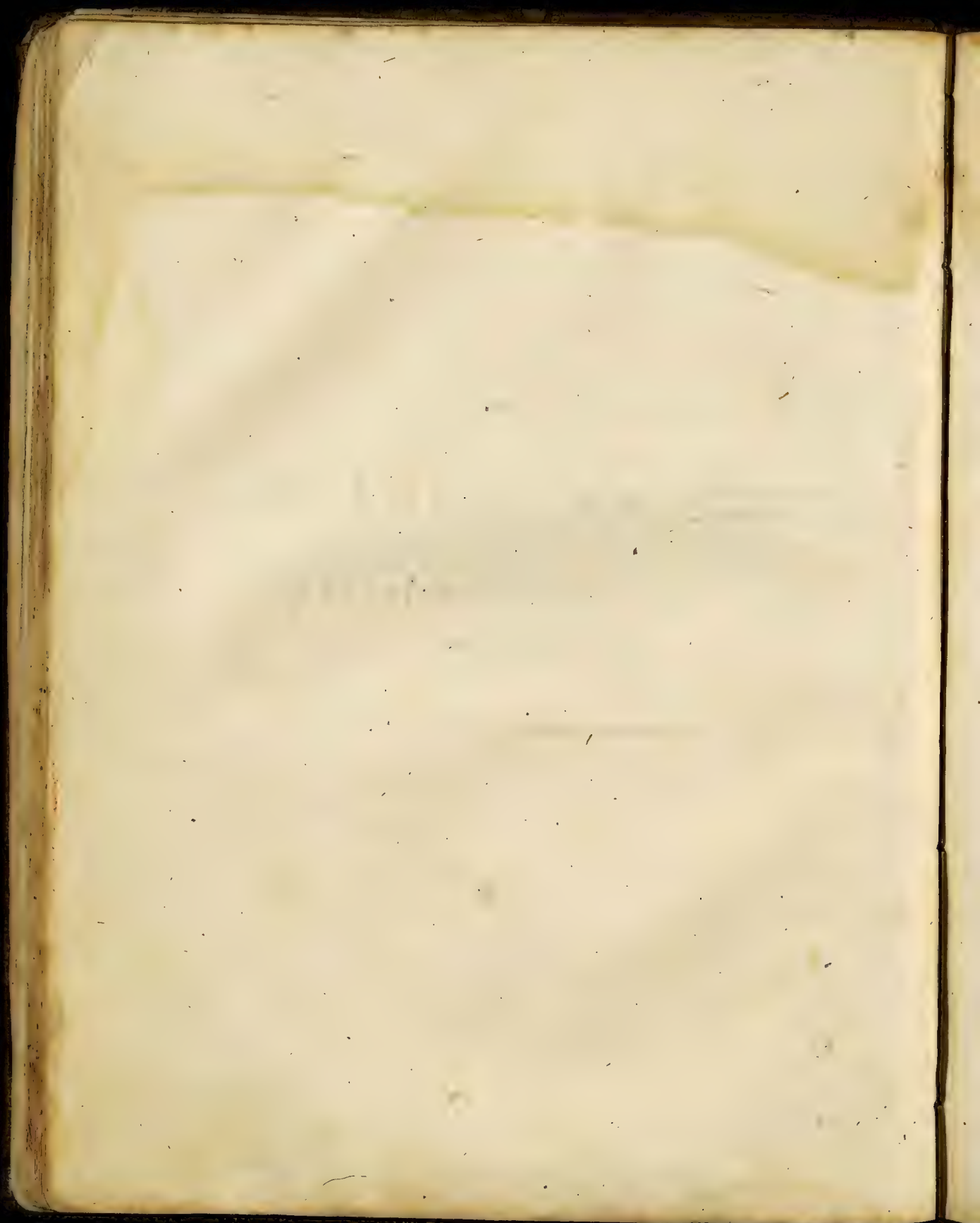
Издѣвѣніемъ содержателя театральнѣй типографіи
А. Похорскаго.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлено было въ особенную канцелярію министра полиціи сихъ сочиненій пять экземпляровъ, для препровожденія оныхъ по силѣ узаконеній куда слѣдуетъ. Санктпетербургъ, 10 мая, 1816 года.

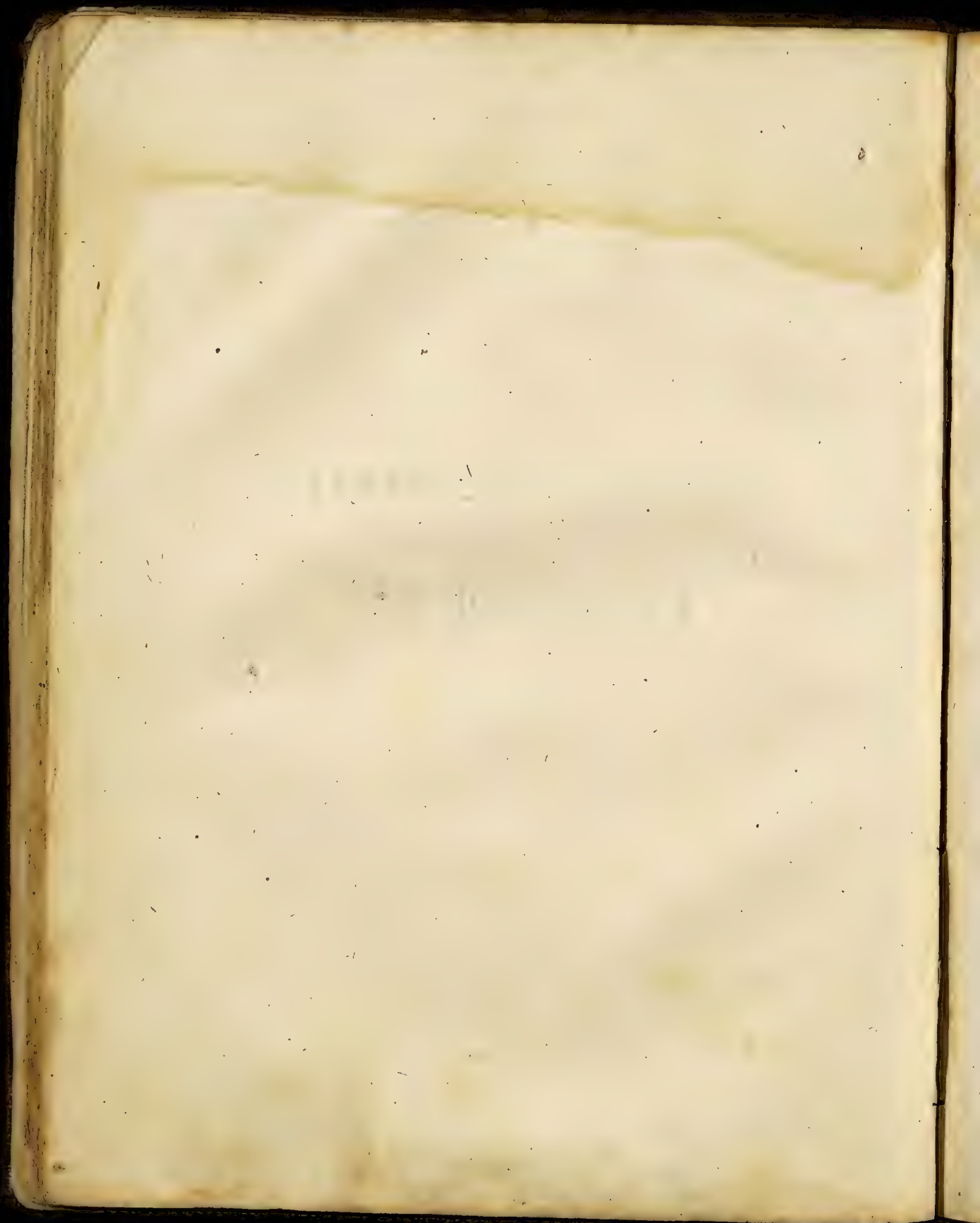
ЭДИПЪ ВЪ ЛОИНАХЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,
ВЪ СТИХАХЪ.

ГАВРІЛУ РОМАНОВИЧУ

ДЕРЖАВИНУ.

Посвящая вамъ сію трагедію, я приношу мой даръ не тѣмъ достоинствамъ, кои возвели васъ на высокія степени въ государствѣ. Пусть безпристрастное потомство судитъ ваши подвиги на службѣ отечества: авторъ Эдипа желалъ только принести дань удивленія и восторга тому великому генію, который явилъ себя единственнымъ соперникомъ Ломоносова, и съ выпреющимъ пареніемъ Пиндара умѣлъ соединить философію Горація и прелестную игривость Анакреона; который своимъ перомъ, смѣлымъ и живописнымъ, представилъ природу въ красотахъ ея и ужасѣ, и царицу Киргисъ-Кайсацкой орды изобразилъ кистію Рафаеля. Вдохновеннымъ пѣснѣмъ вашей Мѣзы, величественнымъ, какъ стройное теченіе вселенной *, плѣнительнымъ, какъ свѣтлый ключъ Гребеневскій, быстрымъ, блистательнымъ, какъ водопадъ Суны, поучительнымъ, какъ смерть, современница міровъ **, и безсмертнымъ, какъ герои, предметы хвалы еяшей ***, я обязанъ живѣйшими наслажденіями въ жизни: и можетъ быть

* Въ одѣ Богъ.

** Въ одѣ На смерть Князя Мецѣрскаго.

*** Пожарской, Мининъ, Долгорукой, Румянцовъ и Суворовъ.

сіянію вашей славы буду обязанъ я спасеніемъ труда
моего отъ мрака забвенія. Для меня и то уже по-
служитъ достоинствомъ въ потомствѣ, когда скажутъ,
что авторъ Эдипа умѣлъ почитать геній Державина.

Владиславъ Озеровъ.

ЭДИПЪ ВЪ АѢИНАХЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

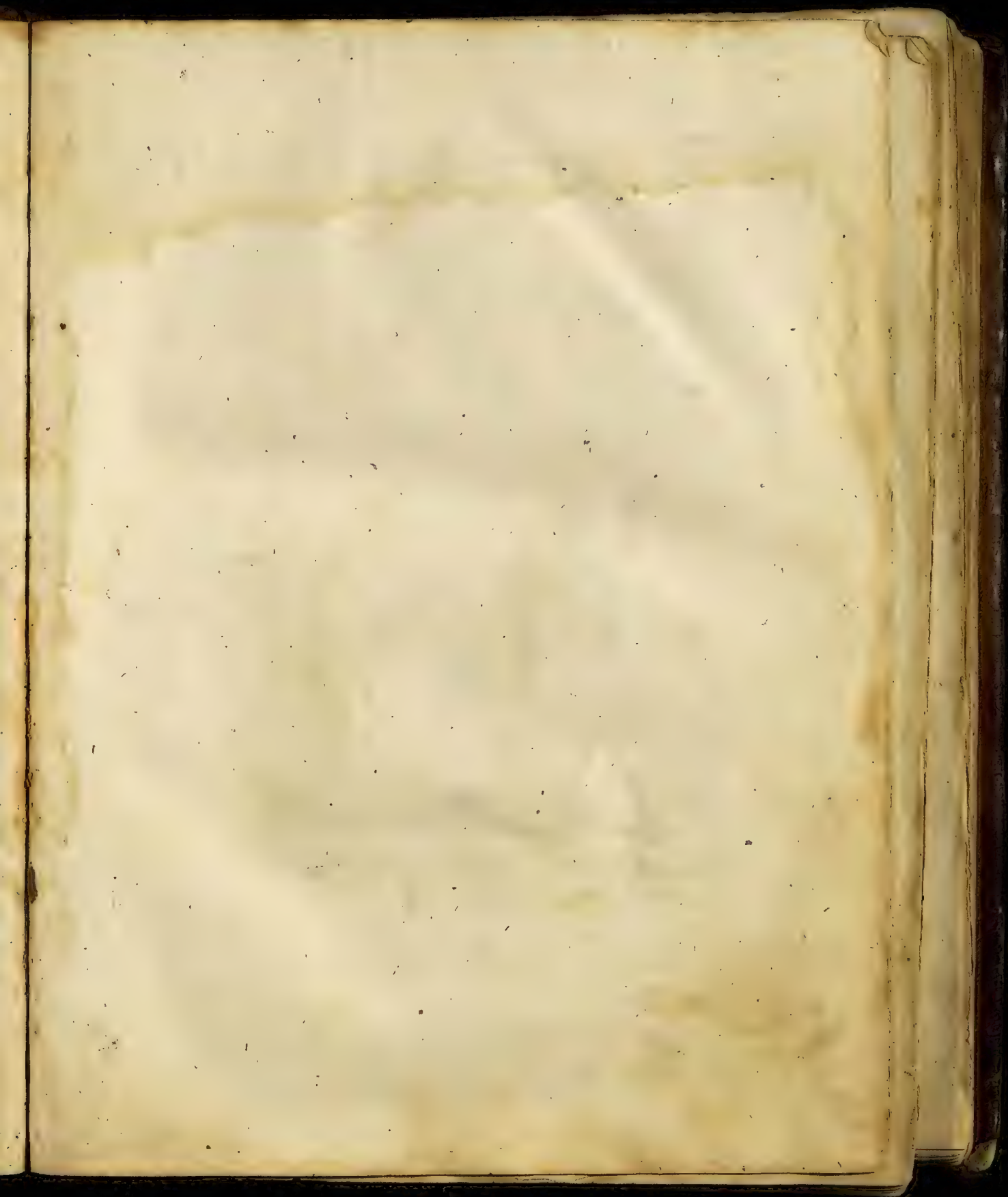
Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ
придворномъ театрѣ 23 ноября, 1804 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ТЕЗЕЙ, царь Аѣинскій	- - - - -	Г. Яковлевъ.
ЭДИПЪ, бывший царь Фивскій	- - -	Г. Шуллеринъ.
АНТИГОНА, дочь его	- - - - -	Г-жа Семенова.
ПОЛИНИКЪ, сынъ его	- - - - -	Г. Жебелевъ.
КРЕОНЪ, посланникъ Этеокла, царя Фивскаго	- - - - -	Г. Сахаровъ.
НАРЦЕСЪ, наперсникъ Креоновъ	- -	Г. Шарповъ.
ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ храма Эвменидъ		Г. Бобровъ.
ВѢСТНИКЪ.		
ЖРЕЦЫ.		
НАРОДЪ Аѣинскій.		
СТРАЖА Тезеева.		
ВОИНЫ Креоновы.		

Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Аѣинской.

Мой мечъ союзникъ мнѣ.

Дѣят. 1. Гол. 4.

ЭДИПЪ ВЪ АѢИНАХЪ,

Т Р А Г Е Д І Я.

Д Ъ Й С Т В І Е П Е Р В О Е.

Театръ представляетъ поле; въпереди разбитъ царскій шатеръ; въ дали съ одной стороны видѣнъ городъ АѢины, съ другой храмъ Эменидѣ, окруженный кипарисами.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

ТЕЗЕЙ выходитъ изъ шатра; народъ АѢинскій спускается съ горы; стража царская при шатрѣ.

ХОРЪ НАРОДА.

Какъ ясно солнце на возходѣ
Весной природу всю живишь,
Такъ добрый царь въ своемъ Народѣ
Сердца приходомъ веселишь.

Тезей, АѢинянь избавитель,
Надменность Крипскую попраля!
Онъ счастья нашего зиждитель:
Законы мудрые намъ далъ!

Храните боги дни Тезея,
Продлите дни счастливы намъ;
Подобной властью вамъ владѣя,
Онъ въ благости подобенъ вамъ.

Часть I.

ТЕЗЕЙ.

О славный мой народъ, сыны мои любезны!
 Когда для васъ могли мои быть дни полезны,
 Я счастливъ: и сей гласъ отъ искреннихъ сердецъ
 Лестнѣе для меня, чѣмъ скипетръ и вѣнецъ.
 Но благодарственны вы гласы прекратите;
 Сей день на таинства велики посвящите.
 Въ пространномъ полѣ семъ, подъ градскою стѣной,
 При всходѣ солнечномъ вы созванные мной,
 Чѣмъ шествовать во храмъ, гдѣ скорбь людей гонимыхъ,
 Воздвигла жертвенникъ богинь неумолимыхъ.
 Уже въ минувшу ночь подземный громъ гремѣлъ,
 Мой царскій прясся домъ, во храмъ огонь пустился;
 Какъ будто Фуріи, къ Аѳинянамъ суровы,
 Желали, что бы мы несли имъ жертвы новы;
 Безвѣстнымъ мщеніемъ ихъ черна грудь кишитъ.
 Отъ сюда храма ихъ является намъ видъ;
 Пойдемъ, мои сыны, пусть жертвоприношенья
 Пріавъ, смягчатся къ намъ сіи богини мщенья.

Тезей хочетъ идти.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПРЕЖНІЕ И ВѢСТНИКЪ.

Желаетъ предъ тебя введеннымъ быть Креонтъ;
 Отъ Фивскаго царя посломъ явился онъ.
 Что повелишь?

ТЕЗЕЙ.

Креонтъ, кѣмъ нынѣ горды Фивы
 Приблизились къ концу и стали несчастливы?
 Сей Эпеокловъ другъ, сей родственникъ царей,

Которыхъ ввергъ въ бѣды онъ хитроспью своей?
 Чшо хочешь опъ Аѳинъ? чшо хочешь опъ Тезея?
 Посольство щещное, коль зрю въ послѣ злодѣя.

Къ народу.

Къ свершенію мольбы народъ иди во храмъ.

Вѣстнику.

Посланникъ Фивскій пусть сюда предстанетъ къ намъ.

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

ТЕЗЕЙ и СТРАЖА.

ТЕЗЕЙ.

О боги, сколько вы во ярости ужасны!
 Царей ли гоните, и царствія несчастны!
 Эдипъ, ты гнѣвъ несешь, и весь швой страждетъ родъ,
 Колеблемъ Кадмовъ градъ, въ немъ спонетъ швой народъ.
 И Этеоклъ, швой сынъ, на зыбкомъ сидя пронъ,
 Злой лещью уловленъ, мнишь друга зрѣшь въ Креонъ.

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

ТЕЗЕЙ, КРЕОНЪ, НАРЦЕСЪ, СТРАЖА Тезея и воины
 Креона.

КРЕОНЪ.

Аѳинянь счастливыхъ, о храбрый царь Тезей!
 Благополучнѣйшимъ день въ жизни чшу моей,
 Въ который зрѣшь возмогъ шоль славнаго героя,
 Въ законахъ кропкаго, великаго средъ боя,

*

Чьей громкой славою уже давно полна
Премудрой Греціи обширная страна,
И чьи дѣянія позднѣйшіе потомки....

Т Е З Е Й.

Оставимъ лесть, Креонъ, слова оставимъ громки.
Въ устахъ вельможи лесть есть скрытная вражда,
Оправда здѣсь ея должна намъ быть чужда.
Возсядь и важную повѣдай мнѣ причину
Посланья твоего.

К Р Е О Н Ъ.

Несчастливу судьбину

Потомства Кадмова ты знаешь, государь.
Эдипъ, Лаіевъ сынъ, послѣдній Фивскій царь,
Рожденъ на бѣдствіе боговъ опредѣленьемъ,
Вселенну ужаснулъ невольнымъ преступленьемъ.
Родителей не зная, онъ яростной рукой
Во грудь отца вонзилъ мечъ беззаконный свой,
И обагрень еще сей драгоценной кровью,
Онъ съ матерью своею спрягаясь любовью,
Союзъ свой совершилъ у брачныхъ олшарей.

Т Е З Е Й.

Кто добродѣтели не измѣнялъ своей
Среди случайности невольна преступленья,
Тотъ большаго опъ насъ достойнъ сожалѣнья.
Безъ ропота къ богамъ, Эдипъ ихъ чпъ законъ,
Лишилъ себя очей, оставилъ Фивскій тронъ,
И предалъ дни свои спенанью и печали.
Но кто бы мыслишь могъ, чпобъ ближніе смущали
И по уныніе несчастнаго слѣпца;
Что бы престола блескъ, прельщеніе вѣнца,
Могли въ душахъ пресѣчь родство и состраданье,
И наконецъ Эдипъ чпобъ позналъ изгнанье?

К Р Е О Н Ъ.

Злосердый Полиникъ родишеля изгналъ.

Т Е З Е Й.

Другъ ложный шопъ совѣшъ ему коварный далъ.

К Р Е О Н Ъ.

Совѣшамъ внемлетъ ли духъ пылкій на престолъ?
Онъ мыслишъ дни веспи спрасшей своихъ по волю,
Всѣхъ выше смертныхъ ставъ, мнишъ равенъ бышъ
богамъ.

Эдипъ оставя скиптръ, вручилъ его сынамъ,
И въ Фивахъ изпросивъ согласіе народно,
Велѣлъ надъ шой спраной имъ царствовать погодно.
Но вскорѣ Полиникъ, по жребію приявъ
Годишну первый власть, явилъ развратный нравъ;
Вкусивъ величія смертельныхъ оправы,
Онъ добродѣтели пуши оставилъ правы,
И своенравіе вмѣня себѣ въ законъ,
Спрасшамъ своимъ не зналъ ни мѣры, ни препонъ.
Какіе дни, увы! какіе дни плачевны
На Кадмовъ древній градъ послали боги гнѣвны!
Народъ въ домахъ стеналъ, во храмахъ слезы лилъ,
Ропшалъ на шоржищахъ и предъ дворцемъ вопилъ.
Но царь ожесточась и презря гласъ природы,
Изгналъ изъ Фивъ опца, чшобъ бурны непогоды
И солнца лѣпній зной могли бы наконецъ
Къ землѣ склонить главу, носившую вѣнецъ.
Эдипъ изъ спранъ въ спрану гонимъ своей судьбиной,
Имѣешъ нѣжну дочь опорою единой.

Т Е З Е Й.

Но Полиниковъ братъ, но Этеоклъ, Креонъ,
Какъ могъ природы зрѣть нарушеннымъ законъ?

КРЕОНЪ.

Преемникъ бывъ царя, въ своей высокой долѣ
 Онъ долженъ былъ спрдасть и рабствовать всѣхъ болѣ;
 И Полиникъ своей въ немъ власти зря предѣлъ,
 Пуши ему закрышь къ престолу возхошѣлъ;
 Онъ брату своему готовилъ заточенье,
 Но тѣмъ народное свершилъ ожесточенье.
 Лишь только царствія несчастный минулъ годъ,
 То Этеокла весь царемъ призналъ народъ,
 Вѣнчалъ короною и власть вручивъ державну,
 Тѣмъ Полиникову власть кончилъ своенравну.
 Опять спокойные намъ возсіяли дни!
 Но что бы не могли нарушиться они,
 Народъ любя царя, опредѣлилъ закономъ,
 Чтобъ Этеоклъ по смерти владѣлъ единый трономъ.
 Вопще препятствовалъ его кичливый бранъ,
 Законъ прияли всѣ, и онъ оставилъ градъ
 Во гнѣвѣ, въ ярости, клянясь отмститьъ обиду.

ТЕЗЕЙ.

Во изысканіе я истинны не вниду,
 Креонъ, и кто изъ нихъ виновенъ или правъ;
 Быть можетъ Этеоклъ, иль Полиниковъ нравъ
 Причиной Фивскихъ бѣдъ и сей несчастной ссоры,
 Иль кто иной межъ нихъ тѣ разсѣвалъ раздоры.
 Увѣнчаннымъ главамъ межъ смертныхъ нѣтъ судей:
 Богамъ оставлено судить, карать царей.
 Ты Полиника здѣсь, Креонъ, виной считаешь,
 Гонимелемъ опца, пираномъ называешь;
 Онъ брану своему тѣ имяна даетъ,
 Союзникамъ, друзьямъ, всей Греціи речетъ:
 „Когда изгнавъ опца, явилъ я люпость свѣшу,
 „Послѣдовалъ тогда я браннему совѣшу,

И Фивы отъ тебя своей ждуть обороны.
Будь ты защитникъ ихъ, спаситель ихъ царя.

Т Е З Е Й.

За предложеніе Фивянъ благодаря,
Всю цѣну чувствую мнѣ почести толикой;
Но я не для того поставленъ здѣсь владыкой,
Чтобъ жизнью жертвовать мнѣ подданныхъ своихъ,
Чтобъ кровь ихъ проливать къ защитѣ царствъ чужихъ,
Для славы суешной, мечтательной и лживой,
Не обнажу меча къ войнѣ несправедливой!
Во браняхъ мой народъ помился много лѣтъ;
О подвигахъ его еще вѣщаетъ свѣтъ;
Сраженный Минотавръ живъ въ памяти у Грековъ,
Едва Афиняне свободны отъ упрековъ
За дань, возимую во Критскую спрану,
И новую, Креонъ, я предприиму войну?
Нѣтъ, нѣтъ, надѣясь того не должны Фивы.
Лавръ шрону есть краса, но мирныя оливы
Свѣтъ благотворная для общества всего.

К Р Е О Н Ъ.

Чту истинну, Тезей, отвѣща твоего.
Но Греція тебя включила въ сонмъ героевъ,
И мыслишь можешь свѣтъ, что ты желаешь боевъ,
Что лавровъ ищешь ты, скучаешь пишиной,
И славу побѣждать чтишь славою одной.
Такъ чувствованъ бы могъ герой обыкновенной.

въ опдаленныхъ отъ своего отечества краяхъ заводили селенія и города. Ученый господинъ Повъ въ извѣстномъ сочиненіи: *Recherches philosophiques sur les Egyptiens et les Chinois*, доказываетъ неоспоримо, что Египтяне по недостатку въ лѣсѣ не могли быть мореходцами и посылать въ опдаленные края своихъ поселенцевъ.

Но Фивы о тебѣ не мыслятъ со вселенной;
 Твой превозходишь духъ героевъ таковыхъ.
 Въ наспавшихъ случаяхъ, для насъ толико злыхъ,
 Не пользу собственну царь Фивскій уважаетъ,
 Когда въ союзъ вступишь Афинамъ предлагаешь.
 Нѣтъ, пользы общія насъ съединишь должны.
 Не Полиникъ, повѣрь, есть цѣлю войны;
 Что нужды въ томъ царямъ, прошиву насъ возспавшимъ;
 Его ли братъ, иль онъ, владыкой будешь нашимъ?
 Соединенію предлогомъ Полиникъ;
 Чтобъ замысль гордый ихъ никшо здѣсь не проникъ.
 Но замысль скрытый сей, коварный, хитрый, смѣлой;
 Свѣршась; для Греціи опасенъ будешь цѣлой.
 Противъ союзниковъ различныя спраны
 Въ неоспорожности пребывъ раздѣлены;
 Удобно ихъ рукой бышь могутъ побѣжденны;
 Сего дня Фивъ падушъ разрушенныя стѣны;
 Но завтра части сей должны Афины ждашь:
 Благоразуміе сей замысль упреждашь.

Т Е З Е Й.

Нѣтъ, страхъ швой за меня, Креонъ, есть страхъ
 напрасный!

Намъ замыслы царей союзныхъ не опасны;
 Насъ побѣдиль имъ мысль мечтаться не могла.

К Р Е О Н ъ.

Но что удержишь ихъ, Тезей?

Т Е З Е Й.

Мои дѣла.

К Р Е О Н ъ.

Весь свѣтъ дивится имъ, они конечно славны:
 Они же возрождаютъ и замыслы щеславны,
 Чтобъ безъ союзниковъ...

ТЕЗЕЙ.

Мой мечъ союзникъ мнѣ

И подданныхъ любовь къ отеческой спранѣ.
Гдѣ на законахъ власть царей успановленна,
Сразить то общество не можеть и вселенна.

Встаетъ.

Во храмъ Эвменидъ собрался мой народъ,
Иди со мной шуда, чѣмъ видѣшь мой оплошъ;
Услышишь гласъ его, узришь любовь къ Тезею,
И въ Фивахъ возвѣспишь, чѣмъ успоять я смѣю
Противу силъ земли средь сонма чадъ моихъ.

КРЕОНЪ.

Безмолвенъ, государь, противъ рѣчей твоихъ,
Иду участвоватъ въ твоей высокой чести.

Въ сторону.

И можеть быть найду удобный случай къ мести.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

Д Ъ Й С Т В І Е В Т О Р О Е.

*Театръ представляетъ кипарисную рощу; въ сторонѣ
храмъ Эвменидъ.*

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

Э Д И П Ъ и А Н Т И Г О Н А.

Э Д И П Ъ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

А Н Т И Г О Н А.

Здѣсь камень вижу я, надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою; ты отдохни на немъ.

Э Д И П Ъ, садясь на камень.

Спокойно — я мой вѣкъ на камнѣ кончу семь.

А Н Т И Г О Н А.

Ужасною тоской швыи всѣ мысли полны.

Э Д И П Ъ.

Увы! какъ въ бурный день свирѣпы гонящъ волны
И отвергаешь берегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землею гонима жизнь моя!

А Н Т И Г О Н А.

Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылой!

Э Д И П Ъ.

Ахъ! я Эдипъ.

Эдипъ въ Аѳинахъ,

АНТИГОНА.

Увы! ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ.

ЭД И П Ъ.

Печальну жизнь влачить недостаешь мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лишь остались мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидишь взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ни въ вѣснній день лѣсовъ зеленя одежды,
Ни съ жаввою полей, орашаевъ надежды,
Ни мужа крошкаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела;
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы,
При имяни моемъ смущающія народы,
Какъ язва любая отъ всюду я гонимъ.

АНТИГОНА.

Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

ЭД И П Ъ.

Съ какой жестокостью меня сыны изгнали!

АНТИГОНА.

По что возобновляешь прошедшія печали?

ЭД И П Ъ.

Я ихъ любилъ.

АНТИГОНА.

Увы! забудь, забудь о нихъ,
И воспоминаемъ ранъ не разсправай своихъ.

ЭД И П Ъ.

Предвижу ихъ бѣды. — Тщеславія развратомъ
Влекомый Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ.
На злость, на пагубу дѣшей извелъ я въ свѣтъ.

АНТИГОНА.

Уже ли предъ побой и я виновна?

Э Д И П Ъ.

Нѣтъ;

Ты утѣшеніе мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна соупница моей ты нищеты.
Для спранника, отца, забыла счастье ты,
Санъ свѣшлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

АНТИГОНА.

Ахъ! не жалю я о пышной славѣ той,
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетою,
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой бытъ швоей, вошъ счастье Антигоны,
Вошъ шило славное превыше шиловъ всѣхъ;
Спокойствіе швое дороже мнѣ ушѣхъ.
Увы! родишель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, чѣмъ сдѣлалось съ побой?
Ты древнюю главу къ кому бы преклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркой день въ моей ты ищешь шѣни;
Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ! свѣтъ забывшій насъ, взаимно мы забудемъ,
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ.
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защищою швоею бытъ дозволю.
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ.

Часть I.

Э Д И П Ъ.

Награда сладостна шолкихъ скорбныхъ лѣтъ,
 О радость полная, моихъ превыше бѣдъ!
 Приди, о дочь моя, приди мое рожденье,
 Да будешь надъ тобой боговъ благословенье!
 Живой опрадою наполнила мнѣ грудь.
 Любви къ родителю въ примѣръ попомству будь;
 О имяни твоемъ повѣдаютъ народы,
 И похвала швоя преидетъ изъ рода въ роды.
 Но ахъ, печальна мысль! приближился потъ срокъ;
 Когда разстанься намъ судилъ жестокий рокъ.

А Н Т И Г О Н А.

Еще ты жизнь вести можешь многи годы.

Э Д И П Ъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не льстись; пора исполнить кругъ природы.
 Родился человекъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
 Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнестъ;
 Одинъ шедъ малый путь; другій прошедь по болѣ,
 Въ гробу покоются сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
 Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь;
 Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь.
 Гдѣ мы?

А Н Т И Г О Н А.

Въ долину мы, окресъ пустынные виды,
 И близко межъ древесъ храмъ видѣнъ Эмениды.

Э Д И П Ъ.

Храмъ Эменидъ? Увы! я вижу ихъ: онѣ
 Стремясь въ ярости съ опмщеніемъ ко мнѣ,
 Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи разпаленны,
 И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.

А Н Т И Г О Н А.

Въ забвеніе страшное ума впадаетъ онъ.

Э Д И П Ъ.

Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на спрашну смерть меня извергъ родитель,
Скажи: пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывалась ты когда чудовищъ равныхъ мнѣ?

АНТИГОНА, *упадая на колѣни.*

Спокойте мысль его, о вы могущи боги!

Э Д И П Ъ.

О сколько, Фуріи, терзаетъ меня вы спроги!
Не выль на семъ пупи мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ мамерью меня вы сочепали,
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные сплели;
Тамъ былъ не Гименей, Мегера тамъ была,
И адскимъ пламенемъ свѣшильникъ нашъ загла.
Ахъ! лютоści свои, о Фуріи, смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣ прекратите.

Упадаетъ на камень.

АНТИГОНА.

Отъ мыслей удали полъ спрашныя мечны.

Э Д И П Ъ, *не вставая и отпалкивая ее.*

Оставь, о Полинникъ! меня ошрекся ты;
Бѣги, и не смущай моей минушны слезной.

АНТИГОНА.

Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы! родитель мой, познай хотя мой гласъ.
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;
Одна я швоему свидѣтельница спону;
Молю, не отвергай усердну Антигону.

ЭДИПЪ, *пришедъ въ себя.*

Гласъ сладостный! О дочь, такъ ты одна при мнѣ?
Увы! я здѣсь мечпалъ, какъ бы въ ужасномъ снѣ.
Предсхавилась мнѣ мать, родитель, Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ прошивные мнѣ виды,
И все сцѣпление несносныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣсплахъ воздвигнутъ сихъ;
Пойдемъ, (*встаетъ*) поищемъ въ немъ конца бѣдамъ
ужаснымъ;

Едины олшари прибѣжище несчастнымъ.

*Съ приближеніемъ Эдипа ко храму, двери
онаго растворяются и народъ спремич-
тельно изъ храма выходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЭДИПЪ, АНТИГОНА, народъ Аѳинскій.

ХОРЪ НАРОДА.

О страхъ! поколебался храмъ,
Богини мести раздраженны!
Предъ ними въ олшарѣ возженный
Преспалъ куриться еиміамъ.

ЭДИПЪ, *остановясь.*

Храмъ содрогається отъ моего прихода!

АНТИГОНА.

Скрой имя ты свое, родитель, отъ народа.

І. АѳИНЯНИНЪ.

Я вижу спранниковъ: одинъ согбенъ отъ лѣтъ,
Другая младости являетъ взору цвѣтъ;
Иль ихъ пришесшвіе богинь здѣсь раздражаетъ?

АНТИГОНА.

Какая пагуба намъ нова угрожаетъ!

2. АΘИΝЯНИНЪ.

Разспросимъ ихъ. Вѣдай, убогій человѣкъ,
Отъ куда родомъ ты и кто она?

Э д и п ъ.

Я Грекъ;

Она.... она мнѣ дочь.

1. АΘИΝЯНИНЪ.

Изъ Греческихъ странъ многихъ
Твоя отчизна гдѣ?

Э д и п ъ.

Отечество убогихъ
Страна, гдѣ найдутся чувствительны сердца.

2. АΘИΝЯНИНЪ.

А имя?

Э д и п ъ.

Ахъ! по что вамъ имя знать слѣдца?
Изъ памяти моей его желалъ бы стерши.

1. АΘИΝЯНИНЪ.

Но, странникъ, въ сихъ мѣстахъ чего ты ищешь?

Э д и п ъ.

Смерти.

3. АΘИΝЯНИНЪ.

Кто былъ родитель твой?

Э д и п ъ.

Родитель мой.... погибъ.

2. АΘИΝЯНИНЪ.

О таинственный мужъ! кто ты? вѣдай.

Э д и п ъ.

Эдипъ.

Хоръ народа.

Эдипъ! увы, какой бѣдою
Грозись небеса на здѣшнюю страну?
Сей беззаконникъ за собою
Влечетъ иль гладъ, иль моръ, иль алчную войну.

2. Аѳинянинъ.

Богинь сея страны не раздражайте боль,
Бѣгите вы опъ сель.

Эдипъ.

Въ моей плачевной долѣ
Куда я уклонюсь?

Антигона.

Внемли, народъ, внемли
Его спенанію.

1. Аѳинянинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, изъ сей земли
Изыдите скорѣй.

Антигона.

Чѣмъ винны мы предъ вами?

1. Аѳинянинъ.

Онъ воздухъ заразить здѣсь можетъ между нами;
Омщубійца онъ.

2. Аѳинянинъ.

Онъ матери супругъ.

1. Аѳинянинъ.

Своимъ онъ дѣшамъ братъ.

3. Аѳинянинъ.

Надъ сей главою вдругъ
Соединились всѣ злодѣйствія ужасны.
Мы не хотимъ его несчастьямъ быть причастны:
Онъ изгнать опъ людей, онъ проклясть опъ боговъ.

АНТИГОНА.

Въ опчаяньи жестокомъ
Безмолвнаго въ сей часъ ты видишь здѣсь его.

І. АѢИНЯНИНЪ, къ Тезею, который под-
ходитъ къ Эдипу.

Не преклоняй, о царь, къ нимъ слуха своего:
Сей спранникъ естъ Эдипъ.

КРЕОНЪ.

Эдипъ!

ТЕЗЕЙ.

Что слышу, боги!

Ему конечно къ намъ опверзли вы дороги,
Что бы по бѣдствіяхъ Тезеевой рукой
Изгнанному царю дарованъ былъ покой,
Чтобъ призрѣлъ жершву здѣсь въ немъ вашего я гнѣва.
Приди, почтенный мужъ, приди, младая дѣва,
О славная чета, придите въ мой чертогъ
Вкушаютъ спокойствіе отъ многихъ толь тревогъ.
Какъ храмъ священнѣйшій тогъ царскій домъ просла-
влять,

Который спраждущимъ къ убѣжищу поспавленъ.

ЭДИПЪ.

Такъ для преступнаго и скорбнаго слѣпца,
Еще не всѣхъ людей закрылися сердца!
Изъ края долго въ край влачивъ мое изгнанье,
Уже ли наконецъ нашель я состраданье?
Но ахъ, Тезей! всегда злосчастіемъ ведомъ,
Себѣ убѣжищемъ твой не приму я домъ.
Вездѣ сопутствуютъ мнѣ мстительные боги,
Введу ли всѣ бѣды съ собой въ твои чертоги!
Пещера мрачная одна прилична мнѣ;
Ее одну пришелъ искать въ твоей спранѣ,

Ее одну въ горахъ искалъ я многи годы,
 Но тщетно; ошъ всѣхъ спранъ возставшіе народы,
 Звѣрей и хищныхъ птицъ не прогая покой,
 Эдипа гнали съ горъ насильственной рукой.
 Влизъ града швоего дозволь въ уединеннй
 Сокрышь мою печаль, бѣды и преступленнй,
 До дня, когда земля, намъ щедрая всѣмъ машъ,
 Благоволишь меня въ изплѣннй приняшь.

Т Е З Е Й.

За преступленіе ужасно, но невольно,
 Мученія, Эдипъ, шы прешерпѣлъ довольно;
 Ты добродѣтели несчастный намъ примѣръ.
 Не сокрывай ее во мрачности пещеръ,
 Укрась шы ею градъ, укрась мой чертоги.
 Повѣрь, безсмертныя ко мнѣ не будушь спроги
 За то пристанище, которое Тезей
 Доспавишь нищешъ и дряхлости швоей.

Э Д И П Ъ.

Иль, государь, шобой забвенны спали Оивы?

Т Е З Е Й.

Иль боги могутъ быть когда несправедливы?
 Нѣшъ, нѣшъ, умалишься ихъ правда не могла;
 Взираюшь съ благоспью на добрыя дѣла.

Э Д И П Ъ.

Ахъ, вспомни, что Эдипъ безсмертными оставленъ.

Т Е З Е Й.

Я знаю, что Эдипъ спрадальчествомъ прославленъ.
 Преступникъ, но почтенъ, въ убожествѣ великъ,
 И что приняшь его велишь мнѣ долгъ владыкъ.
 Склонися, древній мужъ, къ Тезееву прошенью,
 Оспашокъ дней своихъ предай успокоенью,
 Хошя изъ жалости къ сей дочери швоей.

Въ пещерѣль воздыхать съ побою должно ей?
Или ты можешь быть подико къ ней суровымъ,
Что бы опасностямъ ее подвергнушь новымъ?

АНТИГОНА.

Я не спрашусь терпѣшь презрѣнну нищету,
Съ опцемъ пещеры мракъ чертогу предпочту;
Всѣмъ бѣдствамъ за него охотно подвергаюсь.

Э Д И П Ъ.

О нѣжна дочь! твоей любовью убѣждаюсь.
Нѣтъ, нѣтъ, ты не должна за стыдъ мой и позоръ,
Увянуть въ младости, въ пущынь среди горъ;
Чтобъ свѣту быть красой ты послана на землю,

Къ Тезею.

Великодушный царь! я твоей покровъ приемлю,
Убѣжищемъ для насъ приемлю твой дворецъ.
Пусть тамъ, когда придетъ тоски моей конецъ,
Когда мнѣ къ вѣчности отверзны будутъ двери,
Зрѣшь пристань буду я спокойную для дщери.
Моя же пристань, гробъ: тамъ волею небесъ
Назначено преспашь моимъ попокамъ слезъ.

Т Е З Е Й.

Смягчишь небесный гнѣвъ Эдипа добродѣтель.

Къ Креону.

А ты, сей встрѣчи здѣсь нечаянный свидѣтель!
Какъ возвратишься ты въ опечество твое,
Скажи чѣмъ крѣпко здѣсь владычество мое.
Изгнаніемъ царей несчастны спали Фивы;
Но царствы тверды тѣ, которы справедливы.
Вопъ мой опивътъ, Креонъ.

Э Д И П Ъ.

Креонъ въ твоей странѣ?

Онъ здѣсь? Увы! скажи, вѣщай о дѣшяхъ мнѣ:

Въ отечествѣль они? на царскомъ ли престолѣ?
 Ахъ! нѣтъ, не говори, не дѣши сушь мнѣ боль,
 Не дѣши, изверги, — и яростью боговъ
 Въ нихъ породилъ себѣ свирѣпѣйшихъ враговъ.
 О боги сильныя, власпители природы,
 Которыми падуть и восстають народы!
 Предъ вами вѣки мигъ, вселенная черта,
 И смертный на земли, какъ слабая мечта;
 Избравшіе меня терпѣнія къ примѣру!
 Какъ гнѣва вашего исполните вы мѣру,
 Какъ часъ придетъ меня съ лица земнаго стереть,
 Не дайте сыновьямъ мою увидѣть смерть,
 Не дайте извергамъ моимъ ругаться прахомъ!
 Чшобъ въ Оивахъ извѣстясь съ смущеніемъ и страхомъ
 О смерти ихъ отца, не знали гдѣ сыскашь
 То мѣсто на земли, гдѣ буду я лежать.
 Благоволите ли во областяхъ Тезей
 Назначить мрачный гробъ невиннаго злодѣя?
 Отвѣтствуйте!

Гроизъ подземный раздастся.

Н А Р О Д Ъ.

О страхъ!

Э Д И П Ъ.

Отвѣтствуйте!

Гроизъ сильнѣе ударлетъ.

1. АѢИНЯНИНЪ.

Внемля

Его воззванію, колеблется земля.

2. АѢИНЯНИНЪ.

Перуны раздались и молнія блеснула!

Иль рѣчь его къ богамъ природу ужаснула?

Жрецъ храма Эменидъ идетъ поспѣшно къ намъ.

Эдипъ въ Афинахъ,
ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПРЕЖНІЕ И ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

О государь! народъ! спремимся во храмъ;
Богини мести въ немъ присутствуя суровы,
Намъ прорицать судьбы въ сей страшный часъ готовы.

Т Е З Е Й.

Пойдемъ и принесемъ имъ жертвы и мольбы,
Да премѣнятъ онъ Эдиповы судьбы.

Э Д И П Ъ.

Нѣтъ, шествовать шуда тебѣ во слѣдъ не смѣю;
Гласъ долженъ Эвменидъ ужасенъ быть злодѣю:
Ихъ въ храмъ раздражать не буду я собой.

Т Е З Е Й.

Иди же въ мой шатеръ и шамъ вкуси покой!

Воинъ.

Эдипа проводи.

*Эдипъ и Антигона слѣдуютъ за вои-
номъ; Тезей съ народомъ идетъ въ
храмъ.*

КРЕОНЪ, Нарцесъ.

Мстить гордому Тезею

Удобный случай я, Нарцесъ, теперь имѣю.
Пойду, пойду во храмъ оракулу внимать;
Ты воиновъ моихъ спѣши къ шатру собрать.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

Д Ъ Й С Т В І Е Т Р Е Т І Е.

*Театръ представляетъ поле; съ одной стороны роща,
съ другой видѣнъ шатеръ Тезеевъ; въ отдаленности
городъ Аѳины.*

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

К Р Е О Н Ъ и Н А Р Ц Е С Ъ.

К Р Е О Н Ъ.

Тѣмъ временемъ, какъ царь въ смущеніи жестокомъ
Багришь олшарь богинь кровавымъ козлищъ шоконъ,
Когда его рукой курится ѳиміамъ,
Мой замысль совершишь, Нарцесъ, надлежишь намъ.
Уже ли собраны побой мои Ѳивяне?

Н А Р Ц Е С Ъ.

Во слѣдъ тебѣ, Креонъ, пришедшіе граждане,
Въ сей рощѣ скрытые, швоихъ велѣній ждушь;
Скажи, ихъ храбрости какой предложишь трудъ?

К Р Е О Н Ъ.

Эдипа возвращишь въ отеческія стѣны.

Н А Р Ц Е С Ъ.

Какія, государь, я зрю въ тебѣ премѣны!
Не ты ли былъ виной изгнанію его?

К Р Е О Н Ъ.

Я самъ: онъ изгнанъ спалъ съ совѣта моего.

Н А Р Ц Е С Ъ.

Почтожь теперь его желаешь возвращенья?

Часть I.

КРЕОНЪ.

Что бы усугубить Эдиповы мученья,
 Тезею гордому достойно опомспить,
 И къ трону Фивскому мнѣ новый шагъ спупить.
 Познай, Нарцесъ, познай, что дочери Ахерона
 Разверзши твердь земли до царствія Плутона,
 Эдипу прорицашь предстали передъ насъ.
 Съ явленьемъ ихъ во храмъ, возженный огонь погасъ,
 Средь дня настала ночь, разнесся запахъ сѣрный,
 И оживились богинь кумиры черны;
 На нихъ власы изъ змѣй воспали и взвились,
 Изъ факель ихъ огни къ намъ искрами лились,
 Свѣшъ пламенниковъ шопъ боролся съ мракомъ ночи;
 По шомъ богинямъ въ слѣдъ узрѣли наши очи
 Ихъ адскихъ спутниковъ: и страхъ, и месь, и смерть,
 Грозящую на насъ свою косу простершъ.
 При зрѣлищѣ такомъ народъ весь ужаснулся,
 Смутился царь, я самъ невольно содрогнулся;
 Я самъ, привыкшій зрѣть смерть алчную въ бояхъ,
 И ни вочто вмѣняшъ къ богамъ напрасный страхъ.
 Среди смяшенія, какъ изъ трубы стогласной,
 Внезапно въ капищѣ раздался звукъ ужасной;
 Подобенъ бывъ громамъ, онъ храма сводъ потрясъ.
 О градъ, возпрепещи, вѣщаль къ народу гласъ:
 Судьбы разгнѣваны, и кровь въ сей день прольется,
 Доколь достойная намъ жертва принесется;
 Отъ крови царскія та жертва быть должна;
 Тогда по бѣдствіяхъ наступитъ тишина,
 Тогда Эдипа рокъ преслѣдовать престанетъ,
 И гробъ его тогда побѣдъ залогомъ спанетъ
 Для той страны, гдѣ жизнь скончаешь сей слѣпецъ:
 За добродѣтели спокойна смерть вѣнецъ.

По страшныхъ сихъ словахъ умолкли Эмениды,
Сомкнулась ада дверь, исчезли грозны виды,
Какъ щещныя мечшы по безпокойномъ снѣ.
Духъ твердоспи опять вселился въ сердце мнѣ,
Духъ мщенія мой нравъ возпламенилъ суровый,
Къ гибели враговъ имѣя случай новый.

НАРЦЕСЬ.

Но если гнѣвъ богинь велишь, о государь,
Здѣсь кровью царскою ихъ обagriшь олшарь,
Коль жертвы пребуютъ онѣ порфирородной,
Предай ты Кадмовъ родъ всей ярости народной;
Оставь Эдипа здѣсь, и вскорѣ ножъ жреца
Сразитъ у олшаря и дочь и отца:
Во храмъ мертвъ падетъ Эдипъ съ своей опорой.

К Р Е О Н Ъ.

Кто, я? Что бы врага я предалъ смерти скорой?
Что бы у олшаря жреца священный мечъ
Страданія его могъ съ жизнію пресѣчь?
Нѣтъ, нѣтъ, Нарцесь, не такъ привыкъ я ненавидѣть.
Мученія долгія врага желаю видѣть,
Печаль его моихъ весельемъ чтишь очесъ,
Упишься токами его горчайшихъ слезъ,
Дѣшей его стубя, его свеспи ко гробу,
И смертию медленной мою насыпишь злобу,
Моей вражды къ нему ты знаешь о винѣ.
Я долженъ былъ владѣть въ опеческой странѣ
Вѣнцемъ, о коемъ брань его ведушь днесъ чада.
По смерти Лаія, я долженъ былъ опъ града
Быть избранъ на престолъ и Фивскій скиптръ принять;
Пришелъ Эдипъ, чтобъ скиптръ изъ рукъ моихъ опнять,
И незаконный родъ взвести на пронтъ съ собою.
И я вѣнца лишенъ враждебною судьбою,

Къ Эдипу ненависть въ душѣ запечатлѣлъ,
Подъ леснью пагубной ее сокрышь умѣлъ.
Къ страстямъ дѣшей его совѣтъ мой примѣнивши,
Тщеславье вспламеня, природу усыпивши,
Въ ихъ души поселилъ полезный мнѣ раздоръ.
Мой замысль усмотрѣть не могъ ихъ юный взоръ,
И я возстановилъ среди сердецъ развраща
Сыновъ прошивъ отца и брата прошивъ брата:
Счастливейшій успѣхъ вѣнчалъ мои труды.
Теперь настали дни собрать коварствъ плоды.
Эдипа возвраща въ опеческія стѣны,
Разсѣю хитроспью между гражданъ измѣны;
Въ царѣ всѣ будущъ зрѣть гонителя отца,
Во мнѣ защитника несчастнаго слѣпца,
Котораго извлекъ изъ здѣшнихъ мѣстъ я силой,
Чтобъ въ Фивахъ утвердиль Эдиповой могилой
Побѣду на всегда по словесамъ боговъ.
Оракуль случай дастъ губить моихъ враговъ.
Пусть въ храмъ жершвою падетъ здѣсь Антигона;
Ея пусть братія желая Фивска прона,
Другъ друга погубятъ кровавою войной,
И мертвые падутъ подъ нашею стѣной.
Извѣстенъ мнѣ ихъ нравъ: для нихъ то будетъ мало,
Чтобъ войско кровь свою предъ ними проливалъ;
Помщатся средь боевъ другъ друга находишь,
Сразись ярошно, другъ въ друга мечъ вонзишь,
И кровью брашною пасъ вмѣстѣ обогранны.
Взаимна злоба ихъ, какъ ненависть геенны,
Равняться можетъ лишь со злобою моей.
Печалью радуюсь Эдиповыхъ я дней.
Да видитъ онъ дѣшей несчастно изшребленъ;
Ихъ незаконное оплакивалъ рожденье,

Пускай оплачетъ онъ безвременну ихъ смерть,
 И не былобъ руки тѣ слезы ошереть.
 Я буду всякій день внимать его стenanья,
 Вздыханія ловишь и изчислять рыданья,
 И съ возхищеніемъ морщины тѣ счищать,
 Что на чело ему грусть будетъ налагать.
 Но вошь Эдипъ: иди ко скрытому опряду,
 И будь готовъ, Нарцесъ, оставишь ту засаду,
 И къ намъ сюда вступишь на мой призывный гласъ.

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

ЭДИПЪ, АНТИГОНА и КРЕОНЪ.

Э Д И П Ъ.

Уже, о дочь моя, тошъ наступаешь часть,
 Въ копорый кончился народное моленье.
 Да укропишься имъ богинь ожесточенье,
 И награждать онъ Аѳины пишиной,
 За предложенный здѣсь мнѣ спраннику покой.
 Ахъ! поспѣшимъ идти во срѣщенье Тезея.

К Р Е О Н Ъ.

Объ участи твоей я въ сердцѣ сожалѣя,
 О спарецъ горестный, предспаль....

Э Д И П Ъ.

О дочь моя!

Не гласъ Креона ли теперь здѣсь слышу я?

А Н Т И Г О Н А.

Такъ онъ, родитель мой. Зря часть твою плачевну,
 Конечно изъявишь пришель онъ грусть душевну.
 Ахъ, съ равнодушіемъ какой возможешь глазъ,
 Насъ въ Оивахъ видѣвший, теперь взирать на насъ!

ЭД И П Ъ.

О юность, ты никакъ лукавства не причастна!
Тамъ состраданье зришь, гдѣ опытность несчастна
Пронырство признаешь въ сердечной глубинѣ.

Къ Креону.

О хитрый гражданинъ! по что предсталъ ко мнѣ?
Слухъ недовѣрчивый чѣмъ ты склонилъ мечшаешь?
Или за новостъ мнѣ здѣсь объявилъ ты чаешь
Грозящу Оивамъ брань, раздоръ моихъ сыновъ?
То знаю безъ тебя, и жребій ихъ таковъ,
Какова я имъ ждалъ! Ахъ! опъ меня рожденны,
На пресшупленіе они опредѣленны!
Иль по слѣдамъ моимъ твой царь тебя прислалъ,
Чтобъ на челъ моемъ ты грусть мою чилалъ,
Чтобъ видѣлъ нищету, въ которой я скипаюсь,
И какъ народами я всѣми опшвергаюсь?
Иль лучше, ты скажи, что волею своей
Пришелъ увѣришься о горести моей.
Но не увидишь слезъ и не услышишь стона,
Нѣтъ! ими веселишь не буду я Креона:
Спокоенъ духомъ я, хотя гонимъ людьми;
А ты средъ почестей терзаешься спрасъями.
Иди опъ сель, иди, о чловѣкъ коварный,
Невѣрный родспвенникъ и другъ неблагодарный!
Ты сколько въ хитроспяхъ искусствомъ ни великъ,
Давно уже, давно Эдипъ тебя проникъ.

КРЕОНЪ.

Гонимый рокомъ злымъ, скрывая въ сердцѣ раны,
Эдипъ привыкъ во всемъ усматривать обманы,
И ложно шолковашъ дѣянія людей.
Къ обману прибѣгаешь по что душѣ моей?
По что съ тобою мнѣ употреблять коварство?

Предъ сильнымъ слабому посредствуетъ лукавство.
Ты изгнанъ, въ бѣдности; я въ славѣ, другъ царю,
И въ рѣчь съ тобой вступивъ, я нишаго дарю.

Э д и п ъ.

Хотя я въ нищестѣ, но не сравнюсь съ Креономъ:
Я былъ царемъ, а ты лишь ползаешь предъ трономъ.

К р е о н ъ.

Высокомѣріе зрю прежнее въ тебѣ;
Ты чувствъ не примѣнилъ еще къ своей судьбѣ?

Э д и п ъ.

То свойство низкихъ душъ, тебѣ Креонъ подобныхъ,
Что бы по случаямъ мѣнялся въ чувствахъ сродныхъ.
Но я, бывъ отъ царя на свѣтъ произведенъ,
Злосчастьемъ къ подлости не буду приученъ;
Всѣ чувства прежнія средь бѣдствій сохраняю;
Презрѣнья моего къ тебѣ не премѣняю.

К р е о н ъ.

Не оскорбятъ меня твоя надмѣнна рѣчь;
Напрошивъ, я хочу бѣды твоя пресѣчь,
Дни горестны во дни перемѣнитъ счастливы,
И предложитъ тебѣ чѣмъ возвратился въ Оивы.

Э д и п ъ.

Какій еще, Креонъ, скрываешь новый ковъ?
Чѣмъ именемъ зовешь?

К р е о н ъ.

Отечества, боговъ.

Э д и п ъ.

Обыкновенна рѣчь обманщиковъ искусныхъ,
Священнѣйшій предлогъ всѣхъ замысловъ ихъ гнусныхъ.
Ни вѣры, ни боговъ на сердца не храня,
Тыль рѣчью таковой мнишь обольститъ меня?

КРЕОНЪ.

Когдабъ не вѣрилъ я, что существуютъ боги,
Тобой бы ихъ позналъ; позналъ колико строги
Кровосмѣсителей, опцеубійцъ карать.

ЭДИПЪ.

Несчастный! можешь ли мнѣ нынѣ упрекать
Съ такой жестокостью злодѣйствіе невольное?
Братъ матери моей, сего уже довольно,
Чтобъ о судьбѣ моей всегда тебѣ молчать;
Но ты какъ Фурія предсталъ мой духъ смущать.

КРЕОНЪ.

Предсталъ передъ тебя по волѣ я безсмертныхъ,
Къ злодѣйствіямъ твоимъ толико милосердыхъ,
Что общаются побѣдой на войнахъ
Той Греческой спранѣ, гдѣ твой пребудетъ прахъ.
Не долго можешь вести такую жизнь унылу;
И такъ, въ опечесствѣ назначъ свою могилу.

ЭДИПЪ.

Спрана, изъ коей я позорно изгнанъ спалъ,
Гдѣ съ прона высоты въ жизнь спранниковъ упалъ,
Гдѣ другъ царевъ Креонъ, гдѣ сынъ мой на престолѣ,
Уже опечесствомъ не можешь быть мнѣ боль.
Тамъ все, увѣ! тамъ все перзашъ мой будетъ духъ;
Хоть не увидишь взоръ, но мой услышишь слухъ
Раздоры бѣдственны, въ кошоры, ввергли Фивы
Сыны щеславные, вельможи горделивы,
На то ли возвращусь, чтобъ вопль услышать женъ,
Какъ дерзкій Полиникъ предстанетъ прошивъ стѣнъ,
И приведетъ съ собой Пелопонезски силы
Срывать дома опцовъ и превращать въ могилы?
Иль возвращусь на то, чтобъ слышать звукъ мечей,
Кошоры сыновья въ свирѣпости своей,

Другъ въ друга устремяшъ на жизнь единокровну?
 Чшобъ въпомъ иливъ другомъ, мнѣ знашь потерю ровну?
 Что бы судьба меня враждебна привела
 Руками осизашъ ихъ мершвыя пшъла,
 Оплакивашъ ихъ жизнь, во цвѣшъ пресъченну,
 И кляшву чшобъ сложишъ надъ ними изрѣченну?
 Ахъ, нѣшъ, на ихъ главахъ пребудешъ пусть она!
 Нѣшъ, чужда мнѣ шеперь вся Фивская спрана.
 Коль справедлива вѣспъ, шобою принесенна,
 Чшо яросшь днесъ боговъ къ Эдипу укрощенна
 И чшо даюшъ они въ благихъ своихъ судьбахъ,
 Побѣду шой спранъ, гдѣ мой пребудешъ прахъ,
 То прахомъ симъ дарю Аѣины и Тезея.
 Другаго дара я на свѣшъ не имѣя,
 Чѣмъ наградить могу великодушье ихъ,
 Призрѣвшее конецъ дней горесныхъ моихъ!
 Мой прахъ и дочь мою имъ поручая нынѣ,
 Даю имъ все, чшо въ злой ошалося мнѣ судьбинѣ.

К Р Е О Н Ъ.

Аѣинянтъ подари шы дочерью своей:
 Уже въ ошечество пуши закрышы ей;
 Когда она съ шобой избрала удаленье,
 Тогда закономъ ей пресъкли возвращенье.
 Твой гробъ, залогъ побѣдъ, швой прахъ намъ нуженъ
 днесъ!

За мною слѣдуй шы, ее ошавя здѣсь.

Э Д И П Ъ.

О верхъ прискорбія! несчастье безпримѣрно!
 Теперь я чувствую униженъ какъ безмѣрно.
 Съ шерпѣннемъ долженъ былъ словамъ швоимъ вниманъ,
 Безсиленъ будучи за дерзосшь наказанъ.
 Не удивляюсь я жестокому закону,

Которымъ вы оцъ Оивъ отвергли Антигону!
 Ужасенъ варварствомъ, безчеловѣченъ онъ,
 И града вашего достоинъ сей законъ:
 Чтобъ за священный долгъ, за долгъ свершенный ею,
 Опредѣлишь ей казнь, приличну лишь злодѣю.
 Но ты, Креонъ, но ты жестокій чловѣкъ!
 Мнѣ предложеніе какое ты изрѣкъ?
 Что бы разстался днесъ я съ дочерью моею,
 Съ единымъ благомъ, чѣмъ я на земли владѣю,
 Съ моею опорою, съ опрадой мнѣ одной,
 Прошивъ опчаяннѣя оставленной судьбой.
 Тѣснѣ связанъ съ ней, чѣмъ узами рожденья;
 Я узломъ соединенъ ея благошворенья.
 Въ ней зрю не только дочь, она мнѣ мать, отецъ,
 Сестра, и другъ, и все, что мило для сердецъ;
 И все, чего меня злодѣйства, рокъ, безсмертны,
 Неблагодарный градъ, сыны жестокосерды,
 Лишили наконецъ изгнаніемъ изъ Оивъ.
 Я ею лишь дышу, я ею только живъ.
 И ты разстаться съ ней мнѣ варваръ предлагаешь?
 Терзашъ меня, увы! какъ ты искусство знаешь.
 Нѣшъ, лучше бы, злодѣй, извлекши острый мечъ,
 Не дрогнувъ жизнь мою спремился ты пресѣчь,
 Чѣмъ смѣшь мнѣ предлагашъ шоль горестну разлуку.
 Приди, о дочь моя, приди, подай мнѣ руку,
 Дай мнѣ увѣриться, что я еще съ тобой,
 Склони главу ко мнѣ и сердце успокой!
 Нѣшъ, смертію одной мы будемъ разлученны.

КРЕОНЪ.

Когда прошенія тобою всѣ презрѣнны,
 И слѣдовать за мной не убѣжду тебя,

Къ насильствію, Эдипъ, прибѣгнушь долженъ я.
Вешупише воины!

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Прежніе, НАРЦЕСЪ и воины КРЕОНА.

АНТИГОНА.

О горестъ! о измѣны!

Өивянами мы здѣсь отъ всюду окруженны.

КРЕОНЪ, *воинами.*

Эдипа въ городъ нашъ спѣшите возвратить.

ЭДИПЪ, *воинами.*

Кто руку на меня посмѣетъ наложить?

Кто дерзоспентъ и наглъ изъ васъ полико будетъ,

И бывшаго царя въ моемъ лицѣ забудетъ?

КРЕОНЪ, *остановившимся воинами.*

Вы повинуйтесе не мнѣ, самимъ богамъ.

*Нарцесъ съ нѣкоторыми воинами
цспремляется на Эдипа и разлу-
чаетъ его съ Антигоною.*

АНТИГОНА.

Креонъ! жестокий! ахъ, паду къ твоимъ ногамъ!

Не разлучай ты насъ; будь, будь великодушень,

И состраданію единожды послушень.

Узри у ногъ сестру и дочь твоихъ царей,

Слезами ты смягчись и горестію моею.

ЭДИПЪ.

Не унижайся дочь, не будь сраженна рокомъ.

Невинностиль клонишь колѣна предъ порокомъ?

Лишаяся себя, я съ жизнью расстаюсь,

Но предъ злѣями главою не склонюсь.

Намъ твердымъ должно быть, имъ прешасть въ боязни:
Злодѣевъ торжество предшественникъ ихъ казни.

Къ Креону.

Есть громы въ небесахъ, есть боги, о Креонъ!
И припѣсненнаго до нихъ возводишь спонъ.

КРЕОНЪ.

Мы исполняя долгъ къ отечеству священной,
Не месши ждемъ боговъ, но похвалы вселенной.

*Креонъ уходитъ, за нимъ воины
ведутъ Эдипа.*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АНТИГОНА и два воина, коимъ Креонъ подалъ знакъ,
чтобъ они удержали Антигону.

АНТИГОНА.

Постойте, варвары! пронзите грудь мою,
Любовь къ отечеству довольствуйте свою.
Не внемлюшъ и бѣгушъ поспѣшно по долинѣ;
Не внемлюшъ и мой вопль перяется въ пустынь.
Есть громы,.... но въ сей часъ на небѣ пишина!
Есть боги,.... и земля злодѣямъ предана!
И спонутъ слабые у сильныхъ подъ рукою!
Увы! что я? гдѣ я? что спанется со мною?
Забыта братьями, оставлена роднѣй,
Изверженна изъ Оивъ, въ спранѣ, въ спранѣ чужой
Жизнь горестну вести и умирать мнѣ должно.
Съ родителемъ моимъ сносить бы все возможно!
Жестокій гнѣвъ боговъ, гоненіе людей
Лишь твердость новую несли душѣ моей,
Несчастье было мнѣ наставникомъ въ терпѣньи.

Но безъ родителя, въ моемъ пеперь мученьи,
Лишенная надеждъ, мой духъ во мнѣ унылъ,
Ударъ жестокой сей моихъ превыше силъ,
И всѣми чувствами опчаянъ владѣя....

Увидя Тезей.

Иль небо шлетъ ко мнѣ для помощи Тезей!

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

ТЕЗЕЙ, АНТИГОНА, народъ Аѳинскій, воины Тезей.

А Н Т И Г О Н А.

Великодушный царь, на помощь мнѣ спѣши!
Ахъ! возврати покой и жизнь моей души.
Опрядомъ Фивскихъ войскъ, насиліемъ Креона,
Родителя, увы, лишена Антигона!
Ссылаясь на боговъ и на небесный гласъ,
Въ опечеснво свое влекутъ его въ сей часть.
Къ своимъ ногамъ, Тезей, я въ грусти припадаю,
Я мщенья прошу, я мщенья ожидаю,
Иль смерть рѣши, коль мнѣ откажешься помочь.

Т Е З Е Й.

Возстанъ о нѣжная, несчастливая дочь!
Душевно я дѣлю твои печали новы.
Я мнилъ, что боги къ вамъ преслали быть суровы;
Спѣшилъ отъ олтаря увѣдомить чтобъ васъ,
Какъ щедро наградишь ихъ общаешь гласъ
Народъ, къ спокойствію который васъ приемлетъ.
Награду ли сію Креонъ отъ насъ отъемлетъ?
Безъ наказанія уже ли мыслить онъ
Нарушить нагло здѣсь священнѣйшій законъ

Часть I.

Народныхъ общихъ правъ, гостеприимства, чести?
Афиняне! я васъ, васъ призываю къ мести;
Постыдно будешь вамъ, позорно будешь мнѣ,
Терпѣшь насиліе въ отеческой странѣ.
За похищеніемъ немедля успремимся,
И наглость наказать Креонову пощимся.
О Антигона, вѣрь, что за тебя отмщу;
Любви своей отца конечно возвращу;
Спокойся, въ градъ иди, вступи въ мои чертоги,
И ожидай конца, какой даруютъ боги.
Старѣйшины! ей путь въ домъ покажите мой,
А вы, о воины, послѣдуйте за мной.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ герцоги Афинскаго царя.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

АНТИГОНА, одна.

Сраженная шоской, ... съ родителемъ въ разлукѣ....
 Какъ медлѣнно часы къ моей проходятъ мукѣ!
 День радости есть мигъ, печали день есть вѣкъ;
 И умирающій несчастный человекъ,
 Сей оставляетъ мѣръ, какъ пушникъ утомленный.
 Подобно смерти ждешь мой нынѣ духъ смущенный.
 Народная молва здѣсь ею мнѣ грозитъ,
 Здѣсь жертвы потребуешь гласъ страшныхъ Эвменидъ;
 И къ смертнымъ въ ярости въ сей болѣ день жестоки,
 Онѣ велятъ пролить не козлищъ кровны токи, —
 Такая жертва имъ обычная мала! —
 Но чшобъ рука жреца кровь царску пролила.
 Меня на жертву имъ народъ опредѣляетъ,
 И надъ главой моей смерть страшная зѣлетъ.
 О нѣжный мой отецъ! единый ты предметъ,
 О коемъ плачу я сей оставляя свѣтъ.
 Какъ возвратишь тебя Тезей великодушный,
 Ты здѣсь найдешь мой прахъ холодный и бездушный!
 Скорбь новая швой духъ, какъ туча омрачитъ,
 И горести швоей нишо не облегчитъ....
 Свирѣпой смертію удержанна въ неволѣ,
 Печаль швою дѣлать не возмогу я болѣ!
 Уже швой спонъ ко мнѣ до сердца не дойдетъ,
 Несмертная слеза на землю упадетъ,

Ужасна ты, о смерть! коль узы разрываешь,
 Когда чувствительность во хладность превъняешь,
 И дружбу и любовь коль изстребляешь въ насъ....
 Я слышу страшный шумъ.... насмалъ мой юный часъ,
 Увы!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АНТИГОНА, ПОЛИНИКЪ, нѣкоторые изъ старѣйшинъ
 Аѳинскихъ.

ПОЛИНИКЪ.

Ахъ, гдѣ она? Вы къ ней меня ведите.

АНТИГОНА.

Не дайте мнѣ спрдашь, скорѣй судьбу рѣшите.

ПОЛИНИКЪ.

Еель зрю въ рубищѣ? О жалоснѣйшій видъ!

АНТИГОНА.

Безъ жалости во храмъ влеките Эвменидъ.

ПОЛИНИКЪ.

Или во мнѣ уже превъна шоль велика,

Что ты не узнаешь и гласа Полиника?

АНТИГОНА, бросаюсь въ объятія
 Полиника.

Мой брашъ!

ПОЛИНИКЪ.

Сестра! Се тыль въ объятіяхъ моихъ?

Увы! твоей злобный брашъ причиной бѣдъ твоихъ,

И ты какъ изверга меня не убѣгаешь?

Ты слезы льешь, молчишь и брата обнимаешь.

АНТИГОНА.

Ахъ, ты подобно мнѣ въ несчастьѣ нынѣ впалъ!
Я забываю все.

ПОЛИНИКЪ.

Такъ, такъ, и братъ твой спалъ
Изгнанникомъ изъ Фивъ; но не тебѣ подобно.
Съ своею ли душой сравнишь сердце злобно?
Могуль судьбу свою, какъ ты, спокойно нести?
Твое изгнаніе твоя есть слава, честь,
Утѣха сладостна и радости сердечны.
Но я, жестокий братъ и сынъ безчеловѣчный,
Изгнаніе терплю, какъ казнь достойну мнѣ.
Ты дни свои ведешь въ всегдашней тишинѣ,
Ночь сладкое несетъ тебѣ успокоенье,
Твой осѣняетъ сонъ опца благословенье,
И безпревозны въ ночь невинныя сердца.
Но я, осягощенъ проклятіемъ опца,
Терзаюсь въ день спрасъми, и злобой, и опимщеньемъ,
Тоской разкаянья и совѣспи мученьемъ;
А въ ночь, въ ночь темную, когда окрестъ меня
Земля покоится, молчаніе храня,
Съ звѣрями хищными и съ пшицами ночными
Одинъ бесѣдую спенаньями моими.
Мечты опъ глазъ моихъ не убѣгаютъ прочь.
Ахъ, для злодѣевъ какъ страшна, ужасна ночь!
Конечно я на зло назначенъ опъ рожденья:
Кляня злодѣйствіе спремлюсь на преступленья.
Съ губишельнымъ мечемъ, и съ пламенемъ въ рукахъ,
Иду въ отечество, несу пожаръ и страхъ,
Союзниковъ моихъ веду съ собою силу,
Чтобъ Фивскому царю изъ спѣвиъ сложить могилу.

АНТИГОНА.

Какую, Полиникъ, жестоку слышу рѣчь!
И на кого, увы, ты обнажаешь мечъ?
На брата?

ПОЛИНИКЪ.

На врага, на хищника короны,
И чести и родства презрѣвшаго законы,
И на виновника моихъ несносныхъ бѣдъ.
Иль Этеоклъ иль я оставишь долженъ свѣтъ:
На солнце общее не лъзя взирашь намъ болѣ.
Кто съ прона предковъ палъ и мнѣ подобенъ въ долѣ,
Тому осталася одна надежда.... мещъ,
И долгъ одинъ, что бы иль гробъ иль пронъ обрѣсть.
Не осуждай меня: вини мои ты чувства,
Которыхъ умѣряшь не знаю я искусства,
Вини сей огонь, въ моей пылающей крови.
Презмѣренъ я во всемъ, и въ злобѣ и въ любви,
Въ самомъ разкаяннѣ, которыми въ слѣдъ за вами
Я приведенъ къ опцу: ахъ! предъ его ногами
Упавъ, хучу я ихъ слезами оросишь,
И пресупленію прощенье изпросишь.
О! съедини свой гласъ съ моими ты мольбами,
И примири меня съ Эдипомъ и съ богами!

АНТИГОНА.

Увы! родитель нашъ Креономъ похищенъ,

ПОЛИНИКЪ.

Тезеевой рукой тебѣ онъ возвращенъ.
Креонъ въ дали узрѣвъ Аѳинскаго героя
Въ погони за собой, и устращася боя,
Отъ казни чѣмъ своей поспѣшнѣе уйши,
Эдипа долженъ былъ оставить на пути.

Отецъ сюда вѣдомъ опрядомъ войскъ Тезея,
Но царь съ другими самъ преслѣдуетъ злодѣя.

АНТИГОНА.

О вѣсть, опрадная! Еще единый разъ
Увижу я отца, его услышу гласъ;
Еще предъ тѣмъ, мою какъ кончу я судьбину,
Я оперешь могу его слезу едину.
Ахъ! вмѣстѣ поспѣшимъ въ объятія его.

ПОЛИНИКЪ.

Постой, сестра, постой; для брата твоего
Объятія отца закрылися конечно,
И можешь быть, увѣ! закрыты будутъ вѣчно.
Ябъ долженъ онъ себя всѣмъ отвраштить сердца.
Какъ возмогу взирать на бѣднаго отца,
Когда всякъ страждущій, убогій и несчастный
Напоминаетъ мнѣ, что извергъ я ужасный,
Что на земли уже прощенія мнѣ нѣтъ,
Что мною на всегда гнушаться долженъ свѣтъ,
И что извѣстенъ я единымъ пресупленьемъ.
Ахъ, сжался надъ моимъ несноснѣйшимъ мученьемъ!
Будь мнѣ заступницей, и грусть моей души
Родителю представь и живо опиши.
Что бы дозволилъ мнѣ передъ него явиться,
Услышать гласъ его, симъ гласомъ насладиться,
Чтобъ на челъ его я милость могъ узрѣть,
Илибъ у ногъ своихъ онъ далъ мнѣ умереть.
Но шумъ.... отецъ идетъ.... о зрѣлище плачевно!
Иду, бѣгу, чтобъ скрыть смущеніе душевно.

Уходитъ.

Эдипъ въ Афинахъ,
ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЭДИПЪ, АНТИГОНА и часть воиновъ Тезея.

АНТИГОНА, бросаюсь въ объятія
къ Эдипу.

Родитель! зрю тебя... благословенный часъ!

ЭДИПЪ.

О утѣшительный, животворящій гласъ!
Дочь милая! опять я соединенъ съ тобою.
Такъ не совсѣмъ еще оставленъ я судьбою!
Такъ не совсѣмъ еще забытъ я отъ небесъ!
Минуны мнѣ дающъ для радостнѣйшихъ слезъ,
И сердце горестью столь долго изнуренно,
Отдохнешь наконецъ весельемъ оживленно.
О боги щедрые, благословляю васъ!
На землю временно вы посылая насъ,
На жизненномъ пути разсѣяли печали,
Что бы мы радости живѣе ощущали,
И что бы грустію помимый человекъ,
Въ одинъ веселья часъ забылъ спраданій вѣкъ.

АНТИГОНА.

О добродѣтели власть сильна и священна!
Гонималъ ты, въ самой себѣ ты утѣшенна,
И чистой совѣсти пріятный, тихій свѣтъ,
Черезъ бездну горестей спокойно насъ ведешь...
Но здѣсь я видѣла несносну грусть порока:
Она мучительна, терзательна, жестока.
Предъ тѣмъ, какъ ты меня въ объятія приалъ,
Несчастный юноша въ глазахъ моихъ спеналъ.

Э Д И П Ъ .

Несчастный, говоришь! Кто онъ? Ахъ, всѣ несчастны
Моимъ вздыханіямъ, моимъ слезамъ причастны!
Сстрадающихъ всегда чувствительнѣй сердца.
Сей юноша, скажи, уже ли безъ отца?
Ужель не носишь онъ названія супруга?
Уже ли въ мірѣ семъ себѣ не знаешь друга,
Ни брата, ни сестры, и словомъ никого,
Ктобъ слезы пролилъ съ нимъ, печаль дѣлилъ его?
Пускай приходитъ онъ: однимъ благополучнымъ
Видъ огорченнаго бываетъ только скучнымъ;
Но я съ несчастными охотно слезы лью.
Пусть онъ придетъ печаль повѣришь мнѣ свою.

*Антигона подаетъ знакъ Полинику,
который вошедъ останавливается.*

АНТИГОНА.

Не смѣешь онъ придти;... ужасно преступленье....

Э Д И П Ъ .

Не смѣешь?... Ты молчишь!.... Какое подозрѣнье
Вселяешь въ сердца мнѣ? Ты духъ смущаешь мой.
Не смѣешь.... Кто же онъ? Не братъ ли злобный швой?
Не онъ ли грусть влачитъ себѣ въ достойной долъ?
Пускай груститъ.... къ нему не сосстрадаю боль;
Чтобъ онъ не приходилъ, что бы бѣжалъ, и съ нимъ
Я не хочу дышать здѣсь воздухомъ однимъ.

Эдипъ въ Афинахъ,
ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прѣжніе и ПОЛИНИКЪ,

ПОЛИНИКЪ.

И такъ, я осужденъ на вѣчныя мученія!
И такъ, не должно мнѣ надѣяться прошенія!
Нѣтъ, не достоинъ я, чѣмъ ты когда простишь,
Я добродѣтели, природу оскорбилъ,
Неблагодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ,
Твой справедливый гнѣвъ быть долженъ безконеченъ,
И клятвою твоей спраданія, напасъ,
Вопъ все, что на земли мнѣ отдано на часть.
Но если можешь въ насъ разкаянье живое,
Къ намъ небо мстительно перемѣнишь въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями миришь,
Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ ужель не укротишь?
Уже ли въ ярости всегда пребудешь твердымъ?
Родитель будешь ли одинъ немилосердымъ?
Склонися къ милости, подобенъ будь богамъ.

Бросается къ ногамъ Эдипа,

Твой кающійся сынъ падетъ къ твоимъ ногамъ.
Тронись разкаяньемъ, въ которомъ я стенаю,
Почувствуй жаръ твоихъ слезъ, копоры проливаю;
Онъ отъ чувствъ пекутъ, душа изпочникъ имъ,
И вѣдкостью равны мученіямъ моимъ.

По некоторомъ молчаніи,

Но ты молчишь, ... но ты чело свое скрываешь, ...
Прошенія, жалобы и слезы отвергаешь.

АНТИГОНА, *Упадая къ ногамъ Эдипа,*

Родитель мой, и я соединяюсь съ нимъ!
Чтобъ умолишь себя, паду къ ногамъ твоимъ,

Встрѣчались ли когда съ побою огорченны,
 Копорыбъ не были въ печали облегченны,
 Которыхъ рвчю ты отърадной не дарилъ,
 И коихъ съ жизнію опять не примирилъ.
 Иль сына своего ты не услышишь стона?

Э Д И ПЪ, *поднимая Антигону.*

Ты просишь за кого? любезна Антигона!
 Пусть нечестивецъ сей тебя благодарить;
 Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ зреть;
 Что слышишь голосъ мой. — Клянуся небесами,
 Что безъ тебя его не шронулсябъ слезами!
 Хотябъ у ногъ моихъ въ сей часъ онъ умираетъ,
 И слова моего къ спасенью ожидаеъ,
 Никакъ бы жалости душа не изъявила,
 Я бы безмолвенъ былъ, какъ хладная могила.

Къ Полинику.

Скажи злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?

ПОЛИНИКЪ.

Чтобъ чувства свои ко мнѣ перемѣня,
 Мой стонъ слышалъ ты, разкаянне увидѣлъ;
 И чтобъ родители мой меня не ненавидѣлъ.
 Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рожденъ!
 Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ,
 И уподобиться ужасному злодѣю;
 Но душу пылкую, чувствительну имѣю,
 И сердце нѣжное побою мнѣ дано.
 Увы! днесъ спраждуще, разтерзанно оно,
 Покрыто язвами, шоскою изнуренно,
 И спрашной кляпвою швоей обремененно.
 Ты даровалъ мнѣ жизнь, даруй ее мнѣ вновь,
 Дай сердцу пищу и возврапи любовь.
 Любовь швоя, какъ лучъ божественный, небесный,

Проникнешь въ душу мнѣ, мой шокъ преспанешъ слезный,
 И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.
 Родитель! убѣдись мольбою твоею,
 И милосердія являя совершенство,
 Дай сыну своему хоть разъ вкусить блаженство.
 Ты согласишься идти въ отеческую страну,
 Мою передъ тобой исправлю тамъ вину.
 Седмь вождей за меня всѣ силы вооружаютъ,
 Мой спанъ, побѣда, пронъ, Эдипа ожидаютъ,
 Надъ войскомъ, надо мной, тебѣ вручаю власть.
 Оивъ стѣны гордыя должны предъ нами пастъ,
 И не изгнанника въ тебѣ увидятъ болъ,
 Но мощнаго царя на отческомъ престолѣ,
 Спрадальчествомъ своимъ достойнаго вѣнца,
 И по среди дѣшей счастливаго отца.
 Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ,
 И ревностнымъ рабомъ и изъ сыновъ нѣжнѣйшимъ.
 Въ супругъ же твоей найдешь ты нѣжну дочь;
 Въ день будетъ утѣшатъ, твоей сонъ покоитъ въ ночь,
 И такъ любишь тебя, какъ любишь Антигона.
 Повѣрь, инаго мы не будемъ чинить закона,
 Какъ волю лишь твою: и твой храня покой
 Семейства цѣлаго союзною рукой,
 Въ забвеніе у тебя привесить мое злодѣйство.

Э Д И П Ъ.

Какой несчастный царь тебя приять въ семейство?
 Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ столько бытъ,
 Чтось дочь свою тебѣ супругою вручить,
 Чтось бы предасть ее на горестъ и напаси?
 Или онъ о твоей не вѣдалъ скорбной части?
 Жестокосердый сынъ и подданныхъ тиранъ,
 Чувствительности даръ тебѣль когда былъ данъ?

Тебѣ ли можно быть опцемъ, супругомъ нѣжнымъ,
 Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ надежнымъ?
 Для сердца твоего какой союзъ священъ?
 Одною гордостью ведомъ и ослѣпленъ,
 Священнѣйшій союзъ ты изровергъ природы,
 Который первымъ чтутъ по всей земли народы.
 Нѣтъ, не разкаянье тебя ко мнѣ вело;
 Тщеславіе твое унизило чело;
 Оно причиною и слезъ твоихъ и стона:
 Симъ чувствомъ приведенъ и алчностію прона,
 Ты мыслишь оправдать предъ небомъ и землей
 Войну, подымающую противъ страны своей,
 Когда предлогомъ дашь Эдипа защищенье,
 Мое въ опечесство и къ прону возвращенье.

ПОЛИНИКЪ.

Клянуся всемъ тебѣ, что свято въ мірѣ есть,
 Что для тебя хочу скиптръ Фивскій приобрести.

ЭДИПЪ.

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
 Сей скиптръ, который мнѣ столь щедро предлагаешь,
 Не яль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ?
 Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
 Быть съ вами на всегда одной считавъ опрадой?
 Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
 Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
 Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ;
 Зри ноги ты мои скипавшиися изъязвленны;
 Зри руки, милостынь прошеньемъ упомленны;
 Ты зри главу мою лишенную волосъ,
 Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ.
 Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
 Твой изгнанный отецъ безъ пищи, безъ ночлега,
 Часть I.

Не зналъ куда главу несчастну приклонить,
 По всюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
 И дебри темныя, и глубины пещерны,
 Весь видѣлъ свѣтъ твои злодѣйства безпримѣрны.
 Иди, жестокой сынъ, усугубляй вины,
 Будь изпребителемъ отеческой страны,
 Союзниковъ своихъ веди противу брата,
 Яви еще примѣръ неслыханна разврата.
 Но тамъ, у Ѳивскихъ сплѣтъ, не промѣжь тебѣ готовъ;
 Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
 Отъ Ѳивскихъ областей, удѣлъ тебѣ сужденный,
 То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь сраженный.
 Какъ безъ пристанища скипался въ жизни я,
 По смерти будетъ такъ скипаться плѣнь твоя;
 Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
 Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обymeтъ,
 И призовешь звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ,
 И подданныхъ твоихъ спрегущихъ дома псовъ.
 Иди, бѣги, сплѣши на ново преступленье;
 Всѣхъ васъ я чуждъ, мнѣ дочь семья и утѣшенье.

*За театромъ слышенъ шумъ толпы
 народной.*

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

Презніе и нѣкоторые изъ Старѣйшинъ Аѳинскихъ.

АѲИНЯНИНЪ.

Несчастливый Эдипъ, ты духомъ укрѣпись!
 Ударъ суровѣйшій сносишь въ сей часъ рѣшись.
 Народъ день цѣлый ждавъ Тезея возвращенья,
 Возсхалъ противъ тебя, наполненъ градъ смущенья;

Тебя чтущъ бѣдъ виной, твоей проклинаятъ родъ,
И дочери твоей весь требуетъ народъ.

*Шумъ за театромъ становится
сильнѣе.*

Ты слышишь ли сей шумъ? Окружены чертоги,
Весь городъ вопіетъ: „разгнѣваны суть боги;
„Чтобъ умолишь ихъ гнѣвъ и отвратишь напасть,
„Эдипа дочь должна во храмъ жертвой пасть.

Э Д И П Ъ.

Имѣтель судьбы еще какія кары?
Я мнилъ, что мною всѣ изпощены удары,
И новый вознесенъ надъ скорбною главой!
О дочь! увы! могуль расстаться я съ тобой?
Остануся убогъ, со всемъ осиротѣю....
Ты плачешь?... Я и слезъ ужъ болѣе не имѣю.

АНТИГОНА.

Увы! я слезы лью не о моей судьбѣ;
Я смерти не спрашусь и плачу о тебѣ.

Народъ врывается въ двери.

ПОЛИНИКЪ, бросается къ народу.

Не совершится, нѣтъ, сей замысль ихъ ужасный,
Доколѣ я дышу....

Э Д И П Ъ, его останавливая.

Что можешь ты, несчастный?

Порывы поздные усердія умѣрь,
Безвременна твоя защита намъ теперь.

Къ народу.

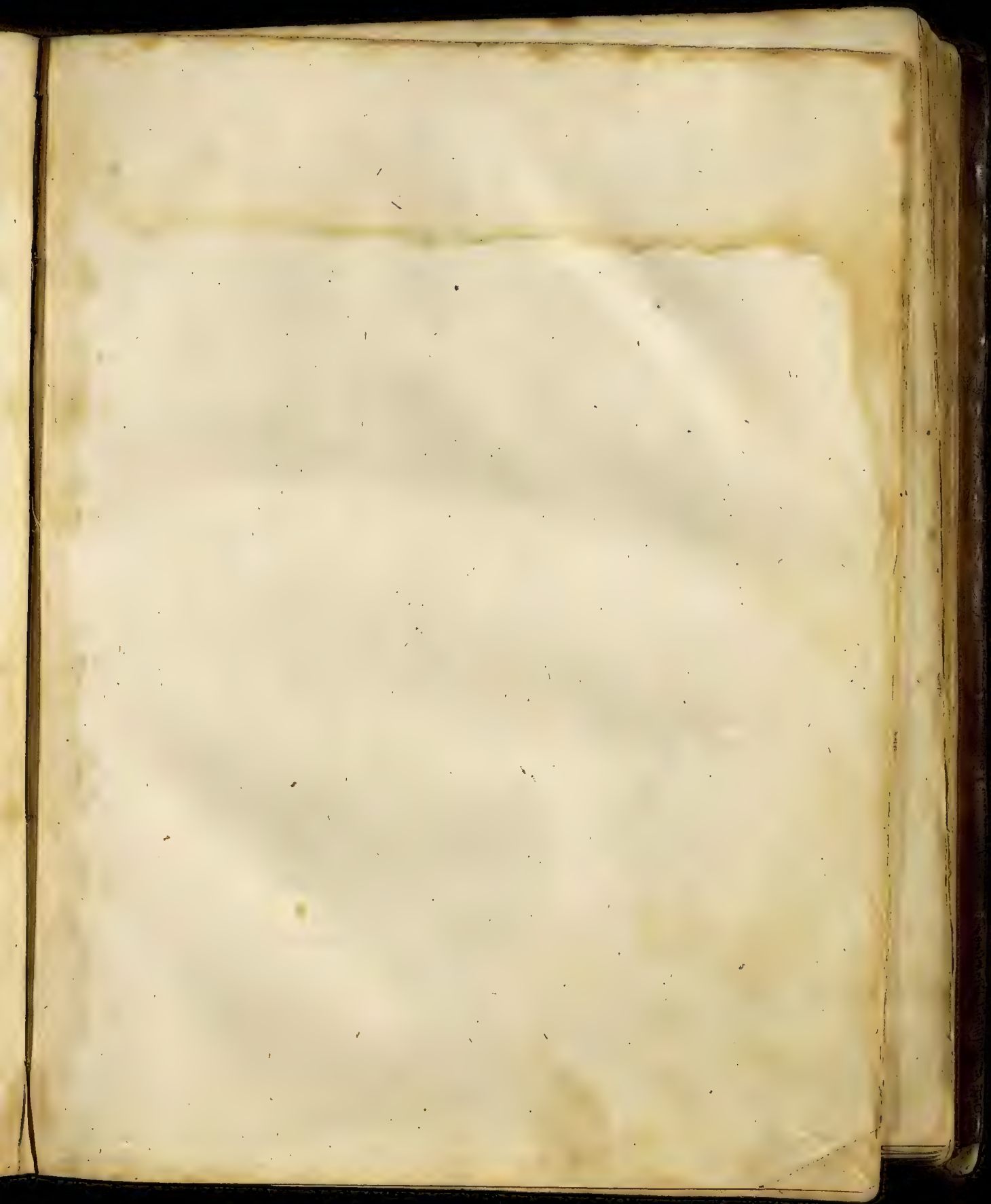
Аѳиняне! во храмъ меня ведите съ нею.
На Эвменидѣ еще надѣяться я смѣю.
Не дочь мою одну, двѣ жертвы приметъ жрецъ,
И совершитъ моимъ спраданіямъ конецъ.

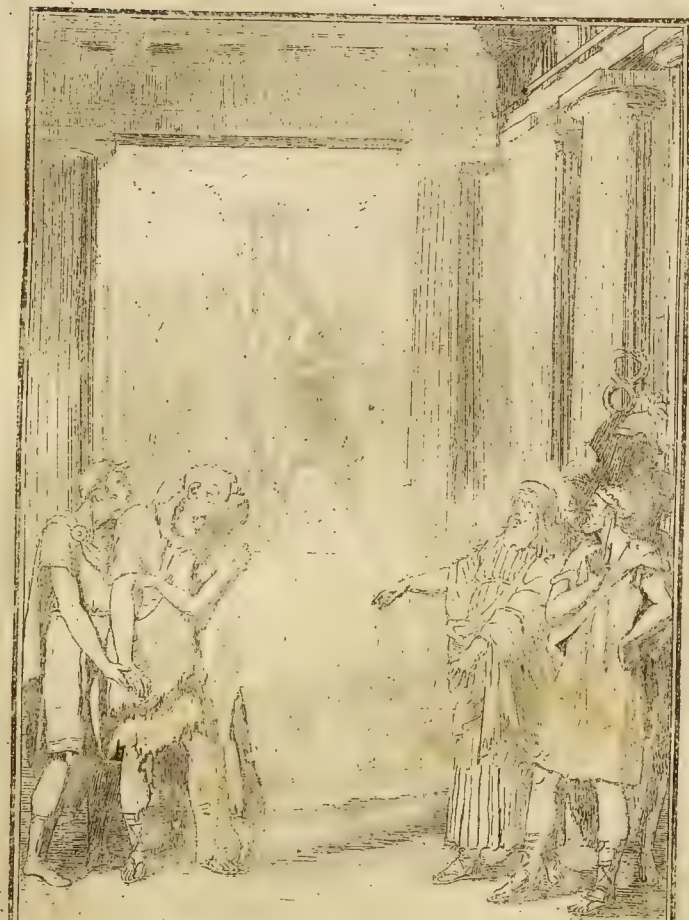
Эдипа и Антигону вводятъ.

ПОЛИНИКЪ.

О ярость! о позоръ!... А вы, о боги чудны!
Когда не щещны вы, когда вы правосудны,
Спасите отъ меча невинныя главы.
Преступникъ я одинъ, меня разите вы;
Подземный огонь и громъ небесъ соедините,
И нечестиваго изъ міра изгребите.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

И къ препену земли безбожниковъ карають

Дѣянье V. Гла. послѣднѣ

Д Ъ Й С Т В І Е П Я Т О Е.

Театръ представляетъ внутренность храма Эменидѣ, который раздѣленъ на двѣ части: Въ отдаленной видѣнъ жертвенникъ и три статуи, изображающія богинь сего храма: въ ихъ рукахъ вожженные факелы.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ, въ отдаленной части храма при жертвенникѣ, и Жрецы.

Х О Р Ъ Ж Р Е Ц О В Ъ.

Богини, адомъ порождены,
Народамъ въ страхъ, злодѣямъ въ казнь!
Что возбуждаетъ неприязнь?
По что вы нынѣ раздражены
Предстали грозныя предъ насъ?

*

Къ рабамъ, къ царямъ равно вы спроги;
Какъ смерть вашъ общій всѣмъ успавъ!
И смертный злобный и лукавъ
Ни въ хижину, ниже въ чертоги,
Не скроеся отъ вашихъ глазъ.

*

Вошце злодѣйства сокровенны:
Вы зрите сердца глубину.
За скрыпу, тайную вину;
Изъ мрачной пронасти геенны
Къ злодѣю вашъ взываетъ гласъ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Прервите пѣніе, священные жрецы!
Изготавливайте вы повязки и вѣнцы,
И ризы чермныя и прочи украшенья,
Приличные для насъ въ день жертвоприношенья.
Невидимой рукой ведется жертва къ намъ.

Жрецы уходятъ.

Но кто сей юноша, вступающій во храмъ?
Въ чертахъ опечаленье и въ поступи смущенье!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ и ПОЛИНИКЪ.

ПОЛИНИКЪ.

Служитель олтарей! скончай мое мученье.
Здѣсь жертвы требуетъ богинь суровыхъ гласъ:
Готовъ на жертву я, рази не убоясь.
Сей смертію смиришь народную строптивость,
И совершишь не дашь богамъ несправедливость.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Кто ты, о юноша, чтобъ о богахъ судить?
Иль не спрашишься ты ихъ ярость возбудить?
Сей храмъ сооруженъ ихъ мщенію и гнѣву.

ПОЛИНИКЪ.

Хотябъ разверзнуться вѣдѣи адску зѣву,
Чтобъ поглотить меня, я въ день несчастный сей
Не устращусь: весь адъ ношу въ душѣ моей.
Зрѣшь грозныхъ Эвменидъ мои привыкли очи;
Въ бесѣдѣ страшной ихъ провелъ я многи ночи;
Отринуть отъ боговъ, отверженъ естествомъ,
Мнѣ Фуріи однѣ оспались божествомъ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Тебя ужасное терзаетъ преступленье.

ПОЛИНИКЪ.

Вся жизнь ужасная, и самое рожденье.

Слухъ о судьбѣ моей во всѣ страны достигъ.

Я шотъ Эдиповъ сынъ, шотъ злобный Полиникъ,

Врагъ подданныхъ своихъ, опечесива губитель,

Винovníкъ бѣдъ сеспры, къмъ изгнанъ былъ родишель,

Къмъ угрожаемъ браншъ, и шотъ я наконецъ,

Надъ чьей главой изрекъ проклятіе отецъ.

Когда злодѣйска кровь для Эвменидъ пристойна,

Вотъ грудь моя, рази: я жертва и пристойна.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

О часть прискорбная! о злополучный царь!

Вотще въ смущеніи предспаль передъ олтарь,

И смерти пребуешь, тобою шоль желанной.

Я не приму главы, проклятію преданной;

Твоихъ спраданій, слезъ, я не могу пресъчь,

И кровію швоей не оскверню мой мечъ.

И самые шельцы, готовимые въ жертвы,

Очищены предъ шѣмъ, какъ упадающъ мершвы.

ПОЛИНИКЪ.

Иль не довольно я еще злодѣемъ былъ?

И смерти я себѣ ещель не заслужилъ?

Она не есть ли верхъ небесной неприязни?

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Нѣшъ, боги не всегда дають намъ смерть для казни.

Она лишь для шого караніе небесъ,

Въ комъ нѣшъ разкаянья, свѣшъ совѣсти исчезъ,

Предъ къмъ о промыслъ безмолвствуеетъ вселенна,

И власть кому боговъ открыть должна геешна.

Но смерть есть сущій даръ для спраждущихъ сердець;

Она болѣзнямъ ихъ и горестямъ конецъ:
 Ихъ смерть зовешь, какъ дубъ осанистой, вѣтвистой,
 Стоящій средь пущи, подъ свой покровъ сѣнистой
 Успалыхъ странниковъ зовешь вкусить покой.
 Но часть еще, мой сынъ, не наступаетъ твой!
 И клятвою отца, какъ узломъ неразрывнымъ,
 Привязанъ ты къ землѣ, къ страданьямъ непрерывнымъ,
 Доколь исполнятся тебѣ сужденна часть,
 Которой премъний богамъ не можетъ власть,

ПОЛИНИКЪ.

Коль смерти отъ небесъ я шщечно ожидаю:
 Отчаянье, тебя на помощь призываю!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Презнне, ЭДИПЪ, АНТИГОНА, Жрецы и народъ Аѳин-
 скій.

АѳИНЯНИНЪ.

Первосвященный жрецъ! Вспревоженный народъ
 Считаю бѣдъ виной Эдипа къ намъ приходъ,
 Что бы спасти царя, что бы спасти Аѳины,
 Чтобъ умолишь богинь и гнѣвныя судьбины,
 И удовольствовать ихъ возпаленну мечь,
 Эдипа дочь привелъ на жертву имъ принесть.
 Пусть гнѣвъ погаснетъ ихъ въ ея потокахъ крови;
 Да возвращаетъ предметъ народныя любви,
 И возвратится къ намъ съ Тезеемъ пищина.

АНТИГОНА.

Граждане! Вами бывъ на смерть осуждена,
 Какъ ни ужасна смерть, какъ участь ни сурова,
 Безъ ропота и слезъ принять ее готова.

Мнѣ жизнь казалась тѣмъ оспрадна и мила,
 Что утѣшенемъ быть родителю могла,
 Что онъ на грудь мою слагалъ свои печали.
 Сію пронзая грудь, вы право днесъ мнѣ дали
 Аѳинамъ поручить отца несчастны дни.
 Залогомъ вѣрнымъ пусть пребудушъ вамъ они
 Союза спрашнаго, союза смерти лютой,
 Кошпорый съ вами я сей совершу минутой.
 Такъ, жители Аѳинъ, я заклинаю васъ
 Предъ жертвенникомъ симъ, въ торжественный сей часъ,
 Передъ лицомъ богинь, теперь во храмъ сущихъ,
 Предъ сонмомъ всѣхъ боговъ, меня у гроба ждущихъ,
 Что бы хранили вы родителя покой,
 Влюли его главу, гнетомую тоской.
 Тогда лишь смерть моя вамъ можетъ быть полезна.
 Не то, для васъ она на вѣки будетъ слезна;
 Мой прахъ вамъ будетъ въ казнь, и гробъ мой будетъ

вамъ

Жилище Эвменидъ, другой ихъ мести храмъ.
 Ничѣмъ тогда судьбы, ничѣмъ не умоляясь,
 И кровью сей главы чадъ вашихъ опягчаться.

Къ Эдипу.

Въ послѣдній разъ, отецъ, благослови ты дочь,
 Да будетъ въ вѣчности пріянная мнѣ ночь,
 И сонъ глубокий мой пребудетъ ненарушенъ.

Э Д И П Ъ, обнимая Антигону; къ

народу.

Народъ, который былъ всегда великодушенъ!
 Ты добродѣтелей въ ней совершенство зришь,
 И сердце ли сіе ты смертию поразишь?
 Ужель межъ вами нѣтъ опцовъ чадолюбивыхъ,
 Сердцевъ чувствительныхъ и смертныхъ справедливыхъ.

Чтобъ видѣть, чувствовать и убѣжденнымъ быть,
 Что кровь невинную рѣшившись пролить,
 Вы оскорбляете сей храмъ, боговъ, природу,
 И призываете безсмертныхъ казнь народу.
 Коль съ гробомъ вамъ моимъ побѣда суждена,
 Коль кровію спасись должна сія страна,
 Прелейте кровь мою: ужъ я давно, какъ мертвый,
 И Фуріи меня блюди себѣ для жертвы.

АНТИГОНА.

Ахъ, дай мнѣ смертію твоей изкупить покой,

ЭДИПЪ.

Невинна кровь тому не можешь быть цѣной.

АНТИГОНА.

Когда невинна я, то жертвой быть достойна.

ЭДИПЪ.

Насильственная смерть злодѣямъ лишь пристойна,
 Она прилична мнѣ, и къ оной осужденъ
 Я былъ еще предъ тѣмъ, какъ бѣдственно рожденъ,
 Такъ, боги! щедро ливъ несчастья и печали
 На жизнь Эдипову, вы жертву украшали,
 Вы руку на меня назначили просерсть.
 Первосвященный жрецъ! веди меня на смерть,
 Но дай, позволь почтись послѣднимъ цалованьемъ
 Тотъ мечъ, которымъ я разстануся съ спраданьемъ,
*Первосвященникъ принявъ мечъ, кото-
 рый одинъ изъ жрецовъ держалъ на блюдѣ,
 хотѣлъ вручить оный Эдипу, но Поли-
 никъ вырываетъ изъ рукъ его.*

ПОЛИНИКЪ.

Подай сей мечъ, подай, оцъ мнѣ принадлежитъ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Какой, о Полиникъ, злой замыслъ въ сердцѣ скрypiшь?

Э д и п ъ.

О Полиникъ! ты здѣсь? Пришелъ ли ты ругаться
Моею смертію и ею наслаждаешься?

Или уже ни что, ни часть плачевный сей,
Ни вѣры торжествъ, ни святость олтарей,
Не сильны удержать твой ярый духъ и злобу?

П О Л И Н И К ъ.

Твой сынъ пришелъ сюда искашь пушей ко гробу.
Прокляшемъ осягченъ, отверженный тобой,
Гнушаюсь жизнью я, гнушаюсь я собой.
Коль смерти не дають разгнѣванные боги,
То пусть ко смерти мнѣ откроешь мечъ дороги.

Э д и п ъ.

Самоубійствомъ ли ты осквернишь сей храмъ?

П О Л И Н И К ъ.

Въ отчаяньи оно едино средство намъ.

Э д и п ъ.

Какимъ неисповѣдомъ твой нынѣ духъ встревоженъ!

П О Л И Н И К ъ.

Безчеловѣченъ былъ, пусть буду и безбоженъ.
Такъ, здѣсь у ногъ твоихъ я совершу ударъ,
И кровь проливъ, тебѣ я возвращу твой даръ.
Жестокостью своей знавъ сына умерщвленнымъ,
Спущай потомъ къ богамъ путемъ окровавленнымъ.

Упадаетъ къ ногамъ Эдипа.

Э д и п ъ.

Иль всѣ возможныя я бѣдства соберу?

Возстанъ несчастнѣйшій...

П О Л И Н И К ъ.

Не встану, но умру.

Э д и п ъ.

Ахъ! если бы тебя разкаянье терзало!

ПОЛИНИКЪ.

Чѣмъ сердце бы инымъ жестоко толь страдало?
 Разкаянье въ душѣ,.... ахъ! что я говорю?
 Оно въ крови моей, снѣдаемъ имъ, горю!
 И Фурій мстительныхъ терзающія руки,
 Ихъ змѣи, ихъ бичи, ничто пропивъ сей муки,
 Ничто въ сравненіи и весь ужасный адъ.

АНТИГОНА.

Родитель! вспомни ты, что Полиникъ мнѣ братъ;
 Внимай, какъ въ истинномъ разкаяньи спенаетъ.

ЭДИПЪ.

Возстань, несчастный сынъ, отецъ тебя прощаетъ.*
 Приди въ объятія и примирайся со мной,
 Ты примиришься щись съ богами и съ собой.
 О боги, коихъ я во гнѣвъ огорченный,
 Къ опмщенію призывалъ, на сына раздраженный!
 Разкаянье шеперь когда въ немъ зрите вы,
 Проклятіе мое сложите съ сей главы.
 Вамъ добродѣтельный не столько мужъ приятель,
 Какъ тошъ, кто кается, бывъ злобенъ и развращенъ.
Но нѣкоторою молчаніи.

Но боги ждутъ меня, насталь уже мой часъ.
 Гдѣ ты, о дочь! приди, и дай еще мнѣ разъ
 Прижать къ груди моей твою главу любезну.
 Съ тобой въ терпѣніи чрезъ жизнь прошелъ я слезу,
 И предназначенный свершая нынѣ путь,
 Благодарю тебя: благословенна будь!
 О Полиникъ! тебѣ сестру я здѣсь ввѣряю,
 Сокровища мои всѣ съ нею поручаю.

* При сихъ словахъ Полиникъ роняетъ мечъ и бросается въ объ-
 ятія отца; одинъ изъ жрецовъ поднимаетъ сей мечъ.

Дни драгоценные, покой ея храня,
Ты помни какъ она покоила меня.
Гдѣ мечь? подай.

*Принявъ мечъ отъ первосвященника и
поцаловавъ оный.*

Жрецы! орудіе примите.
Въ послѣдній разъ отца, о дѣти, обоймите!

ПОЛИНИКЪ.

Жестокій часъ!

АНТИГОНА.

Тебяль я буду лишена!

ЭДИПЪ.

Ты вспомни, что намъ жизнь другая суждена.

Къ жрецамъ.

Ведите вы меня на жертвоприношенье.

*Тезей спрешительно входитъ и оста-
навливаетъ Эдипа, который опираясь
на Антигону и Полиника, шелъ ко вну-
тренней части храма.*

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

ПРЕЖНІЕ, ТЕЗЕЙ, КРЕОНЪ обезоруженный, и воины
Аѳинскіе.

ТЕЗЕЙ.

Остановись народъ! Какое пресупленье
Ты хочешь совершить предъ правдою боговъ?

АНТИГОНА.

Конечно намъ она даруетъ свой покровъ!

Часть I.

ПОЛИНИКЪ.

Спаси родителя, Тезей великодушный!

ЭДИПЪ.

Ахъ, дай мнѣ смерть принять, будь мужъ богамъ по-
слушный!

Кровь царскую пролить здѣсь повелѣлъ ихъ гласъ,
Мой родъ полезенъ мнѣ хотя въ сей первый разъ.
Такъ, смертію моею жизнь дщери сохраняю,
И пищу тебѣ и граду возвращаю.

АНТИГОНА.

Я радостно умру къ спасенію отца.

ПОЛИНИКЪ.

Пускай меня разитъ священный мечъ жреца.

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ, не умрете вы: ни ты, о мужъ почтенный,
Ни нѣжна дочь швоя, ни сынъ побой прощенный.
Не съ шѣмъ судьбы, не съ шѣмъ васъ привели сюды,
Что бы надъ вами днесъ усугубить бѣды.
Онѣ готовили вамъ пищу, оспраду,
За вашъ покой дають побѣду намъ въ награду.
Къ спасенію сей спраны самъ прежде кровь пролью,
Чѣмъ вамъ обиду здѣсь какую потерплю.
Но нѣтъ, безсмертнымъ кровь невинна, благородна,
Для жертвы никогда не можетъ быть угодна.
Креонъ одинъ возмогъ небесъ возставитъ гнѣвъ.

Громъ сильный раздается.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ, къ Тезею.

Громъ подтверждаетъ рѣчь. — Сей родственникъ ца-
ревъ

Противъ опечества крылъ замыслы лукавы;
Посломъ здѣсь изпровергъ общенародны правы;
Онъ врагъ самихъ боговъ и къ смерти осужденъ;

Твоей рукой на казнь онъ ими приведенъ.

Къ Креону.

Умри, врагъ общества и врагъ безсмертныхъ дерзкій,
И опъ лица земли сокрой свой образъ звѣрскій.

К Р Е О Н Ъ.

Въ странѣ сей призрѣнныхъ я зря моихъ враговъ,
Терзаюсь, и принявъ смерть любую готовъ.

Жрецы вводятъ Креона.

Э Д И П Ъ.

Какой судьбой на казнь преступники ведомы!

*Громъ упадаетъ и поражаетъ Креона,
вошедшаго во внутренность храма.*

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Внемлите, что въ сей часъ мнѣ возвѣщаютъ громы.

Неистовый Креонъ сей видѣшь свѣтъ преспаль,

Небесный громъ сразилъ и адъ его пожралъ;

Богини въ слѣдъ ему изъ храма удалились.

Эдипъ! швои бѣды опъ нынѣ прекратились.

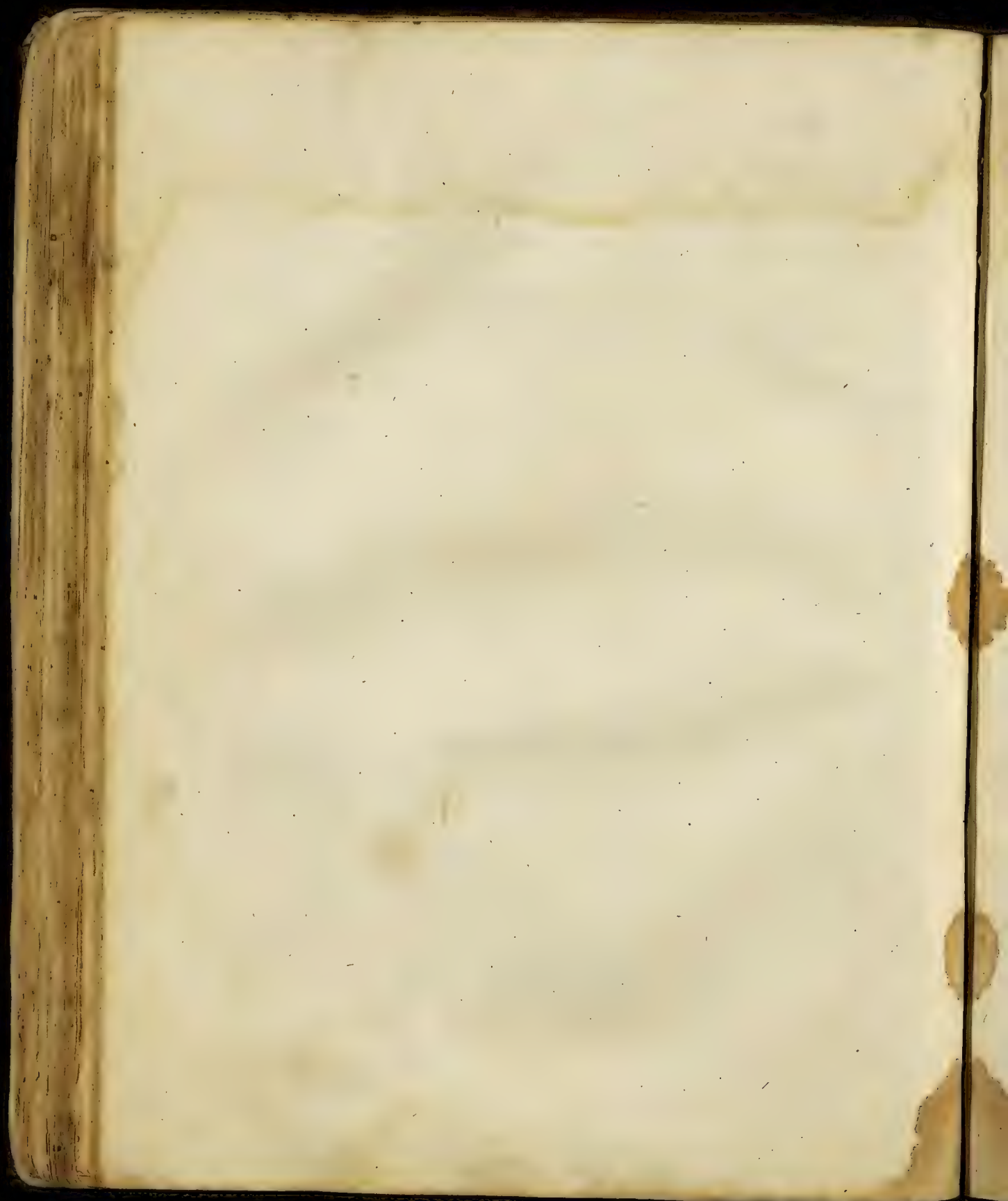
Но вы, цари, народъ, въ день научитесь сей,

Что боги въ благоспи и въ правдѣ къ намъ своей,

Невинность милуютъ, разкаянью прощаютъ,

И къ шренешу земли безбожниковъ караютъ.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

Ф И Н Г А Л Ъ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ,
СЪ ХОРАМИ И ПАНТОМИМНЫМИ БАЛЕТАМИ.

.....
Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ
придворномъ театрѣ декабря 8 дня, 1805 года.
.....

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ

ОЛЕНИНУ.

Съ совѣта твоего, Оленинъ, я рѣшился
Народовъ сѣверныхъ Ахилла описать,
И пышность зрѣлищу приличную придать.
Твоею дружбою гласъ слабый оживился,
И къ пѣснямъ Бардовъ я склонилъ прельщенный слухъ,
Что бы извлечь терты разительны, унылы,
Въ которыхъ Оссіанъ явилъ Фингаловъ духъ
Подъ строемъ звутныхъ арфъ, близъ отцеской могилы.
Ахъ! если бы, ему подобно, не умолкъ
И мой несмѣлый гласъ, нестройный, безъ искусства,
Сказалъ бы въ сердцахъ я, платя сей дружбы долгъ:
„Меня переживутъ мои сердечны чувства.“

Владиславъ Озеровъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

СТАРНЪ, царь Локлинскій - - - - Г. Шущеринъ.
МОИНА, дочь его - - - - - Г-жа Семенова.
ФИНГАЛЪ, царь Морвенскій - - - Г. Яковлевъ.
УМЛИНЪ, Бардъ Фингаловъ - - - Г. Самойловъ.
КОЛЛА, наперсникъ Старновъ - - Г. Шараповъ.
МОРНА, наперсница Моины - - - Г-жа Петрова.
ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЬ Оденовъ, - - Г. Рыкаловъ.
ДѢВА Локлинская - - - - - Г-жа Самойлова.
КАРИЛЛЪ, воинъ Старновъ - - - Г. Валберхъ.
ЖРЕЦЫ.
БАРДЫ или СКАЛДЫ Старновы.
БАРДЫ Фингаловы.
ВОИНЫ Локлинскіе.
ВОИНЫ Морвенскіе.
НАРОДЪ Локлинскій.
ДѢВЫ Локлинскія.

Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Локлинской.

Ф И Н Г А Л Ъ,

Т Р А Г Е Д І Я.

.....

Д Ъ Й С Т В І Е П Е Р В О Е.

*Театръ представляетъ палату, открытую сводами
въ садъ; въ дали видны на возвышеніяхъ храмъ Оденвъ
и холмъ могильный.*

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

МОИНА *сидящая*, МОРНА, УЛЛИНЪ, БАРДЫ и дѣвы
Локлинскія.

Хоръ Бардовъ и Локлинскихъ дѣвъ.

Какое сильно дарованье
Во власти, красота, швоей!
Сердецъ, умовъ очарованье;
Веселье пламенныхъ очей,
И нѣжныхъ душъ любовь, отрада,
Отъ швоего родится взгляда:

Одна изъ дѣвъ Локлинскихъ.

Цвѣши, о красота Моины,
Какъ въ утроду раннее, весной;
Цвѣшуть прелестныя долины
Благоуханной красотой.

Хоръ Бардовъ и дѣвъ.

Фингала сердце ты плѣнила,
И пишину намъ возвращила.

М О И Н А.

О дѣвъ и Бардовъ сонмъ! не славьте красоту,
 Сію обманчиву, прелестную мечту.
 Она, какъ слабый цвѣтъ, копорый украшаетъ
 Видъ ушренній пусынь, и въ полдень увядаетъ.
 Гордишься можно ли Моинъ красотою?
 Единымъ только духъ гордишься можешь мой,
 Единымъ.... О Улинъ! Фингаловъ Бардъ любимый,
 Ты, коего прислалъ сей вождь непобѣдимый,
 Во званьи мудраго и мирнаго посла,
 Возпой геройскія Фингаловы дѣла.
 Со дня, какъ мой опецъ, Локлинскихъ странъ владѣтель,
 Морвенскаго царя уважилъ добродѣтель,
 Вручить меня ему священный далъ обѣтъ,
 Желая я, Улинъ, что бы мнѣ цѣлый свѣтъ
 Въщаль, гласилъ, пвердилъ о имени Фингала,
 Чтوبъ слава лишь его Моину возхищала.
 Прими же арфу, Бардъ, возпламени свой духъ,
 И дщери Спарновой увеселяй ты слухъ.

У Л Л И Н Ъ.

Умолкни все въ странѣ подлунной,
 Чтوبъ гласы арфы златоспрункой
 По холмамъ дальнимъ пронеслись,
 Въ пусыняхъ гуломъ раздались,
 Пою Фингала дивны боп,
 Его забавы юныхъ дней,
 А вы, почившіе герои,
 Покрытые сырой землей,
 Возстаньте опъ могилъ безмолвныхъ,
 На высоцахъ явитесь холмныхъ.

ХОРЪ БАРДОВЪ.

Ударили въ мѣдный щипъ,
 Ко брани гласъ обыкновенный;

Во броню ратникъ облеченный
 Воинскимъ гнѣвомъ ужъ кипишь,
 Дубы столѣтніи загорѣлись,
 И шуми заревомъ одѣлись.

У Л Л И Н Ъ.

Встаеиъ Морвена вождь, Фингалъ,
 Оружье грозное приадеъ;
 Спрѣла въ колчанѣ роковая,
 На груди рдяна спала видна,
 Конье, какъ сосна вѣковая,
 И щипъ, какъ полная луна,
 Возсѣвшая надъ океаномъ,
 И вся подернуша шуманомъ.

ХОРЪ БАРДОВЪ.

Мелькаюиъ, сѣюиъся, падуиъ
 Враги предъ нимъ, какъ легки тѣни;
 Или какъ робкіе елени
 Опъ мещинельной руки бѣгунъ.
 И спала вкругъ его равнина,
 Какъ смерти мрачная долина.

У Л Л И Н Ъ.

Падуиъ, и не избѣгъ судьбинъ
 И ты Тоскаръ, о Спарновъ сынъ!
 Локлийскихъ чадъ, спѣла надежна!
 Закрала смерть твоя юный взоръ.
 Ты палъ въ поляхъ, какъ глыба снѣжна,
 Съ крушыхъ ошпоргнушая горъ.
 Паденья шумъ въ лѣсахъ раздался,
 Высокій холмъ поколебался.

МО И Н А, *встаетъ и прерываетъ*

пѣснь Уллина.

Какую смерть, о Бардъ, напоминаешь мнѣ?
 Тоскаръ, несчастный братъ, погибшій на войнѣ
 Фингаловымъ мечемъ, мнѣ споилъ слезъ довольно.

Ф И Н Г А Л Ъ,

У Л Л И Н Ъ.

Фингаломъ нанесенъ ударъ тебѣ невольно.

М О Р Н А.

Онъ прелестней твоихъ еще тогда не зналъ.

М О И Н А.

Конечно предо мной невиненъ въ томъ Фингалъ;
Случайность браней то, судьбы случайность гнѣвной.
Ахъ! еслибъ мой отецъ о смерти сей плачевной
Забылъ, утѣшился опъ времени возмогъ,
Была бы я тогда, была бы безъ преревогъ.
Но нѣтъ, ничто отца не развлекаетъ муки:
Ни Бардовъ пѣніе, ни арфъ согласны звуки,
Ни шумъ, возшоргъ пиршествъ и чаши круговой;
И мрачный духъ его, питаяся тоской,
Ни въ чемъ утѣхъ не зришь, ловишву забываетъ,
И гуловъ ловчихъ гласъ въ лѣсахъ не возбуждаетъ.
Ему въ молчаніи засѣли, какъ во мглѣ,
Уныніе въ душѣ и дума на челѣ...,
Но онъ идетъ: въ сей день спокоишь ли Моину?

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

СТАРНЪ, КОЛЛА и ПРЕЖНІЕ.

СТАРНЪ, Моинѣ.

О дочь! Фингалъ преплылъ чрезъ синихъ волнъ пучину;
Ладей его ни чемъ удержанъ не былъ бѣгъ,
И съ утренней зарей на нашъ вступилъ онъ брегъ.

Къ Уллину.

Уллинъ! Фингаловыхъ пѣвецъ сраженій дивныхъ,
Ты присланный ко мнѣ для предложеній мирныхъ,
Ты зрѣвшій здѣсь луной свершенныя при пути,

Къ Фингалу можешь ты во срѣшеніе иди.

Даетъ знакъ Бардамъ, чтобъ удалились.

А ты, о дочь! во храмъ будь шествовать гошова;

Сверши обязанность Фингалу данна слова.

Онъ пребожалъ, чтобъ я вручилъ тебя ему

Въ этотъ день, какъ взору онъ предстанетъ моему;

Къ неперпѣливости моей насталъ день нынѣ.

М О И Н А.

Въ сей самый день? Возторгъ! благодарю судьбинѣ.

С Т А Р Н Ъ.

Такъ ты Фингаловой опвѣстивуешь любви?

М О И Н А.

Ахъ! неизвѣстный огонь пролилъ въ моей крови

Со дня, мнѣ памятна, какъ вождь племя Морвена,

Намъ ужасомъ грозивъ иль смерти или плѣна,

Всѣ холмы, всѣ лѣса наполнивши войной,

Разсыпавъ рать свою, сей овладѣвъ страной,

Предсталъ передъ меня въ моемъ уединеніи.

Мгновенно сердца мнѣ прервалися бѣньи;

Какъ вепря дикаго его спрашила зрѣшь;

Отчаянна, блѣдна, желала умереть....

Но очи юношу прекраснаго узрѣли;

Хотѣла укорять.... ушла мои нѣмѣли.

Подъ шлемомъ видъ любви блисталъ въ его чертахъ,

Прешелъ къ моей душѣ и мой разсѣялъ страхъ.

Съ тѣхъ самыхъ дней мои Фингаломъ мысли полны.

Спокойствіе мое онъ уносилъ чрезъ волны,

Когда окончивъ брань, плѣненіе свое,

Оплылъ отъ сей страны въ отечество свое.

За нимъ желанія неслись неперпѣливы....

Настали наконецъ Мои дни счастливы!

Фингалъ предъ олшаремъ соединясь со мной,

Часть I.

Почтишь въ тебѣ отца, какъ сынъ нѣжнѣйшій швой....
 Но ты смущаешься, блѣднѣешь и пренѣешься;
 На дочь, вокругъ себя, ты взоры гнѣва мещешь,
 И вздохи горести швою спѣсняютъ грудь....

СТАРНЪ, по нѣкоторымъ молганіи и
 скрывая свою ярость.

Ахъ! нѣтъ.... безъ гнѣва я; спокойна духомъ будь!
 Какъ ты, я веселюсь Фингаловымъ приходомъ,
 И вскорѣ мой возпоргъ явился предъ народомъ;
 День оный можешь быть счастливейшій мнѣ день!
 Иди, чело свое покровами одѣнь.

МОИНА.

Твоей лишь радостью могу я быть спокойна.

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

СТАРНЪ и КОЛЛА.

СТАРНЪ.

О малодушная, дочь Старна недостойна!
 Злодѣя моего ты возлюбить могла,
 У коего въ плѣну глава моя была,
 И чье оружье кровь Тоскара проливало.
 Къ несчастью моему сего не доспавало!
 О Колла! ты, кѣмъ Старнъ былъ прежде въ славу зримъ,
 Сей счастливый отецъ, сей вождь непобѣдимъ,
 Ты зришь, ко гробу онъ склоняетъ жизнь позорну.

КОЛЛА.

Въ Моинѣ вижу дочь родителю покорну;
 Готова предстать ко брачному олтарю,
 Не сердце ли несть должна Морвенскому царю?

С Т А Р Н Ъ.

Но сердце, Колла, въ ней моею бьется кровью,
 Такъ можешь ли оно къ нему горѣть любовью?
 Нѣтъ! злобу, и вражду, и ненависть, и мечь,
 Вотъ все, что дочь должна во бракъ Фингалу несть.
 Когдабъ она меня достойной быть хотѣла,
 Проникнушь замысль мой она давнѣе умѣла;
 Умѣла бы узнать, что мой жестокий гнѣвъ
 Не радости врагу, готовишь смерти зѣвъ,
 Готовишь горести и всѣ мученья, казни,
 И всѣ терзанія свирѣпой неприязни.
 О пы, на облакахъ носящая тѣнь,
 Тѣнь сына моего! насталь, насталь потъ день,
 Въ который пы узрѣвъ надъ мрачною могилой
 Пролишу кровь врага, престанешь быть унылой.
 Тоскливая до днесь, отдохнешь въ тѣ часы,
 Какъ нива сохлая отъ майскія росы,
 И съ торжествомъ вступивъ въ могилу твоей родитель,
 Къ тебѣ придетъ, какъ паръ, во горнюю обитель.

К О Л Л А.

И вотъ обычная твоя со мною рѣчь!
 Не ищешь, Государь, ты горести развлечь.
 Два раза по лѣсамъ листъ хрупкій успиался,
 И дернъ ужъ двѣ весны на холмахъ обновлялся,
 Со дня, когда погибъ твой храбрый сынъ Тоскаръ,
 И ты забылъ печаль....

С Т А Р Н Ъ.

Печаль забылъ? сей даръ,
 Одинъ оставленный сердцамъ въ несчастной долѣ!
 Безъ грусти я бы жить не могъ на свѣтѣ болѣ.
 О Колла! безъ нее, съ того плачевна дня,
 Какъ сынъ въ бою погибъ, вокругъ Спарна, вокругъ меня

Безмолвнымъ, мертвымъ все казалось бы въ природѣ.
 Съ ней прелестъ нахожу я въ буряхъ, въ непогодѣ;
 Со мною говорятъ и въшровъ страшный ревъ,
 И моря грозный шумъ, и томный скрипъ деревь,
 Во всемъ мнѣ слышатся сыновнія стenanья.
 Я чувствую тогда стѣхъ камней содроганья,
 Подъ коими лежишь Тоскара хладный прахъ,
 И онъ мнѣ зрится самъ со блѣдносью въ чертахъ,
 На персяхъ тяжкую указываетъ рану,
 Опмщенія, гласишь, и казнь и смерть тирану,
 Котораго рукой намъ бѣдствія неслись.

За театрою слышанъ шумъ.

Но плески въ воздухъ народа раздались;
 Конечно къ симъ мѣстамъ царь шествуетъ Морвена.
 Иди во храмъ, къ жрецу великаго Одена,
 Передъ кумиромъ чѣмъ бракъ должно совершать:
 Скажи, чшобъ шель въ чертогъ со мною совѣщать.

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

СТАРНЪ, ФИНГАЛЪ, УЛЛИНЪ, Воины Фингала,
 Барды Старновы и Фингаловы, народъ Локлинскій.

Ф И Н Г А Л Ъ:

О мужественный Старнъ! ты зришь опять Фингала,
 Котораго предъ симъ лишь слава занимала,
 Котораго на брань кипѣла въ сердцѣ кровь,
 Котораго сюда ведешь теперь любовь,
 Любовь, души моей единственное чувство!
 Краснорѣчивымъ быль мнѣ чуждое искусство.
 Во станѣ возрожденъ, воспианъ на щитахъ,
 Мое искусство все, безспрашнымъ быль въ бояхъ.

И такъ, не жди, о Старнъ, чѣмъ изъяснилъ я нынѣ
 Признательность къ тебѣ, любовь мою къ Моинѣ:
 Кто сильно чувствуетъ, тотъ не теряетъ словъ.
 Но испышуй меня, скажи своихъ враговъ,
 Скажи, въ который край или отдаленну землю
 Идти сражаться мнѣ, — оружіе приемлю
 И спрахъ врагамъ: сей мечъ главы ихъ долженъ стерть.

СТАРНЪ, въ изступленіи.

Такъ, спрахъ моимъ врагамъ, имъ спрахъ и люта смерть.

Пришедъ еѣ себѣ.

Но въ сей ли день, Фингалъ, утѣхъ и возхищенья,
 Мнѣ называть враговъ, достойныхъ отмщенья,
 Виновниковъ моихъ пролитыхъ въ шайнѣ слезъ?
 Я видя здѣсь тебя, щедротой чщу небесъ;
 Рукою ихъ ко мнѣ ты присланъ въ утѣшенье,
 И пусть пренесть свѣтъ, зря наше примиренье.

Къ предстоящимъ Бардамъ.

Зовите дочь мою.... Вручивъ тебѣ ее,

Тѣмъ обѣщаніе исполню я мое.

Но, Государь, спраны законами различны,
 Къ обрядамъ отческимъ ошъ давнихъ лѣтъ привычны.
 Въ Морвенѣ божество Фингаловыхъ отцовъ
 Оставлено до днесь безъ храмовъ, безъ жрецовъ;
 Друидовъ изпребивъ, ихъ властью недовольны,
 Низвергли храмы вы на ихъ главы крамольны.
 Но здѣсь покоится во храмахъ божество,
 И клятвы мы предъ нимъ свершаемъ торжество.
 И такъ, я буду ждать ошъ храбраго Фингала,
 Чѣмъ въ храмъ дочь мою его рука прила.

ФИНГАЛЪ.

Не разсуждаю я, приличенъ ли кумиръ,
 И храмъ и жертвенникъ Тому, кто создалъ міръ;

Кому, какъ вѣчный храмъ, вселенная чудесна,
 Кому возстасть шѣсна и высота небесна?
 Чтобъ мыслью вознеспись къ сему міровъ Творцу,
 Не прибѣгаемъ мы къ друиду иль жрецу;
 Безъ нихъ, несемъ ему съ зарей, на холмъ красномъ,
 Сердца шоль чистыя, какъ день при небѣ ясномъ.
 Но храма швоего хочу я свяпость чтишь,
 Коль должно въ оный мнѣ съ Моиною вступить.
 Такъ, къ дочери швоей въ любви неизъясненной,
 Готовъ въ свидѣтели призвать боговъ вселенной.
 Хотя сberi во храмъ кумировъ всей земли,
 Ихъ всѣхъ жрецовъ, и мнѣ поклясться повели,
 Предъ всѣми ими шамъ, предъ небомъ и землею,
 Въ любви ручаюся я жизнию моею;
 Моинѣ жизнью сей пожертвовать готовъ.
 Но вошъ она.... Какихъ желаешь кляпвъ и словъ?
 Ахъ! взглядъ ея, луны полночныя свѣтлѣ,
 Для сердца въ вѣрности всѣхъ кляпвъ моихъ сильнѣе.

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

Прежніе, МОИНА, МОРНА и дѣвы Локлинскія.

С Т А Р Н Ъ.

Ушѣха Старнова, о дочь моя, приди,
 Съ Фингаломъ нашъ союзъ согласьемъ ушверди.
 Что бы въ швоей красѣ нашелъ родителъ средства,
 Изгладить на всегда съ души прошедши бѣдства.

М О И Н А.

Ты сердца моего чипалъ во глубинѣ,
 Сколь долженъ сей союзъ желашеленъ быть мнѣ.
 Ты знаешь, Государь, швоей причастна славы,

Въ союзъ вижу семь оплошъ швоей державы;
 Но что еще лестнѣй для сердца моего;
 Надежду вижу въ немъ покоя швоего.
 Коль на земли дано намъ счастья совершенство,
 Какое днесъ съ моимъ сравняется блаженство!

ФИНГАЛЪ.

Моина, ахъ! повѣрь, что счастья швоего
 Священнѣ имѣшь не буду ничего!
 Запечатлѣшь обѣщъ гошовъ моею кровью.

С Т А Р Н Ъ.

Я возхищаюся взаимной сей любовью.
 Чтوبъ ускоришь давно желанный мною часъ,
 На время въ сихъ мѣстахъ оставишь долженъ васъ.
 Во храмъ принеся моленіе обычно,
 Устрою празднество, тебѣ Фингалъ прилично.

Я В Л Е Н І Е Ш Е С Т О Е.

ФИНГАЛЪ, МОИНА, УЛЛИНЪ, МОРНА, БАРДЫ, ДѢВЫ
 и всѣ идвшіе въ предыдущемъ явленіи.

ФИНГАЛЪ.

О небо, доверши блаженство дней моихъ!
 Моина, повтори приятность словъ швоихъ;
 Скажи, что моему ты не прошився счастьемъ,
 Не оскорбляешься моею нѣжной страстью,
 Что ты довольна ей, что милъ тебѣ Фингалъ.
 Когда бы знала ты, какъ много я спрадалъ
 Со дня, какъ въ первый разъ твои красы увидѣлъ!...
 До полъ мыслю дикъ, любовь я ненавидѣлъ,
 Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ;
 Какъ спужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ сугровъ.

Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый.
 Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы,
 И огонь, палящій огонь проливъ въ моей крови,
 Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,
 Уныніе, тоску, опчаянье разлуки,
 И страхъ немилымъ быть, и ревности всѣ муки.
 Не ушоялся огонь въ прохладности ночей,
 И сонъ не могъ тебя скрыть отъ моихъ очей.
 Сей голосъ, коимъ ты со мною говорила,
 Твой тихій, свѣтлый взглядъ, твоя улыбка мила,
 Твое дыханіе и легкій шумъ шаговъ,
 Какъ вѣшній вѣтерокъ, журчащій межъ листовъ,
 И все, что ты, плѣня мое воображеніе,
 Въ разлукѣ множило любовное мученіе,
 Какъ нынѣ все, что ты, Фингала веселишь.
 Пусть счастье мое Моина подтвердишь.

М О И Н А.

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы,
 Мы возрастаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
 И столькожъ искренны, сколь искренна она.
 И такъ, о Государь, открышь тебѣ должна,
 Что съ перваго тебя я возлюбила взгляда.
 Къ герою спрась, души высокія опрада!
 Гордяся чувствомъ симъ и радуясь ему,
 Призналась въ томъ опцу, народу и всему,
 Что въ опческой странѣ чувствительности имѣешь,
 И праху матери, который въ гробъ плѣешь,
 Природѣ, словомъ, всей извѣстна спрась моя,
 О коей небесамъ сказать готова я.
 Повѣрь, Моина здѣсь не менѣ Фингала
 Терзалась мыслию, разлукою спрадала.
 Какъ часто съ береговъ или съ высокихъ горъ,

Я въ морѣ синее мой простираю взоръ!
Тамъ, каждый валъ въ дали, мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею;
Но шяжко опускась къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную поску.
Какъ часто въ шемну ночь, печальна и уныла,
Обманываешь себя я къ морю приходила;
Внимая шуму волнъ, біющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ немъ швой быспрый въ морѣ бѣгъ.
Ты прибылъ наконецъ, Фингалъ передъ Моиною,
Забывши грусть, любви я предаюсь единой.

Ф И Н Г А Л ъ.

Не столько звуки арфъ въ вечерній, тихій часъ,
Приятны при зарѣ, сколь швой приятень гласъ!
Сколь каждую рѣчь швою я нахожу прелестну,
Несущу радость мнѣ, до нынѣ неизвѣстну!
Но я блаженствую въ моей шеперь судьбѣ,
Не знаю чѣмъ и какъ воздашь могу тебѣ,
Которой долженъ я шolikoю ошрадой.

М О И Н А.

Люби лишь можетъ быть одна любовь наградой.
Люби меня, Фингалъ, и чувство то храни,
Въ родителѣ моемъ спокой, утѣшь меня.
Ты зрѣлъ, какъ очи въ немъ подъ брови углубленны,
Какъ всѣ черты лица печалью измѣненны,
И какъ чело его наморщила тоска,
Которую развлечь моя слаба рука.
Онъ не участвуетъ въ веселіи безвинномъ;
И стонешь, какъ волна при берегѣ пустынномъ.
Стараніемъ, Фингалъ, соединишь со мной,

Чтобъ прежній возвратить душѣ его покой,
 И сына нѣжнаго чтобъ замѣнить потерю.
 По симъ спараніямъ любовь твою измѣрю,
 И сердце раздѣливъ межъ Старна и тебя,
 Почту тогда, почту счастливою себя.

Ф И Н Г А Л Ъ.

Не ошибался я, судьба моя надежна.
 Супруга та вѣрна, которая дочь нѣжна,
 Священнымъ долгомъ чтишь родителей покой.
 Моина! мнѣ опцомъ родителъ будешь твой.
 Любовь моя внушитъ мнѣ нѣжныя спаранья,
 Чтобъ въ Старнѣ облегчить душевныя спаданья,
 Что бы тоску его снѣдающую развлечь,
 Чтобъ радости слезу изъ глазъ его извлечь,
 Чтобъ видѣть наконецъ намъ духъ его спокойнымъ,
 И мнѣ содѣлаться твоей любви достойнымъ.

Я В Л Е Н І Е С Е Д Ъ М О Е.

ПРЕЖНІЕ И БА Р Д Ъ СТАРНОВЪ.

Б А Р Д Ъ.

Морвенскія страны непобѣдимый царь!
 Ко браку твоему готовъ уже олтарь.
 На жертвенникъ огонь усердія пылаетъ,
 И мудрый Старнъ тебя съ Моиною ожидаетъ.

Ф И Н Г А Л Ъ.

Пойдемъ, любезная! Во храмъ счастье ждешь
 Чешу, которую любовь шуда ведетъ.

ХОРЪ БАРДОВЪ.

Иди во храмъ, чета прелестна,
Вънчай свою взаимну страсть.
Душамъ чувствительнымъ извѣстна
Та сладостна, счастлива часть,
Когда любовь въ сердцахъ пылаетъ,
И бракъ веселый страсть вънчаетъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

Д Ъ Й С Т В І Е В Т О Р О Е.

Театръ представляетъ внутренность храма Оденва, отверзтаго сверху; кумиръ божества поставленъ по-среди, предъ нимъ жертвенникъ курящійся. Чрезъ сводъ дикихъ камней видны холмъ могильный и палата перваго дѣйствія.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

СТАРНЪ, одинъ передъ кумиромъ.

О древне божество обширныхъ спранъ, полнощныхъ,
Надежда спраждущихъ, и сила, крѣпость мощныхъ,
Одень, котораго невидимой рукой
Природа держится, и кругъ вращаетъ свой!
Ты, воля коего быспрѣ въпровъ горныхъ,
И месъ мрачнѣ буръ, висящихъ въ тучахъ черныхъ,
На коихъ возлегла Тоскара грусна шѣнь!
Яви свой ярый гнѣвъ въ шоржесшвенный сей день.
Помощникомъ мнѣ будь къ погибели Фингала,
Котораго руи кумиръ швой потрясала,
Котораго мечемъ мой сынъ погибъ въ бою,
Чей хитрый взглядъ прельсшилъ дочь слабую мою,
И чрезъ кого я спалъ безъ чадъ моихъ, безъ чеспи,
Съ одною грустію, съ однимъ желаньемъ меспи,
На старости моей въ печальномъ сиротствѣ.
Мой врагъ передъ тебя явился въ шоржесшвъ;
Нашли на духъ боязнь, на мысль недоумѣнье,

Предзнаменующи могущаго паденье.
 Чшобъ онъ, какъ люшый звѣрь, спрашилище лѣсовъ,
 Гонимый ловчими, преслѣдованъ опъ псовъ,
 Въ разспавленную съшь спремился шоропливой,
 И веселисябъ Старнъ добычею счастливой.
 Внесу шогда, Оденъ, я въ капищѣ швое
 Его булашный мечъ, огромное кошье,
 И щипъ, и шлемъ, крыломъ орлинымъ осѣненной,
 И весь доспѣхъ его, что бы въщаль вселенной,
 Изъ рода въ поздній родъ, опъ вѣка въ дальній вѣкъ,
 Сколь слабъ передъ побой сильнѣйшій человекъ!
 Мечпавъ не знать себѣ въ величествѣ примѣра,
 Онъ палъ, и шри шага — его жилищу мѣра.

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

СТАРНЪ и КОЛЛА.

С Т А Р Н Ъ.

Благоприятну ли несешь мнѣ, Колла, вѣсть?
 Гопшовылъ воины мою исполнишь месць?
 Могуль надѣяться на ихъ неуспрашимость?

К О Л Л А.

Колеблеть, Государь, ихъ мысли нерѣшимость.
 Еще имъ памяшенъ неизъяснимый спрахъ,
 Который разсѣваль Фингаловъ мечъ въ бояхъ,
 Какъ цѣлые ряды имъ были низложенны,
 Иные ранены, другіе бывъ плѣненны,
 И всѣ въ Фингалъ зрящъ, какъ браней божество,
 Которому что бой, то ново торжество.
 Осмнадцать ратниковъ тебѣ, о Старнъ, послушны,
 Спрашашся прочіе....

Часть I.

С Т А Р Н Ъ.

Спрашашся? Малодушны!

Что сей Фингалъ до днесъ ни къмъ не побъжденъ,
 Безсмертнымъ развѣ онъ отъ матери рожденъ?
 Иль грудь его шверда, какъ камень древнихъ башенъ?
 Нѣшъ, нѣшъ, не долженъ бытъ, не можетъ бытъ пошъ
 спрашенъ,

Котораго прервать блестящій можетъ вѣкъ
 Кинжаломъ или мечемъ отважный человекъ;
 Который, такъ какъ мы, и времененъ и щещенъ,
 Который такъ же слабъ, который такъ же смертенъ.
 Фингаловы отцы, подобные мечшъ,
 Прешли и скрылися въ могильной темнотѣ.
 Проходяшъ роды всѣ, и возстающъ другіе,
 Какъ съ вѣтромъ по морю идутъ валы сѣдые,
 Иль какъ осенній листъ отъ древа опнесенъ,
 И листомъ по веснѣ зеленымъ замѣненъ.
 Подобно и мой родъ со мною пресѣчешся.

К О Л Л А.

Почто же мыслишь ты, что родъ съ тобой прервется,
 Родъ славный, сей страной владѣвшій столько лѣтъ?
 Онъ ушвердился вновь и снова процвѣстетъ.
 Имѣешь дочь еще....

С Т А Р Н Ъ.

Нѣшъ, Колла, не имѣю.

Моину дочерью не признаю моею,
 Коль въ сердцѣ ко врагу питаешъ нѣжну спрасшъ.
 Фингалъ мнѣ горести устроилъ полну часть,
 И окруживъ меня убійствомъ и прельщеньемъ,
 Мой домъ содѣлалъ мнѣ глухимъ уединеньемъ.
 Не остановится въ послѣдній жизни часть
 На дѣшяхъ мысль моя и умиленный глазъ,

И вознесенный холмъ надъ Спарновой могилой,
 Въвѣкъ будешь, такъ какъ я, безмолвный и унылой.
 Никто на гробъ ко мнѣ цвѣшовъ не принесетъ,
 И пушникъ знаковъ слезъ на камняхъ не найдетъ.
 Гробъ хладно молчаливъ умершихъ безъ семейства.
 Но я опмщу врагу за всѣ его злодѣйства.
 Фингаловой крови Тоскаровъ жаждетъ прахъ,
 Онъ на могилу ждетъ, и тамъ ждетъ плачь, ждетъ
 страхъ,

И ждетъ конецъ его мучителенъ, ужасенъ.
 Оденовъ жрецъ со мной во мщеніи согласенъ.

К О Л Л А.

Уже ли, Государь, во яроссти твоей
 Ты опъ обычаевъ страны опступишь сей?
 Госпеприимство здѣсь законъ всегда священный.
 Хотя къ намъ врагъ приди, чрезъ три дни угощенный,
 Какъ въ домъ собственномъ спокоенъ долженъ быть.
 Обычай древній сей кто можетъ преступить,
 Въ шоликомъ же у насъ позоръ и презрѣннй,
 Какъ воинъ боязливъ, бѣгушій во сраженнй.
 Госпеприимство ли, знакъ нравовъ чистоты,
 Во гнѣвѣ, Государь, нарушитъ хочешь ты?
 Ужель не посвяшишь прехъ дней на угощенье?
 Помомъ ужъ можешь ты свое исполнить мщенье.

С Т А Р Н Ъ.

Что, Колла, говоришь? Что бы три дни я ждалъ?
 Чтобъ зрѣнемъ врага еще три дни спрадалъ?
 Чтобъ съединившись съ нимъ несчастная Моина,
 Въ домъ Спарновъ привела врага на мѣсто сына?
 И жажду мщенія могуль шайшь! Едва
 Не измѣняютъ мнѣ мои къ нему слова.
 Не опвѣчаю я, чтобъ могъ скривашься долъ.

Чрезъ при дни смерть его въ моей не будетъ воля.
 Пускай винашъ меня народъ и цѣлый свѣтъ!
 Какъ мершвъ безъ сына бывъ, мнѣ нужды въ ономъ нѣтъ.
 Надежда опомстись и муки зрѣшь Фингала,
 Одна жизнь Спарнову до нынѣ подкрѣпляла.
 Надеждой сей дышалъ, для мести только жилъ,
 И хочешь, чѣмъ я смерть Фингала опложилъ!
 Чѣмъ случай потерялъ для сохраненья славы!
 Померкни блескъ вѣнца и честь моей державы,
 Погибни вся спрана, пускай погибну самъ,
 Лишь бы мой врагъ погибъ, палъ мершвъ къ моимъ
 ногамъ;

Лишь на челѣбъ его я зрѣлъ погасшу смѣлость,
 Глубокихъ язвъ болѣзнь и смерти цѣпенѣлость,
 И къ радости моей чѣмъ я слышать могъ,
 Изъ устъ шрепещущихъ шопъ тяжкій, томный вздохъ,
 За коимъ для него придетъ молчанье вѣчно.
 Но раздастся шумъ.... Фингалъ идетъ конечно.
 Еще притворствовашъ, еще вражду шаишь,
 Лишь взоромъ избирать то мѣсто, гдѣ разить,
 Чѣмъ ни одинъ ударъ не проносился мимо....
 Для ярости моей притворство нестерпимо!

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е .

СТАРНЪ, ФИНГАЛЪ, МОИНА, МОРНА, КОЛЛА, ПЕРВО-
СВЯЩЕННИКЪ, ЖРЕЦЫ, БАРДЫ Фингаловы и СТАР-
НОВЫ, ВОИНЫ ОБОИХЪ ЦАРЕЙ И НАРОДЪ ЛОКЛИНСКІЙ.

Ф И Н Г А Л Ъ .

Доволенъ ли ты, Старнъ, покорностью моей?
Во храмъ предстою по волѣ я швоей,
Во храмъ, коего опцы мои чуждались.

Указывая на кулиры.

Такъ, симъ богамъ швоимъ они не поклонялись;
Но я и сихъ боговъ хочу шеперь призвать.
Познай чрезъ то, тебѣ какъ мысля угождашь,
И сколь желаю я, что бы отецъ Моины,
Раздора прежняго забывъ, дежъ насъ причины,
Въ преданности моей увѣренъ нынѣ былъ;
Чтобъ къ сердцу своему Фингалу пущь открылъ;
Былъ мною на всегда утѣшенъ, успокоенъ;
Чтобъ сына именемъ я былъ имъ удостоенъ.

СТАРНЪ, съ притворною радостію.

О ты, Комгаловъ сынъ! на старости моей,
Ко утѣшенію моихъ послѣднихъ дней,
Когда оспалась мнѣ единая Моина,
То какъ тебя въ сей день мнѣ не признашь за сына?
Не помышляю я о дѣшяхъ никогда,
Чтобъ о тебѣ, Фингалъ, не помышлялъ всегда.
Ты думы моя давно уже предметомъ;
Давно желаетъ Старнъ явишь предъ цѣлымъ свѣшомъ
Тѣ чувствія, къ тебѣ которыя хранишь,
И прежній нашъ раздоръ какъ мною позабышь.

Къ Жрецамъ.

Служители боговъ, возпойте пѣснь священну
 Предвѣчному творцу, великому Одну.
 Пусь именемъ его верховный храма жрецъ,
 Благословишь союзъ сихъ искреннихъ сердецъ.
 Ничто предъ божеснвомъ цари съ ихъ властью мощной!
 Какъ огонь, носящійся надъ шундрой полунощной,
 Ихъ блескъ мечпашеленъ, ихъ замыслы какъ дымъ,
 Стремящійся изъ горнъ и бурей разносимъ.
 Передъ Фингаломъ я обѣщъ мой исполняю,
 Но подтвержденія Одена ожидаю.

Хоръ Жрецовъ.

Властитель неба и земли,
 О ты! единый, вѣчный, сильный,
 Источникъ благъ обильный,
 Воззванью нашему внемли.

Свѣшилаи лазурь украсилъ ты небесну,
 Что бы свою премудрость доказать;
 И въ знакъ щедрости, любовь и красоту прелестну
 Благоволилъ на землю низпослать.

Соедини союзомъ пѣжнымъ
 Сію любезную чету,
 И мирныхъ дней ихъ долгошу
 Исполни счастьемъ безмятежнымъ.

Въ продолженіи пѣнія юноши и дѣвы Локлинскія составляють балетъ; приносятъ вѣнцы и цѣпи изъ цвѣтовъ, украшаютъ Моину и Фингала, и ведутъ ихъ къ жертвеннику передъ кумиръ Оденовъ.

Фингалъ.

Одѣнь, Локлинцевъ богъ! коль нынѣ въ первый разъ
 Ты Каледонина во храмъ слышишь гласъ

Не удивись тому.... ты божество Моины.
Предъ жертвенникомъ ждешь она своей судьбины.
Хочу тебя призвать, хочу тебя почтить,
И въ пламенной любви клянясь ей вѣрнымъ бышь,
Сихъ кляшвъ хочу имѣть свидѣлемъ Одена.
Мнѣ будь свидѣлемъ и ты, племень Морвена,
Ощевъ Фингаловыхъ, могуще божество!
Ты, коего весь міръ являетъ существо,
Но смертные умомъ кого не постигаютъ,
Кого именовать успа мои не знаютъ!
Ты, исполняющій вселенную собой,
И въ храмъ чуждомъ семъ обѣтъ услышишь мой.
Когда Моинины любовью полны взгляды,
Не будутъ находить въ глазахъ моихъ опрады,
Когда не будутъ зрѣть въ нихъ страстнаго огня,
Которымъ днесъ горю, то накажи меня.
Что бы руки моей исчезла дивна сила,
Котора страхъ врагамъ въ сраженьяхъ наносила,
И твердость, мужество Фингаловой души,
Какъ быліе долинъ во цвѣтѣхъ изсуши.
Чтобъ бесполезный царь, противъ любви безчестенъ,
Влачилъ я мрачну жизнь и умеръ безъизвѣстенъ;
Чтобъ въ пѣсняхъ Бардовъ я въ попомствѣ не гремѣлъ,
Въ дому моихъ опцовъ чтобъ щитъ мой не висѣлъ,
И мечъ, мой щещный мечъ, прищупленный и ржавый,
Былъ въ дебри выброшенъ, какъ мечъ царей безъ славы.
Жрецы, народъ, и ты, о мудрый Старнъ! въ сей часъ
Свидѣтелями кляшвъ я посылаю васъ.

М О И Н А .

А я клянуся здѣсь....

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЬ.

Остановись царица!

Тѣнь брата твоего, являясь въ тучахъ гнѣвна,
Черезъ меня прешить объѣтъ произноситъ;

Указывая на Фингала.

И ты супругою ему не можешь бытьъ.

Ф И Н Г А Л Ъ.

Не можешь бытьъ?

М О И Н А.

О рокъ!

С Т А Р Н Ъ, *съ стороны.*

Рѣшительно мгновенно!

Ф И Н Г А Л Ъ.

О ты, коварный жрецъ! Какое дерзновенье
Ты принялъ на себя? Что бы умершихъ гласъ
Опъ горнихъ слышать мѣстъ, смущать здѣсь онимъ
насъ.

Оставь всѣ хитрости, жрецовъ обычны свойства,
И въ гробъ сущаго не нарушай спокойства.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЪ.

Ты лучше самъ почти умершаго покой.
Пронзивъ Тоскару грудь свирѣною рукой,
Сиюль сестрѣ его ты предлагаешь руку?
Или и въ гробъ ему пренести ты хочешь муку?
Нѣтъ, прежде ты къ его могилѣ поснѣши,
Опдай тамъ праху долгъ и призну соверши,
Попишися съ тѣнію Тоскара примиришися:
Тогда лишь можешь ты съ Мойной съединишися.

Ф И Н Г А Л Ъ.

Съ терпѣньемъ слушалъ я твою лукаву рѣчь.
Ты мыслишь ею здѣсь раздоръ опять возжечь,
Напоминаешь намъ объ участи Тоскара.
Такъ, въ полѣ онъ погибъ опъ моего удара,
Но не измѣною: онъ палъ, какъ вождь, герой.

Межъ нами смерти споръ рѣшилъ кровавый бой,
 И подвергался я его ударамъ равнымъ.
 Коль жизнь вѣнчаетъ вождь концемъ шолико славнымъ,
 Коль за отечество онъ можетъ умереть,
 Не будетъ тѣнь его о жизни сожалѣть,
 Не будетъ въ облакахъ ни гнѣвна, ни смущенна.
 Могила храбраго отечеству священна,
 И старцы на нее должны сыновъ водить,
 Чинобъ въ юныхъ ихъ сердцахъ геройство возбудить.
 Но чуждо для жрецовъ высокое толь чувство,
 Раздоръ возпламеняетъ ихъ главное искусство.

Указывая на Моинцъ.

Ты не успѣешь въ помѣть.... Прими ея объѣтъ,
 И совершай свой долгъ.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЪ.

Не принимаю, нѣтъ.

Когда Тоскаровъ прахъ почтить не хочешь нынѣ,
 Супругомъ быть тебѣ не лзя тогда Моинѣ.
 Одена именемъ я запрещаю ей
 Надеждъ и любви ошвѣщствовать швоей,
 И симъ же именемъ я Старна разрѣшаю
 Отъ слова даннаго. Я зрю, что прогнѣвляю
 Твой гордый духъ,.... иду отъ гнѣва швоего.

ФИНГАЛЬ.

Остановише вы, о воины, его!

С Т А Р Н Ъ.

Иль ты пришелъ во храмъ надъ святошью ругаться?

ФИНГАЛЬ.

Иль за крамольнаго Старнъ можешь здѣсь вступаться?

С Т А Р Н Ъ.

Почти, Фингаль, почти его священный санъ.

Ф И Н Г А Л Ъ,

ФИНГАЛЪ.

Къ сплешеньюль хипросстей ему былъ онъ данъ?

С Т А Р Н Ъ.

Онъ данъ ему на то, чѣмъ слышать гласъ небесный,
Чѣмъ онъ возвѣщать.

ФИНГАЛЪ.

Какой сей даръ чудесный!

И какъ предъ нами онъ небесный слышалъ гласъ,

Кошорому никто не могъ внимать изъ насъ!

Чѣмъ въ вашемъ храмѣ я, мнѣ должноль лицемѣрить?

С Т А Р Н Ъ.

Ты вѣрь ему иль нѣтъ, но мы привыкли вѣрить.

И дочери моей не опдаю тебѣ,

Когда прошивенъ бракъ разгнѣванной судьбѣ.

ФИНГАЛЪ.

Чѣмъ слышу?

М О И Н А.

Небеса!

К О Л Л А, тихо Старну.

Себѣ ты измѣняешь.

ФИНГАЛЪ.

Меняль....

С Т А Р Н Ъ, съ притворною ласкою.

Почто, Фингалъ, почто не поспѣшаешь

Союзу нашему препяшство отвратить,

Одена и судьбу съ симъ бракомъ примирить,

И возвратишь покой Тоскара шѣни гнѣвной?

Съ какимъ веселіемъ и радостью душевной,

На холмѣ смерти я Фингала буду зрѣть!

ФИНГАЛЪ.

Тыбъ долженъ былъ меня въ душѣ своей презрѣть,

Когдабъ увидѣлъ здѣсь шоліко малодушнымъ,

Что бы твоимъ жрецамъ я сдѣлся послушнымъ,
Что бы ихъ гласъ считалъ за гласъ самихъ боговъ.
Тоскара гробъ почишь ябъ былъ, о Снарнъ! гошовъ,
Но какъ союзникъ твой, но какъ супругъ Моины;
И долгъ сей совершить имѣлъ бы я причины.
Что волей сдѣлалъ бы, неволей никогда.

С Т А Р Н Ъ.

Почтожъ, о гордый вождь! ты прибылъ къ намъ сюда?

Ф И Н Г А Л Ъ.

Ты прежде дай опвѣсть, почто надеждой льстивой
Ты вызвалъ по морямъ мой бѣгъ неперпвливой?
Когда чрезъ Барда я союзъ сей предложилъ,
Почто условій мнѣ своихъ не объявилъ?
Я въ правѣ отъ тебя пошребовашъ опвѣста.

С Т А Р Н Ъ.

Царь, равнымъ мнѣ царямъ я не даю опчета.

Ф И Н Г А Л Ъ.

Царь, измѣняешь ли ты слову своему?
Когда не вѣришь намъ, то вѣришь ли кому?

С Т А Р Н Ъ.

Фингалъ! теряется уже мое терпѣнье.

Ф И Н Г А Л Ъ.

О Снарнъ! угрозы мнѣ я чшу за оскорбленье.

С Т А Р Н Ъ.

Ты въ обласяхъ моихъ.

Ф И Н Г А Л Ъ.

Я здѣсь не въ первый разъ.

М О И Н А.

Фингалъ! остановись, и мой услыши гласъ,
Коль можешь мнѣ внимашъ духъ гнѣвомъ разпаленный.
Опять ли видѣшь мнѣ раздоръ возобновленный
Межъ тѣми, коихъ я дороже чшу всего?

Опять опечесства увижуль моего
 Пожарны заревы и быстры шоки крови?
 Гдѣ увѣренія, Фингалъ, швоей любви?
 Давноль еще предъ симъ ты лесью спрасныхъ словъ
 Моину увѣрялъ, что облегчитъ готовъ
 Въ родителѣ ея сердечны огорченъ?
 Тѣ спрасныя слова забылъ въ своемъ киченъ!
 Забылъ, духъ вспылчивый, ошъ яроспи смущенъ,
 Что долженъ мой ошецъ Фингалу быть священъ,
 Ты жизнию хотѣлъ пожертвовать Моинъ,
 И самолюбіемъ не жершвуешь мнѣ нынѣ.

Ф И Н Г А Л ь.

Ужель въ волненіи сего несчастна дня,
 И ты, жестокая, и ты противъ меня?
 Ты знаешь, сколь чужда моя душа припворства.
 Но не довольно ли уже явилъ покорства,
 Когда въ противный храмъ предсталъ съ щобою я?
 Во храмъ сей пагубный вела любовь моя.

М О И Н А.

Сію любовь свою ты докажи мнѣ болѣ,
 И Старновой въ сей часъ ты повинуйсь волѣ,
 Иди на брашній холмъ, обряды соверши,
 Яви величество швоей, Фингалъ, души.
 Моя рука въ сей день наградой снисхожденью.

Ф И Н Г А Л ь.

Меня ли привести ты хочешь къ униженью?

М О И Н А.

Несправедливый другъ! въ любви къ тебѣ моей,
 Могуль не дорожить я честію швоей?
 Когда былъ милымъ шощъ, ктобышь возмогъ безчестенъ?
 Ты храбростію своей въ лѣпахъ молодыхъ извѣстенъ,
 И кто подумаетъ, что бы Фингалъ въ сей день,

Былъ робостью ведомъ починишь Тоскара шѣнь.

По нѣкоторомъ молчаніи.

Жестокой, ты молчишь и взоры пошупляешь.
Я слышу швой опказъ, хопя не отвѣчаешь,
И узнаю теперь, и поздно, и сшеня,
Что ты обманывалъ и не любилъ меня,
Что издѣвался здѣсь ты надъ моею спрастью.
Оставь меня, бѣги, предай меня несчастью,
Межъ нами положи обширности морей.
Ты возмутишь пришелъ моихъ спокойство дней,
Ты погубилъ меня. Я не снесу разлуки,
И вскорѣ, вскорѣ смерть мои окончишь муки;
Она съ спокойствіемъ Моину примиришь,
И съ сердца видъ сопрепъ, меня прельстившій видъ.

Ф И Н Г А Л Ъ.

О, какъ души моей ты слабости узнала!
И какъ, жестокая, терзаешь ты Фингала!
Могу ли безъ тебя быть счастливъ на земли?
Надгробно празднество готовишь повели,
О Старнъ! Оденъ, жрецы, ихъ гласъ, швой угрозы,
Безсильны надо мной; ея лишь сильны слѣзы,
Ея любви одной я предаюся весь.

М О И Н А.

Премѣна счастлива!

С Т А Р Н Ъ, тихо Коллѣ.

Я торжествую днесъ.

Къ Моинѣ.

О дочь, принесшая родителю отраду,
Получишь вскорѣ ты достойную награду,
И чувствіямъ швоимъ готовлю я покой.

Къ Коллѣ.

Иди на грустный холмъ и торжество устрой.

Часть I.

Къ Фингалу.

А мы, Фингалъ, союзъ чѣмъ ускорить счастливый,
Чѣмъ наконецъ возмогъ мой взоръ неперпѣливый
Тебя на холмѣ зрѣшь, къ могилѣ поспѣшимъ.

*Хочетъ его вести, но при видѣ воиновъ
Фингаловыхъ останавливается.*

За нами ли иди сѣмъ воинамъ швоимъ?
Иноплеменники обрядовъ нашихъ чужды,
Ихъ любопытный духъ....

Ф И Н Г А Л Ъ.

Мнѣ въ нихъ не будетъ нужды.
Къ чертогу царскому они пускай идутъ,
И возвращенія вождя ихъ тамо ждуть.

Воины Фингаловы уходятъ.

С Т А Р Н Ъ.

Въ сторону.

Къ Фингалу.

Пусть щещно ждуть!... Фингалъ, пойдемъ къ могилѣ
сына.

Ф И Н Г А Л Ъ.

Приди со мной, приди, любезная Моина!

С Т А Р Н Ъ.

Ахъ! нѣтъ, чувствительный ея не долженъ взгляды
Зрѣшь смерти празднество, надгробный зрѣшь обрядъ;
Печальна для нее могила будетъ брата.
Въ семъ храмѣ пусть она ждетъ нашего возврата.

Ф И Н Г А Л Ъ.

И такъ, опять съ тобой я разспяюсь теперь!
Моина, страсть мою послушностью измѣрь.

*Старикъ и Фингалъ уходятъ, за ними
слѣдуютъ всѣ предстолящіе во храмѣ.*

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

МОИНА и МОРНА.

МОРНА, *по нѣкоторомѣ молчаніи.*

Виновица въ сей день намъ прочнаго покоя,
 Ты, удержавшая стремленіе героя,
 За коимъ, можешь быть, для нашей страны
 Возобновились бы злосчастія войны,
 Когда все льспишь тебѣ, когда ты шоржествуешь,
 Когда швѣи вѣренъ бракъ, на что ты негодуешь?
 Почто веселію свой духъ не предаешь?
 Хранишь молчаніе, вздыхаешь, слезы льешь?
 Иль новыхъ бѣдъ какихъ еще намъ ждешь?

МОИНА.

Не знаю.

Неволю грущу и слезы проливаю.
 Предчувствуй томное мнѣ нѣкія бѣды,
 Или въ крови моей оставило слѣды
 Въ семъ храмѣ бывшее несчастное волненіе?
 Иль можешь быть обрядъ и призны совершеніе,
 Напоминающе всему конецъ и смерть,
 По сердцу моему могло печаль простерть.
 Увы! не смѣю я еще ласкаться бракомъ;
 Чась будущій судьба опъ насъ сокрыла мракомъ.
 Кто знаетъ, счастливъ ли онъ намъ опредѣленъ?
 Сей вѣрный, Морна, бракъ еще не совершенъ.
 Еще я не зовусь супругою Фингала,
 Еще союзъ не швердъ. Уже я изпытала,
 Какъ вѣрностью надеждъ не лзя ласкаться намъ.
 Когда веселая съ Фингадомъ шла во храмъ,
 Моглабъ предвидѣть я, что нашъ обрядъ вѣнчальный

Премънишся въ обрядъ надгробный и печальный?
 Что вмѣсто храма, гробъ, жреца на мѣсто, пѣнь,
 Къ союзу нашему представляется въ сей день?
 Кто, Морна, вѣдаетъ мнѣ рокъ опредѣленный?
 Но шумъ.... всступаютъ въ храмъ.... Уллинъ идешь смущенный,
 Боязнь въ его чертахъ....

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

Прежніе и Уллинъ.

У л л и н ъ.

Царевна, гдѣ Фингалъ?

М О И Н А.

Ко гробу братнему съ царемъ онъ путь приялъ,
 И, можешь быть, теперь уже надъ мрачнымъ холмомъ.

У л л и н ъ.

Но воиновъ своихъ сопровожденъ ли сонмомъ?

М О И Н А.

Одинъ пошелъ;... но что?...

У л л и н ъ.

О горесть! о бѣда!

Онъ гибнешъ, можешь быть; бѣгу къ нему туда.

М О И Н А.

Поспой, Уллинъ, поспой. Чѣмъ сполько ты смущаемъ,
 И гибелью Фингалъ какою угрожаемъ?

У л л и н ъ.

Твой яростный отецъ, презрѣвъ и долгъ и честь,
 И все, что на земли священное ни есть,
 Быль можешь, въ сей же часъ Фингала умерщвляетъ,
 И смерть Тоскарову измѣной опомщаетъ.

М О И Н А.

Не вѣрь, Уллинъ, не вѣрь: сего не можешь быть.
Измѣноюль цари обиды будущъ мстишь?

У Л Л И Н Ъ.

Едва повѣришь могъ.... Но свободенный плѣна,
Карилъ, со мной сюда приплывшій изъ Морвена,
Сей храбрый воинъ вашъ, котораго Фингалъ
Любилъ опважный духъ и въ плѣнѣ опличалъ,
Остановилъ меня, когда въ веселомъ ходѣ
Ко храму съ торжествомъ за вами шелъ въ народъ.
Онъ все повѣдалъ мнѣ, и способъ чѣмъ найши
Локлинскія сироты падушу честь спасти,
Онъ самъ въ числѣ убійцъ.... Еще ли усумнишься?
Но медлю здѣсь, бѣгу на холмъ.

М О И Н А.

Куда стремишься,
И что прошивъ убійцъ предпримешь ты одинъ?
Сонмъ воевъ у чершогъ. Спаси царя, Уллинъ.

Уллинъ поспѣшно уходитъ.

Увы! несчастная, и я на холмъ послала,
И, можешь быть, на смерть любезнаго Фингала.
Остановленный бракъ, смятеніе жреца,
Веселье мрачное жестокаго опца,
Когда Фингалъ идти согласенъ былъ ко гробу,
Все Старнову явить могло мнѣ скрытну злобу,
И ничего, увы! не зрѣлъ мой страшный взоръ.
О Морна! поспѣшимъ предупредишь позоръ.
Когдажъ не отвращу измѣну полъ поносну,
У самыхъ ногъ опца окончу жизнь несносну.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

Д Ъ Й С Т В І Е Т Р Е Т І Е.

Театръ представляетъ дикій лѣсъ съ разсѣянными ка-
мнями. Посреди холмъ, подъ коимъ погребенъ Тоскаръ.
Гробница по обычаю ознатена четырьмя большими ка-
мнями по угламъ. На холмъ посажено дерево, на ко-
торомъ виситъ щитъ, метъ и стрѣлы погребеннаго
царевита. У дерева жертвенникъ воздвигнутъ изъ камней.
Въ отдаленіи видно море, и на берегу онаго храмъ

Одезовъ.

Вукичъ

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

*явление первое*СТАРНЪ, ФИНГАЛЪ, КОЛЛА и БАРДЫ *Старновы.*СТАРНЪ, остановясь съ Фингаломъ
у холма.

Фингалъ, ты видишь холмъ, подъ коимъ скрытъ Тоскаръ,
Подъ коимъ сына прахъ, — швоей руки мнѣ даръ.
На холмъ мрачномъ семъ, на камняхъ сихъ надгробныхъ,
Провель печеніе я дней моихъ прискорбныхъ,
И устро каждое, и каждый вечеръ дня
Встрѣчали въ роцѣ сей спенящаго меня.
Тоскара грустна тѣнь со мною здѣсь спонала;
Она тебя, Фингалъ, къ могилѣ призывала
Отъ странъ твоихъ опцовъ, изъ-за пучинъ морей,
Тѣнь сына! опдохни отъ горести швоей,
И болѣ не скорби Фингаловой побѣдой.

Упѣшишь вскорѣ онъ тебя своей бесѣдой:
И радость принесешь онъ сердцу моему.

ФИНГАЛЪ, обращаясь къ холму.

О храбрый юноша! миръ праху твоему.
Въ твоихъ молодыхъ лѣтахъ, ты былъ примѣромъ воевъ,
И смертию кончилъ жизнь, достойною героевъ.
Съ почтеніемъ на холмъ взираю я въ сей часъ.
Ахъ! миръ, миръ храброму еще единый разъ.

Къ Старцу.

Я горести твоей, о мудрый Старецъ! повѣрю.
Въ немъ сдѣлалъ ты, народъ, чувствительну потерю,
Которую судьба ни чѣмъ не замѣнишь.
Осважный сынъ царевъ, отечественный щизъ:
На немъ основано народное спокойство.
Я самъ сражаясь чтилъ Тоскарово геройство,
Я прослезился самъ о юношѣ твоемъ,
Когда въ бою погибъ подъ роковымъ мечемъ,
Когда, какъ твердый дубъ, опъ бури преломленный,
Онъ палъ, и возшумѣлъ сонмъ воевъ удивленный.

Къ Бардамъ.

Возпойте, Барды, пѣснь Тоскару въ похвалу.
Гласъ мудраго пѣвца могилъ проходишь мглу,
Тѣнь храбрыхъ веселишь и предаешь въ потомство
Согласной звучностью ихъ доблесть и геройство.

*Фингалъ садится на камень по одну
сторону театра, а Старецъ по другую.
Барды подходятъ къ холму и поютъ
хоромъ безъ оркестра.*

ХОРЪ БАРДОВЪ.

Надежда бывшая сихъ спранъ,
Опъ насъ взятый судьбою гнѣвной!

Ты былъ своимъ народамъ данъ,
 Какъ въ мѣсяцъ зимній лучъ полдневной.
 Блеснувъ, на часъ, ты вдругъ исчезъ,
 И сталъ предметомъ нашихъ слезъ.

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

ТѢЖЕ и Служитель Старновъ, несущій чашу пиршествъ.

К О Л Л А.

Для изліянія по волѣ, Старнъ, швоей,
 Изъ соповъ пчельныхъ медъ несется въ чашѣ сей.

С Т А Р Н Ъ.

Внеси на холмъ, пославъ на жершвенникъ могильный,
 Тамъ примиренія прольется шокъ обильный.
 Когда возметъ Фингалъ шамъ чашу празднества,
 Ты, Колла, знакъ подай къ свершенью торжества.

*Колла, принявъ чашу отъ принесшаго,
 идетъ съ оною на холмъ.*

Х О Р Ъ Б А Р Д О В Ъ.

Во мракъ шучь какъ грозный громъ,
 Ты не носись въ спранахъ воздушныхъ;
 Но преселися въ горній домъ
 Твоихъ опцевъ великодушныхъ,
 Сѣдящихъ въ радужныхъ кругахъ,
 Съ спокойствомъ свѣплымъ на челахъ.

Ф И Н Г А Л Ъ.

Нѣтъ, гласамъ никогда надгробнымъ я не внимлю,
 Чѣмъ мысль не возвращалъ въ отеческую землю,
 Гдѣ возвышенный рядъ родительскихъ могилъ
 Служилъ изсточникомъ моихъ душевныхъ силъ;
 Гдѣ часто при зарѣ, надъ молчаливымъ холмомъ,

Подъ облачной грядой, бесѣдовалъ я съ сонмомъ
 Почіющихъ опцевъ.... Казалось гласъ взывалъ,
 Кошорый мужество мнѣ въ душу проливалъ.
 Унылы высоты шеперь осшались холмны,
 И тѣни въ облакахъ печальны и безмолвны,
 Съ вечерней пищиной, при уклоненъи дня,
 По холмамъ спранствуюшъ, искавъ вопще меня.
 Я удалился васъ, и оныхъ мѣспъ священныхъ,
 За волны шумныя, въ спрану иноплеменныхъ,
 Куда меня влекла могущая любовь.
 Но вы не съшуйше, она и вашу кровь,
 Въ весенній возрастъ дней, какъ огонь, возпламеняла;
 Улыбка красоты и васъ равно плѣняла.
 Вы были счастливы; но я!...

Впадаетъ въ задумчивость.

СТАРНЪ, *тихо Коллѣ.*

Еще ли ждашъ?

Въ немъ духъ унылъ: намъ знакъ не въ сей ли часъ подашъ?

К О Л Л А.

Доколѣ, государь, свой мечъ Фингалъ имѣетъ,
 Противущашъ никто изъ воиновъ не смѣетъ.

СТАРНЪ, *Коллѣ.*

Я способенъ найду его меча лишить.

Къ Фингалу.

Не время ли, Фингалъ, намъ къ играмъ приступить,
 Почтитъ сраженіемъ умершаго героя?

Отборны воины готовы здѣсь для боя.

Но что бы большее въ нихъ мужество возжечь,

Наградой лестною имъ предложи свой мечъ.

Пощащатся воины бытъ онаго достойны.

ФИНГАЛЪ.

Надъ гробомъ храбраго, сраженія пристойны;
 Оспрадою и въ жизнь ихъ почиталъ швой сынъ.
 Я побѣдидеямъ не только мечъ одинъ,
 Но и мой звучный рогъ наградою предлагаю.
 Познай, о Старнъ, какъ прахъ Тоскара почитаю.

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

Прежніе и осьмнадцать воиновъ Старновыхъ во всеоружіи выходятъ изъ за холма, и проходя мимо могилы Тоскаровой, преклоняютъ оружія. Между ими идетъ Кариллъ. Потомъ изображаютъ они сраженіе, въ которомъ Кариллъ и другой воинъ, оставшись побѣдителями надъ противниками, сражаются между собою. Кариллъ обезоруживаетъ своего противника и оба являютъ предъ Старномъ, который подводитъ ихъ къ Фингалу для полученія назначеннаго награжденія.

С Т А Р Н Ъ.

Фингалъ, какъ судія, какъ славный самъ боецъ,
 Ты награди теперь отважность ихъ сердецъ.
 Сему принадлежишь швой рогъ далеко звучный,
 А сей, предъ прочими въ бою благополучный,
 Пусть приметъ славный мечъ отъ рукъ, Фингалъ,
 швоихъ.

ФИНГАЛЪ, къ воину отдавая свой рогъ.
 Прими мой рогъ.... Всегда онъ воиновъ моихъ
 Къ сраженьямъ призывалъ, и призывалъ ко славъ.
 Къ Кариллу.
 А ты, искуснѣйшій изъ всѣхъ, который въ правѣ

Носить Фингаловъ мечъ.... Что вижу я? Карилъ!
 Тыль мужесшвомъ въ бою награду заслужилъ?
 Въ опиважности твоей увѣренъ былъ и прежде.
 Возьми мечъ, опившисшуй ты всегда моей надеждѣ.
 Но ты колеблешься и не берешь его....
 Смущенье на челѣ зрю духа твоего....
 Что значитъ то?

СТАРНЪ, поспѣшно взявъ Фингаловъ
 мечъ, къ Карилу.

Почто безмолвнымъ остаешься?
 Иль недостойнымъ ты награды признаешься?
 Въ полголоса.

Прими, бѣги и скрой страхъ слабыя души.
 Къ Фингалу.

Иди, Фингалъ, на холмъ и приизну доверши.
 Фингалъ возходитъ на холмъ и беретъ
 ташу, поставленную на жертвенникѣ.
 Въ сіе самое время ударяютъ въ щитъ.

ФИНГАЛЪ.

Я слышу браней гласъ!

СТАРНЪ.

И смерть тебѣ злодѣю!

ВОИНЫ, цспремляются къ холму.

Умри, Фингалъ!

ФИНГАЛЪ, бросаѣ ташу.

И я оружья не имѣю!

Увидѣвъ вислицъ на деревѣ мечъ, сры-
 ваетъ оный.

Тоскаровъ вижу мечъ, защищою мнѣ будь!

СТАРНЪ, остановившійся соинами.

Чего робѣете? врага пронзайте грудь!

ФИНГАЛЪ.

Лишь шагъ, и будешь Спарнъ моею первой жертвой.

С Т А Р Н Ъ.

Не бойшися угрозы, пускай паду я мертвой,

Лишь кровію его спокойно сына прахъ.

ФИНГАЛЪ.

Кто смѣешь приступить?

В О И Н Ы, *устремляются еще разъ.*

Умри!

С Т А Р Н Ъ.

Разите!

К О Л Л А.

Спрахъ!

Фингала воиновъ сюда ведетъ Моина.

Воины удаляются къ сторонѣ Спарна.

С Т А Р Н Ъ.

О ярость! не могу я отомстить за сына.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ПРЕЖНІЕ, МОИНА, УЛЛИНЪ и Воины Фингала.

ФИНГАЛЪ, *бросается къ Моинѣ.*

Моина! нынѣ жизнь твоей любви мнѣ даръ!

М О И Н А.

О радость! я могла тошъ опклонить ударъ,

Который наднесла невольно на Фингала!

Тебя на холмъ пославъ, на смерть я посылала.

Но если счастливо спасенъ ты нынѣ мной,

Останетсяль отецъ виновнымъ предъ тобой?

ФИНГАЛЬ.

Достоинъ твой отецъ.... Но не окончу слова.
Взирай, страдаетъ какъ его душа сурова!
Но не раскааньемъ сія душа полна:
Опмщеньемъ, злобою терзается она.

С Т А Р Н Ъ.

Ты наконецъ позналъ мои сердечны чувства!

ФИНГАЛЬ.

Познай и ты щещу коварнаго искусства.
Въ разсваденну мнѣ сѣишь ты самъ, о Спарнѣ, упалъ,
И саномъ возвышенъ, ты сердцемъ столько малъ,
Что нынѣ жизнь твоя отъ рукъ моихъ зависишь.

С Т А Р Н Ъ.

Здѣсь жизнь.... отъ рукъ твоихъ?... Фингалъ легко
то мыслишь.

ФИНГАЛЬ.

Моими войсками отъ всюду окруженъ,
По слову одному ты можешь быть сраженъ,
И ты, и ратники, служители лукавства:
Всѣ могутъ казнь принять достойную коварства.
По справедливости измѣну наказавъ,
Предъ всей твоей спраной, предъ свѣтомъ буду правъ.
Но безоружнаго разишь одинъ безчестный:
Съ моими мыслями поступокъ несовмѣстный!
Сколь сердцу Спарнову всегда приятна мечь,
Мнѣ столько же всегда священна будешь честь.
Обиды отъ враговъ свирѣный отомщаетъ,
Духъ крошкѣ ихъ просишь, великій забываетъ.
Ты мстилъ, забуду я; вопъ разность между насъ!
Ты плѣнникомъ моимъ уже одинъ былъ разъ;
Теперь въ моихъ рукахъ; но будь опять свободенъ!
Миръ искренній со мной когда тебѣ не сроденъ,

Позволь ты дочери моей супругой быть,
И съ нею поспѣшу отъ сей земли отплыть.

М О И Н А.

Какъ можешь рѣчь къ отцу столь обращаешь жестоку?

Ф И Н Г А Л ь.

Бышь твердымъ надлежишь, какъ говоришь пороку.

С Т А Р Н ь, по нѣкоторомъ молчаніи.

Сердечны чувства и мой свирѣпый нравъ
Въ сей самый день, Фингалъ, въ несчастный день познавъ,
Ты хочешь, чтобъ я дочь тебѣ вручилъ супругой!
Ты можешь требовать? Скажи, какой заслугой
Ты право получилъ? Или мой плѣнъ, позоръ?
Иль лучше, на сей холмъ ты обрати свой взоръ,
На холмъ, воздвигнутый тобой сраженну сыну,
Союза объяви мнѣ право и причину.
Печаль мою, и нравъ, и мщеніе порочь,
И докажи отцу, что долженъ нынѣ дочь
На самомъ холмѣ семъ, надъ прахомъ здѣсь сыновнимъ,
Тебѣ въ супруги дасть согласіемъ виновнымъ.
Нѣтъ, нѣтъ, Фингалъ! межъ насъ несбыточенъ союзъ.
Озмщеніе!... другихъ мнѣ нѣтъ съ тобою узъ.
Мнѣ бракъ предлогомъ былъ, но смерть швоя желаньемъ;
Дарить тебя хотѣлъ не дочерью,.... спраданьемъ.
Не храмъ, готовилъ гробъ; не брачныхъ свѣтъ огней,
Но блескъ, но грозный блескъ убійственныхъ мечей.
Хотѣлъ, что бы погибъ ты смертію бесчестной,
И не моей рукой, рукою неизвѣстной;
Чтобы къ спраданію по смерти ты возлегъ
На тучи хладныя, носящи градъ и снѣгъ;
Хотѣлъ, чтобъ ты вкусилъ въ тѣ смертныя минуны,
Всѣ долговременны мои мученья люты.

Оденъ, судьба и дочь, мнѣ измѣнило все;
Не измѣнишь теперь опчаянье мое.

Вынимаетъ изъ пояса кинжалъ и стрелится на Фингала. Моина, прильтившая движенье его руки, бросается спасти Фингала.

М О И Н А.

Что дѣлаешь, отецъ?

С Т А Р Н Ъ.

Еще ль останавливаешь?

Поражаетъ ее кинжаломъ.

Несчастливая! умри, коль долгу измѣняешь;
И пусть со мною здѣсь погибнешъ весь мой родъ.

Закалается.

Ф И Н Г А Л Ъ, *хочетъ устремиться на Старна, и воины Фингала за нимъ такъ же устремляются.*

Злодѣй!

М О И Н А.

Постой, Фингалъ! остановись народъ!
Мой горестный отецъ самъ нынѣ гнѣва жертва.
Къ Фингалу.

О радость! за тебя я упадаю мертва.

Ф И Н Г А Л Ъ.

Увы! она прешла.... Неистовый отецъ!

С Т А Р Н Ъ.

Ты страждешь горестью! И шакъ, я наконецъ
Доволенъ.... опомщенъ.... и счастливъ умираю....

Колла относитъ его на камень.

Ф И Н Г А Л Ъ.

Моины нѣтъ! увы! я съ нею все теряю.
О злополучіе! о горестный ударъ!

И я живу еще?... И жизнь Моины даръ!
 Сей злополучный даръ виной ея кончины!
 И я живу еще? Жить долженъ безъ Моины!
 И всякій день въ мечтахъ ее я буду звать!
 И будешь всякій день мнѣ сердце отвѣчать,
 Что я лишенъ ее, оспался на мученье.
 Мнѣ ждешь ли, чтобъ судьба прервала дней печенье;
 Когда къ спрдаданію даны мнѣ грустные дни?
 Прерву....

*Вырываетъ изъ рукъ Уллина мечъ и
 хочетъ заколоться.*

УЛЛИНЪ, останавливаетъ руку Фингала.
 Фингалъ! тебѣль принадлежатъ они?

Ты царь, съ народами священнымъ узломъ связанъ,
 Для подданныхъ твоихъ ты жизнь хранишь обязанъ.
 Разсудка, должності днесъ гласу ты внимли.

ФИНГАЛЪ.

Увы! жестокий долгъ! Мой другъ, изъ сей земли
 Ты извлеки мѣня, изъ сей земли плачевной;
 Но въ облегченіе моей шоски душевной,-

Указывая на тѣло Моины.

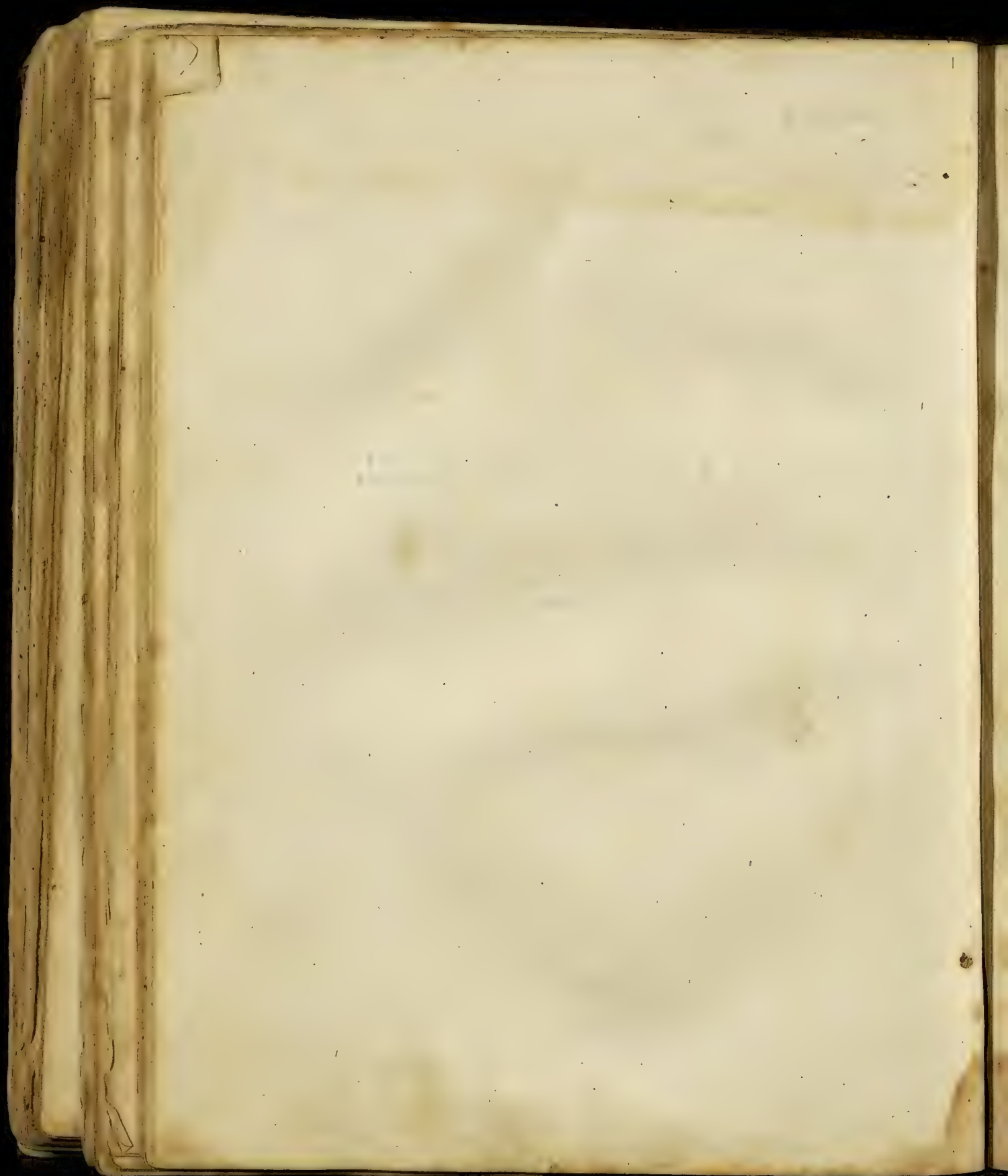
Возьми ты сей предметъ, что бы я каждый день
 Изъ гроба воззывать Моины легку шѣнь.

*Въ отчаяніи упадаетъ къ Уллину; воины
 подходятъ къ тѣлу Моины; занавѣсъ
 опускается.*

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

О Д А

НА СМЕРТЬ ЕКАТЕРИНЫ II.

(Сочинена въ 1796 году).

По что у олшарей священныхъ,
Россіяне, я вижу васъ
Унылыхъ, блѣдныхъ и смущенныхъ?
Мольбы смиренной прерванъ гласъ.
Отъ вздоховъ тяжкихъ, кои внемлю,
Вы повергаешесь на землю,
И горькихъ слезъ лѣше шокъ!
Но щещны клики всѣ плачевны;
И небеса къ Россіи гнѣвны
Свершили намъ ударъ жестокъ.

*

*

*

Средь свѣтлаго царей чертога
Возникла вѣсть, росшеть, лешить;
За нею въ слѣдъ бѣжитъ тревога,
И скорбью лица всѣ мрачить.
Спустилась ночь на градъ престольный,
И страхъ сугубишся невольный,
И въ часъ полночи всѣ безъ сна.
Народъ, волнуемый какъ море,
Спрямясь къ чертогамъ вопишь: горе!
Гдѣ, гдѣ Великая жена?

*

*

*

Прѣшла!... О, страшный гласъ! Какъ громы
 Звучащи въ дебряхъ между горъ,
 Несется онъ со спогоновъ въ дома,
 Разишь и градъ, какъ царскій дворъ.
 И се несущимъ скорбь полешомъ,
 Ужасна вѣсть парить надъ свѣшомъ,
 Велишь вселенной повторять
 „Ужель на вѣкъ сомкнула очи
 „Царица сильна полуночи,
 „Россiянъ храбрыхъ нѣжна мать!“

*

*

*

И шамъ, у врагъ злыхъхъ востока,
 Отколь природы всей краса,
 Оставля дно морей глубоко
 Въ лазурны всходишь небеса,
 Всѣ опивающъ слезны взоры.
 На что, гласяшь, намъ блескъ Авроры!
 Пустъ насъ покроетъ вѣчна тѣнь!
 О солнце, возвратись въ пучину!
 Повергла смерть Екатерину;
 Земля не нуженъ болѣ день.

*

*

*

Ахъ! должноль освѣщать вселенну
 Во времена грозы небесъ?
 Европу зрѣшь окровавленну
 И въ шокахъ отражаться слезъ?
 Всѣ Галліи смятеньемъ полны,
 Съ Бриганіей воюющъ волны,
 Германію скрываетъ дымъ:
 Мечи убійства всюду блещутъ,

И въ страхъ гибели пренешутъ
Ишалія и древній Римъ.

*

*

*

Народъ возсталъ на всѣ народы,
И бѣдъ своихъ изпочникъ самъ,
На разрушеніе природы
Воздвигнутъ хочешь славы храмъ.
Но храмъ на шрупахъ соруженный,
Рѣкой кровавой окруженный,
Разсыплется какъ пѣльнъ и прахъ.
Несчастны шѣ, хощя и громки,
Которыхъ имена въ потомки
Пренесшъ должны позоръ и страхъ.

*

*

*

Не такъ о дняхъ Екатерины
Народы вспоминать должны.
Вошще вставали исполины,
Грозя намъ ужасомъ войны,
Сарматы, Готфы, Мусульмане,
Вошще — И Росскіе граждане
Не устрашались дальнихъ шучь;
И въ мирѣ пахари счастливы
Сбирали жизнь съ златистой нивы:
Сіяль надъ всѣми крошкѣй лучъ.

*

*

*

Одной рукой колебля шроны
Зломъ дышущихъ на насъ враговъ,
Другою создала законы
Для счастія своихъ сыновъ.

Зря мудрые ея успавы,
 Подъ сладку сѣнь ея державы,
 Народы дальнихъ странъ текли;
 И числы дѣвы Геликона
 Къ подножію Фелицы прона
 Вѣнцы лавровые несли.

*

* *

Но лавры, генія награды,
 Способны громы отражать;
 А смерть разитъ сквозь всѣ преграды, —
 И ею пала Россовъ мать,
 И пали изъ ея десницы
 Бразды имперской колесницы,
 И возспеналъ ея народъ!
 Но раздалися въ горнихъ трески,
 Явились молній часты блески,
 Лазоревой раскрылся сводъ.

*

* *

Тамъ въ ясной высотѣ ефира
 Сліянъ изъ звѣздъ сіяетъ пронъ;
 На немъ Творецъ покоясь міра,
 Вселенныя хранитъ законъ;
 Предъ нимъ стоятъ глубоки чаши,
 Куда втекаютъ слезы наши,
 Въ мольбахъ усердныхъ къ небесамъ.
 Господь Россіи зря печали,
 Изрекъ — и смертные внимали
 Его опраднымъ словесамъ.

*

* *

„Умѣрь печаль, народъ избранный,
„Съ тобою я, съ тобою Богъ;
„И Царь, моею щедротой данный,
„Возвысишь твоей могучій рогъ.
„Другой вѣнецъ Екатеринъ,
„Другой престола гощюлю нынѣ;
„Царей лишь небу награждать.
„Монархи крошки, правосудны;
„Свершивъ державства подвигъ трудный,
„Должны въ созвѣздіяхъ блистать.

*

*

*

„Враги твои да устрашася
„Твоею надеждою въ скорби зря;
„И силы Русскихъ утвердятся
„Подъ скиннромъ мудраго Царя.“
Богъ рекъ — перуны засверкали;
Имъ дальни горы отвѣчали,
Печали скрылась мрачна тѣнь;
Взыграли волны въ спящемъ понѣ,
Заря блеснула въ горизонтѣ,
Возсталъ для Россовъ новый день.

II.

О Д А

НА ВОЖДЕЛЕННѢЙШЕЕ ВОЗШЕСТВІЕ ИМПЕРА-
ТОРА АЛЕКСАНДРА I, НА ПРЕСТОЛѢ ВСЕРОС-
СІЙСКОМЪ.

Россія помна и уныла
Возстань съ пренесущихъ колѣнъ!
Речешъ небесный гласъ и сила:
Будь крѣпче адамантовыхъ стѣнъ!
Да узришь духъ твой оживленный,
Что въ радость излилась вселенной
Изъ лона Божія весна.
Сложи ты вѣщища печальны,
Въ одежды облекись вѣнчальны,
Какъ благолѣпная жена.

*

*

*

Теките быстро рѣчны воды,
Несите въ глубину морей
Тѣ слезы, лили что народы
У освященныхъ олтарей.
Спремися въ вѣчность ты подобно,
О время! для Европы злобно,
И надъ шобой, чтобъ скорбь скончашь,
Просперлась мрачна ночь, безлунна,
Дверь заключилась чугуна,
Забвенья вѣчнаго печашь.

*

*

*

Когда злодѣйствами народы
Правдивы раздражатъ судьбы,
Чтобъ усмирить земные роды,
Горящи въ небесахъ сполбы
Являясь въ ночь надъ мрачнымъ боромъ,
Грозятъ имъ голодомъ, бранью, моромъ;
Смятенный возпрепещетъ міръ.
Но небо внявъ мольбы, рыданья,
Прерветъ зловѣщія сіянья,
И радугой блеснетъ въ эфиръ.

*

* * *

Такъ свѣтлой радугой завѣшной,
Предстала нынѣ намъ весна,
Когда десницею безсмертной
Въ Европѣ кончилась война,
И вмѣстѣ съ миромъ вождельнымъ,
Мы Александра возведеннымъ
Увидѣли на Россій пронѣ.
Такъ послѣ бурной непогоды,
Съ полуночи въ морскія воды
Блестящій свѣшилъ Оріонъ.

*

* * *

Зря Александра на престолѣ
Не дрогни Гангесъ и Евфратъ;
Спокойно ушучняйше поле,
Плоды умножа во сто кратъ.
Нашъ Александръ геройствомъ равенъ
Тому царю, который славенъ
Побѣдою Индійскихъ водъ.

Но бранный духъ, какъ огонь пожара,

Часть I.

Судьбы намъ шлютъ въ часъ гнѣва яра!
Нашъ Царь намъ данъ во дни щедротъ.

* * *

О Россѣ! спремися съ возхищеньемъ
Мольбы свои принесть во храмъ,
И возкури съ благодареньемъ
Безцѣнный сердца фиміамъ.
Тобою Александръ желанный,
Къ блаженству Россю Богомъ данный,
Душей и именемъ герой,
Превращеніе прекрати судьбины,
По сердцу внукъ Екатерины,
По образу онъ геній твой.

III.

О Д А

ГАВРИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ,
на случай полученія имъ ордена св. Анны.

Сей духъ, которымъ ты Державинъ,
Паришь превыше облаковъ,
И Пиндару въ возпоргъ равенъ,
Спокойно внемля прескъ громовъ,
Рукой отважною и смѣлой
Небесный сводъ колебля цѣлой,
Срываешь солнцы съ древнихъ мѣстъ,
Безвѣстные міры разстроя,
Что бы для Росскаго героя
Вънецъ сліялъ изъ свѣшлыхъ звѣздъ.

* * *

Сей духъ, кошорымъ ты геройство
Пожарскаго цѣнишь возмогъ,
Даетъ тебѣ и славно свойство
Стирать неправды гордый рогъ.
Сѣдай межъ судіей высокихъ,
Гдѣ въ думахъ тайныхъ и глубокихъ
Свершаются судьбы людей,
На лица не взирая сильныхъ,
Въ рѣчахъ твоихъ ошь чувству обильныхъ,
Гремишь ты истиной своей.

*

*

*

Тебяль вельможей горделивыхъ
Власъ временная устрашитъ?
Для ихъ спрасей несправедливыхъ
Опустишь ли ты правды щипъ?
Нѣтъ, нѣтъ, ты вѣдаешь, что Епины
Далеко ужасомъ примѣшны,
И устрашающи моря
Падушъ съ вершиною отважной
Во глубину стихій влажной:
Ихъ огонь погаснетъ, какъ заря.

*

*

*

И какъ древа многовѣшвышны
Земныя царства упадушъ!
Атланта рамена кремнишны
Не вѣчно небо подопрушъ;
И солнца съ ихъ осей сорвущся,
Блуждая въ бездну понесущся,
Вселенную покроетъ мгла:
Но шолько въ вышнѣ эфира,

*

Еще среди развалинъ міра,
Пребудешь истина свѣшла.

*

* *

Монархомъ щедрымъ, справедливымъ,
Вознагражденъ духъ нынѣ швой.
Возпоргомъ обновленъ счастливымъ,
Неправду понирай пятой,
Что бы облекшись въ разны виды,
Не смѣла въ храмъ вступать Фемиды,
И мудрыхъ шягошишь совѣтъ.
Но въ дни свободны и спокойны,
Бряцай на лирѣ гимны стройны,
Которыми плѣняешь свѣтъ.

IV.

ПЕРЕВОДЪ СТИХОВЪ РАСИНА,
изъ трагедіи: Эсфирь.

Я нечестивца зрѣлъ землей боготвореннымъ.
Какъ крѣпкій, горный кедръ, челомъ онъ дерзновеннымъ
Надменность возносилъ до высоты небесъ;
Онъ грома похищаль безбожною рукою,
И подавлялъ враговъ широкою пятою.
Прошекъ я мимо, — онъ исчезъ.

V.

ПЕРЕВОДЪ СТИХОВЪ РАСИНА,
изъ трагедіи: Афалія.

Гора Синайская, позднѣйшимъ временамъ
Предай Израилемъ день празднуемый нынѣ,
Когда Господь явился самъ
На огненной своей вершинѣ;
Когда Его небесной славы лучъ
Предъ взоромъ смертнаго блеснулъ изъ мрачныхъ тучъ.
Повѣдай намъ, почто сей огонь и молній блески,
Столпъ дымный, звуки трубъ, ужасный гласъ громовъ,
И воздухъ разсѣкавши прески?
Въ сей день низшелъ ли Саваофъ,
Спихи стройныя въ хаосъ опять низринуть?
Или вселенную со древней оси сдвинуть?
Ахъ, нѣтъ! онъ низходилъ, чѣмъ смертныхъ озарить
Закона мудраго святымъ и вѣчнымъ свѣтомъ,
Постановить единственнымъ завѣтомъ,
Чѣмъ искренной душой намъ въ вѣкъ его любить.

VI.

ГИМНЪ БОГУ ЛЮБВИ.

О богъ любви, душа вселенной!
 Ты огнь во льдахъ, ты въ мракъ свѣтъ;
 Тобою смертный оживленной,
 Течешь въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

*

Вошше, какъ брегу яры воды,
 Такъ разрушенъ намъ грозитъ;
 Отъ измощенія природы
 Благій законъ швой мѣръ хранишь.

*

Вошше духъ алчности и злобы
 Стремится въ наши времена
 Преобразишь всѣ царствы въ гробы
 И поглотить всѣ племена.

*

По бороздамъ опустошенъ,
 Гдѣ духъ вражды лилъ страхъ и кровь,
 Ты разливаешь наслажденья
 И населяешь землю вновь.

*

Вошше вошель спавишь, пвердый
 И пышный столпъ своихъ побѣдъ;
 Рукою Кронъ немилосердый
 Сопретъ столпа послѣдній слѣдъ.

*

Вошше и ты свои злодѣйства
Мечтаешь въ тайнѣ скрытъ, пиранъ;
Кронъ мракъ сорвешъ и съ тайнѣ семейспва,
Какъ въпры рвушъ съ морей шуманъ.

*

Безъ дѣлъ премудрыхъ, благородныхъ,
Чесъь наша насъ не преживешъ,
И лишъ въ проклятіяхъ народныхъ
Тирановъ имя перейдешъ.

*

Не скроешъ имя и гробница;
Нероновъ прахъ кланешъ весь свѣтъ;
Ты матери своей убійца,
Тебѣ и днесъ покоя нѣтъ!

*

Блаженъ владыка, кто не страхомъ,
Любовью правишъ свой народъ;
Благословеніе надъ прахомъ
Ему возшлетъ позднѣйшій родъ.

*

О богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, пы въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смершный оживленной
Течешъ въ свой пушъ чрезъ волны бѣдъ.

VII.

РАЗСЧЕТЛИВАЯ ПАСТУШКА.

Не знавшая любви, ни власти, ни закона,
Не знавшая овецъ изправно перечесть,
Филлида нѣкогда ошъ спрашнаго Дамона
За поцалуй одинъ взяла овечекъ шесть.

*

На завтра ставъ милѣй Филлидину сердечку,
Счастливей Дамонъ въ своемъ промѣнѣ былъ:
Пастушкѣ далъ одну сиропинку овечку,
И поцалуевъ шесть съ Филлиды получилъ.

*

На завтра къ пастуху пастушка по нѣжнѣ,
Со всею другой разсчесть съ Дамонемъ повела:
Чтобъ привязать его къ себѣ еще сильнѣ,
За каждый поцалуй ему овцу дала.

*

На завтра же, увѣ! Филлида бы охотно
Свой посохъ опдала, собаку и овецъ,
За поцалуй одинъ, которыми безсчетно
Лизешу спалъ дарить невѣрный ей бѣглець.

VIII.

Б а с н я.

ОСЕЛЬ И СОБАЧКА.

Не будемъ во преки способностямъ природнымъ
Искашь несвойственныхъ намъ къ счастью путей.

Природа не равно щедрела людей:

Одинъ родился въ свѣтъ къ художествамъ свободнымъ;

Другой къ простому ремеслу.

Пусть каждый съ долею своею остается,

И онъ не ошибется,

Какъ-то случилось Ослу.

Однимъ хозяевамъ съ помѣщицей большою;

Съ Собачкою Осель служилъ.

Сравнивъ ея судьбу съ своею онъ судьбою;

Въ лукавый часъ не ловко разсудилъ.

За что Собачка такъ мила всему здѣсь дому?

Съ тарелки кушаютъ ей, изъ чашки пить даютъ;

А мнѣ лишь жалуютъ овсяную солому;

И въ барыши меня за службу только бьютъ.

Когда на заднія Собачка ножки станешь

И лапочку хозяину протянешъ,

Хозяинъ такъ ей радъ, беретъ ее съ собой;

Когдажъ хозяйошку она лизнетъ разочикъ,

Хозяйка сахарцу ей удѣлитъ кусочикъ;

А сахаръ нынче дорогой!

Собачка ласпишся, вотъ шумъ и вся причина.

Такъ выберу веселый день,

И приласкаюсь самъ: улучишся судьбина;

Пойдешь и мнѣ тогда ячмень,

И можешь быть мою понѣжаешь лѣнь.

Въ сей мысли, крайне безполковой,
 Завидѣвъ изъ дали хозяина съ обновой,
 Оселъ бѣжитъ, и передъ нимъ
 Спавъ дыбомъ, онъ ему кладетъ тяжелу ногу
 На правое плечо; горланьемъ же своимъ
 На весь наводитъ дворъ и пущую тревогу.
 Хозяинъ закричалъ: что сдѣлалось съ шобой?
 Какая ласка и пошѣха!
 Иль спалъ ты скошъ ужъ прямо круговой?
 Гей! дайше плешь сюда для смѣха.
 Явилась плешь; Оселъ перемѣнилъ напѣвъ,
 И отшагалъ смиренно въ хлѣвъ.

IX.

Б А С Н Я.

ВОЛКИ И ОВЦЫ.

У племяни Волковъ и племяни Овецъ
 Велась война чрезъ тысячныя лѣта.
 Соскучившись они, рѣшились наконецъ
 Миръ вѣчный заключить не собиравъ совѣта,
 По обстоятельству чѣмъ время не терять,
 Сошлись вожди, велѣли написать
 На гербовыхъ листахъ подробны договоры,
 И приложить большую къ нимъ печать,
 И по обряду размѣнять.
 При томъ еще, что бы впередъ у нихъ не вышло ссоры,
 Одни для вѣрности въ закладъ
 Волчонковъ отдали, своихъ любезныхъ чадъ;
 А Овцы сущи простофили,
 Въ залоги отпустили

Собакъ, своихъ друзей
И старыхъ сторожей,
Которые, какъ миръ дѣла окончили рашны,
Остались праздны и зашаташны.
И такъ, во всемъ краю наспала пишина,
Свобода рѣзвая на пажитяхъ видна;
Ужъ Волки на Овецъ вдали лишь скаляшъ зубы
И пасшухи Волковъ не ходяшъ бишъ на шубы;
Казалось, что сошелъ на землю вѣкъ злобой.
Волчонки между шѣмъ повыросли машеры,
Въ умѣ у нихъ одинъ разбой,
И стали какъ опцы прямые живодеры.
Лишь только пасшуховъ спустили со двора,
Сии залогі кляшвѣ и договоровъ мирныхъ;
Какъ съ словомъ, намъ домой пора,
Напали на ягняшъ: на лучшенькихъ, на жирныхъ;
И пасшю ихъ мчашъ подъ шѣнь глухихъ лѣсовъ.
Тамъ Волчій весь народъ приняшъ ихъ былъ гошовъ.
Собаки лишь о томъ не знавъ, и безъ печали
Надѣявшись на миръ, спокойно почивали,
(Гдѣ нѣшъ заботъ, тамъ крѣпокъ сонъ)
И Волки ихъ опнюдъ не разбудили,
А подведя сильнѣйшаго законъ,
Ихъ просто сонныхъ задавили.
Безъ устали, друзья, пойдѣмъ войной на злыхъ!
Залогі пагубны и ложны кляшвы ихъ.
Когда тамъ миръ бываетъ прочнымъ,
Который заключенъ съ безсовѣстно-порочнымъ?

СТИХИ В. В. КАПНИСТА КЪ АВТОРУ ЭДИПА.

Эдипа видѣлъ я,.... и чувство состраданья
По днесъ въ разпороганной душѣ моей хранишь
Гонимаго слѣща прискорбный, томный видъ.
Еще мнѣ слышатся несчастнаго стenanья,
И жалобы его, и грозный клятвы гласъ,
Что ужасомъ мой духъ встревоженный потрясъ,
Еще въ ухахъ моихъ печальной Аншигоны
Унылый длился вопль и раздаются стоны.
Три крашы солнца лучъ скрывала мрачна ночь,
А я все живо зрю, какъ нѣжду, скорбну дочь,
Дрожащею рукой отецъ благословляетъ,
И небо, кажется, надъ нею преклоняетъ.
Благодарю тебѣ, чувствительный пѣвецъ!
Въ душѣ твоей сыскавъ волшебный ключъ сердецъ,
И жалость возбуждая къ чешѣ гонимой рокомъ,
Ты далъ почувствовать оспраднымъ слезъ попокомъ,
Который изъ очей всѣхъ зришелей извлекъ,
Что къ сердцу близокъ намъ несчастный человекъ.
О, какъ искусно ты умѣлъ спрасней движенья
Въ изгибахъ душъ открыть и взору показать:
Тутъ скорбнаго отца въ невольномъ преступленнѣ,
Тамъ сына злобнаго разкаяньемъ перзатъ;
Велику душу здѣсь, шамъ мщенья духъ кичливый;
Ошъ гнѣва къ жалости стремительны порывы;
Нѣжнѣйшей дочери унынѣ явить;
И въ души наши всѣ ихъ спраспи перелишь.
Текижъ, любимецъ музъ! Во храмъ Мельпомены,
Къ которому возшелъ по скользкой ты горѣ,

Неувядаемый, рукой ея сплещенный,
 Лавровый ждешь тебя вѣнокъ на олшарѣ.
 Теки и презря ядъ Зоиловъ злоязычныхъ,
 Въ опасномъ поприщѣ ты бѣгъ свой простирай;
 Внемли плесканью рукъ, и въ вѣкъ не забывай,
 Что зависть спутница однихъ даровъ опличныхъ,
 Что яркимъ озаренъ сіяніемъ предметъ
 Уродливу на доль и мрачну пѣнь кладешь.

Д. Д. Д.

XI.

БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРА ЭДИПА В. В. КАПНИСТУ
 ЗА ПРИСЛАННЫЕ СТИХИ.

Благодарю тебя, любимецъ дѣвъ ПарнаССкихъ,
 За пѣ сшихи, меня которыми почшилъ.
 За долго предо мной уже тебя поилъ
 Източникъ свѣшлый водъ живишельныхъ Каспальскихъ;
 И златовласый Фебъ давно
 Благоприятный взоръ склонялъ къ тебѣ равно,
 Коль примешь лиру ты или возмешь свирелку,
 Надежду ли поешь или поешь бездѣлку.
 Но въ присланныхъ стихахъ я узнаю топъ духъ,
 Съ которыми нѣкогда въ унылыхъ звукахъ лиры,
 Предъ олшаремъ простымъ, печальный, вѣрный другъ,
 Ты призывалъ съ небесъ пѣнь нѣжныя Пѣниры.
 Изъ василечковъ голубыхъ
 Изъ незабудокъ полевыхъ,
 Ты ей соплелъ вѣнокъ, хошь скромный, но безсмертный;
 Часть I.

И слезы искренни, на ихъ листкахъ примѣшны,
 Свѣшлѣе бисера украсили вѣнокъ,
 Который дружба въ даръ Пльниръ приносила.
 Очаровательна чувствительности сила!
 И счастливъ я стою красть, что возбудить возмогу,
 Твою чувствительность, поэту приятный, нѣжный!
 Теперь, хотябъ Эдипъ за скорбной слѣпошю,
 Не могъ меня вести къ безсмертью въ путь надежный,
 Стиховъ твоихъ согласемъ, красотою,
 Стиховъ перу Капписову приличныхъ,
 Къ безсмертью я дойду въ досаду злойзычныхъ!

 XII.

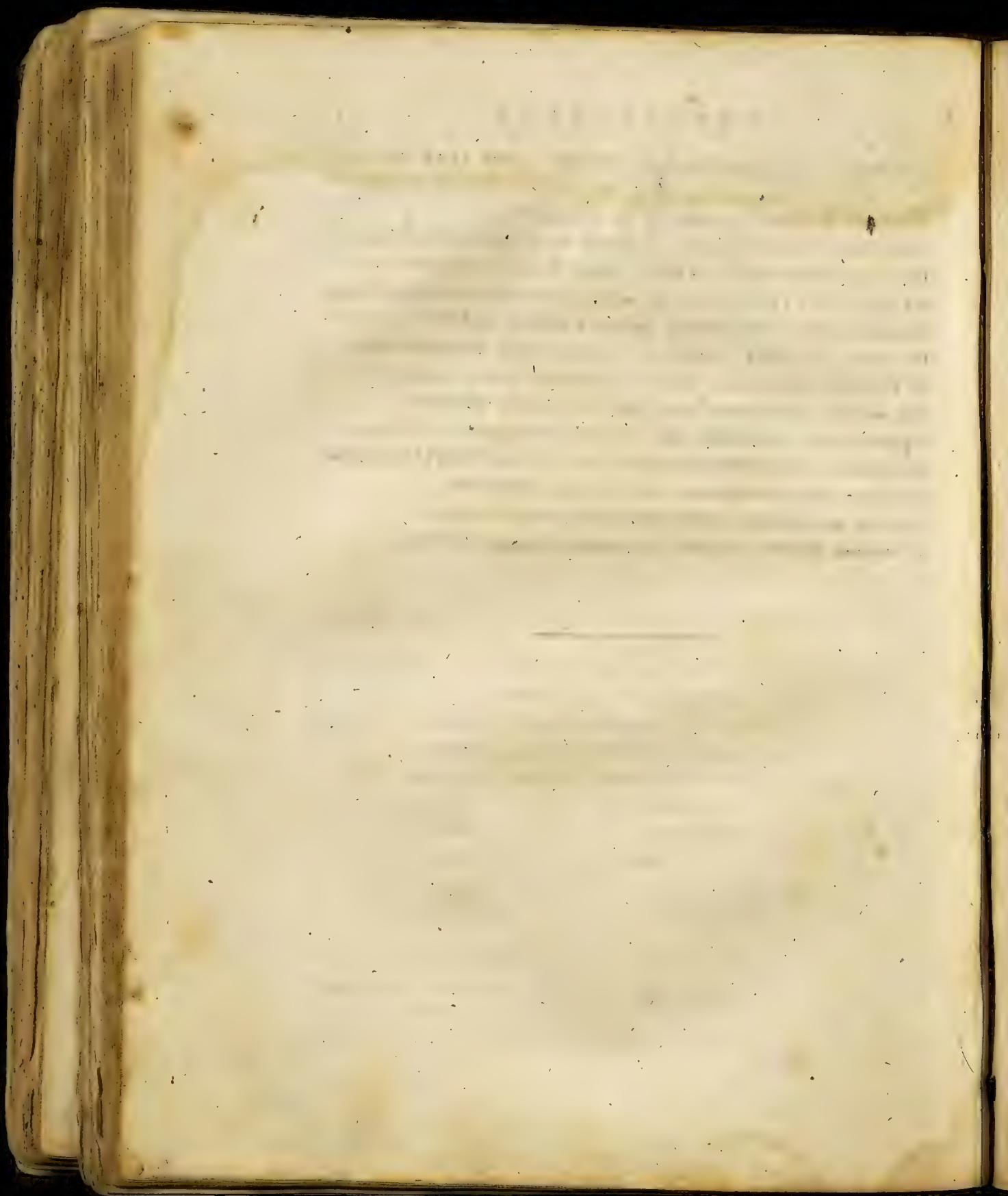
ГРАФУ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАМЕНСКОМУ. *

Счастливыи Русскихъ вождь, достойный сынъ героя,
 Который указалъ тебѣ къ безсмертью путь!
 Прими сей даръ въ часы, когда ты послѣ боя,
 На свѣжи лавры вновь возсядешь отдохнушь.
 Я пль Ахилловъ гробъ и почести оиъ Грековъ,
 Какъ браней божеству возданныи ему;
 Но пѣснь внимать въ хвалу безстрашныхъ челоѣковъ
 Кому приятнѣе, какъ духу твоему?
 Не пылъ принеси орловъ Россійскія державы
 Въ непроходиму дебрь, покрышу вѣчнымъ льдомъ,

* Эти стихи писаны въ концѣ 1809 года. Авторъ Поликсены намеренъ былъ сию трагедію посвящать герою Сафвара и Башина, но не успѣвъ за его преждевременной кончиной.

Гдѣ надъ пространствомъ шундрѣ лишь гулъ звучалъ
ихъ славы,

Куда не ширили полета и съ Петромъ,
Гдѣ нынѣ ожилъ Финъ въ шѣни ихъ крыль могучихъ?
Не слылъ еще предъ симъ, когда Европы врагъ
На Пруссовъ громъ навелъ, не слылъ въ пескахъ сыпучихъ
Оспановлялъ его почти чрезъ каждый шагъ?
И тамъ, и здѣсь, вездѣ съ мечемъ ему встрѣчался
И Галловъ изумлялъ швой быстрой всюду ходъ.
Въ наукѣ рацовашъ ты имъ волхвомъ казался;
Заславилъ гордость ихъ чпши Русскихъ воеводъ.
Мужайся! просирай свой бѣгъ къ побѣдамъ новымъ,
И будь спрашилищемъ опечества враговъ;
Россія наградишь тебя вѣнцемъ лавровымъ,
И честь твою вѣкамъ предасть языкъ боговъ.

ИМЯНА ОСОВЪ, ПОДПИСАВШИХСЯ НА СОЧИНЕНІЯ

В. А. ОЗЕРОВА.

Ихъ Сіятеельства:

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.
Графъ Павелъ Александровичъ Спрогоновъ, на вел.
Князь Пётръ Ивановичъ Тюфякинъ.
Княгиня Надежда Дмиіріевна Хилкова.
Князь Пётръ Андреевичъ Вяземской.
Князь Сергій Петровичъ Трубецкой.
Князь Николай Родионовичъ Каншакузинъ.
Князь Юрій Ивановичъ Трубецкой.
Князь Николай Федоровичъ Голицынъ.
Графъ Толстой.
Графиня Лаваль.

Ихъ Высокопревосходительства:

Николай Александровичъ Загряцкой, на велен.
Дмиірій Львовичъ Нарышкинъ, на велен.

Ихъ Превосходительства:

Алексій Николаевичъ Оленинъ, на велен.
Баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ.
Андрей Ивановичъ Бухарскій.
Александръ Васильевичъ Козодаевъ.
Агафаклея Марковна Сухарева.
Александръ Петровичъ Вельяшевъ.
Иванъ Ивановичъ Бахшинъ.
Василій Андреевичъ Слободской.

Ихъ Високородіа:

Александръ Карловичъ Спурдза.
 Пётръ Ивановичъ Бибиговъ.
 Пётръ Александровичъ Озеровъ, на велен.
 Иванъ Михайловичъ Яковлевъ.
 Александръ Гавриловичъ Волковъ.

Ихъ Высокоблагородіа:

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, на велен.
 Дмитрій Петровичъ Северинъ.
 Пётръ Ивановичъ Албрехтъ.
 Михайла Гавриловичъ Толбухинъ.
 Константинъ Емануиловичъ Вацацій.
 Иванъ Николаевичъ Ошемепковъ.
 Яковъ Степановичъ Квашнинъ-Самаринъ.
 Александръ Ивановичъ Ермолаевъ.
 Савва Михайловичъ Яковлевъ.
 Николай Ивановичъ Хмѣльницкій.
 Гаврила Васильевичъ Пефтъ.
 Кулебакинъ.
 Кирилъ Васильевичъ Губаревъ.
 Борисъ Ивановичъ Белавинъ.
 Михайла Александровичъ Корсаковъ.
 Николай Григорьевичъ Бухаринъ, на два экземпля.
 Николай Михайловичъ Приклонской.
 Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.
 Спруйской.
 Левъ Петровичъ Ершовъ.
 Николай Ивановичъ Ушкинъ.
 Александръ Григорьевичъ Лазаревъ.
 Даніиль Сергіевичъ Морозовъ.
 Аркадій Львовичъ Попехинъ.

Константинъ Павловичъ Офросимовъ.
 Панфамиръ Христофоровичъ Молостовъ.
 Александръ Васильевичъ Кочубей, *на вѣлен.*
 Алексѣй Григорьевичъ Огинской.
 Василій Матвѣевичъ Крестовскій.
 Михайла Григорьевичъ Коковцовъ.
 Александръ Васильевичъ Крюковской, *на вѣлен.*
 Николай Ивановичъ Гречъ.

Изъ Благородія:

Антонъ Антоновичъ Комаровскій.)
 Василій Ивановичъ Соцъ.
 Михайла Леонтьевичъ Пршебышевскій.
 Николай Ивановичъ Кондрашевъ.
 Василій Кондрашевичъ Скачковъ.
 Гаврила Ивановичъ Сухаревъ.
 Рафаиль Михайловичъ Зотовъ.
 Семенъ Васильевичъ Капнистъ.
 Николай Матвѣевичъ Рокошовъ.
 Григорій Федоровичъ Иваницкій-Климовскій.
 Александръ Фадѣевичъ Липгардъ, *на вѣлен.*
 Пименъ Николаевичъ Араповъ.
 Николай Тимофѣевичъ Аксаковъ.
 Иванъ Григорьевичъ Бушовскій, *на вѣлен.*
 Афонасій Денисовичъ Дьяченко.
 Александръ Васильевичъ Недобровъ.
 Александръ Ивановичъ Шеллеръ.
 Василій Филашевичъ Мироновъ, *на два экзепт.*
 Николай Евграфовичъ Измайловъ.
 Павелъ Петровичъ Засѣцкій.
 Андрей Петровичъ Вишняковъ.
 Петръ Петровичъ Никифоровъ.

Николай Андреевич Лопухинъ.
 Николай Николаевич Молчановъ.
 Александръ Сергѣевичъ Березинъ.
 Иванъ Софоновичъ Осиповъ.
 Григорій Сергѣевичъ Морозовъ.
 Алексѣй Тихоновичъ Ярославовъ.
 Павелъ Николаевичъ Брозоль.
 Александръ Дми́тріевичъ Даншовъ.
 Николай Глѣбовичъ Казинъ.
 Яковъ Васильевичъ Сабуровъ.
 Михайла Евстафьевичъ Лобановъ, на веле́н.
 Александръ Яковлевичъ Маршви́новскій.
 Ковалевъ.
 Аничковъ.
 Тимофеевъ.
 Кошловъ.
 Спуденшъ Максимъ Матвѣевичъ Тимаевъ.

Придворныя Актрисы:

Катерина Семеновна Семенова.
 Нимфодора Семеновна Семенова.
 Марья Ивановна Валберхова.
 Танцовщица: Евгенія Ивановна Колосова.

Придворные Актёры:

Василий Михайлович Самойловъ.
 Пётръ Васильевичъ Зловъ.
 Михайла Семеновичъ Лебедевъ.
 Василий Федоровичъ Виноградовъ.
 Дми́трій Петровичъ Поляковъ.

Санктпетербургскіе Купцы :

Михайло Андреевичъ Пономаревъ.

Андрей Федоровичъ Редуевъ.

Иванъ Ивановичъ Бѣловъ.

Иванъ Ивановичъ Заикинъ, на 20 экзеп.

Василій Алексѣевичъ Плавильщиковъ, на 15 экзеп.

Василій Пестровичъ Спунинъ, на 30 экзеп.

Илья Ивановичъ Спунинъ, на велен.

Иванъ Ильичъ Ильинъ, на 4 экзеп.

Углицкой купецъ Иванъ Ивановичъ Серебрянниковъ.

Нарвской купецъ Алексѣй Семеновичъ Коспылевъ.

Ростовской купецъ Николай Ивановичъ Марининъ.

В ъ М о с к в ѣ.

Его Сіятельство Графъ Павелъ Ивановичъ Кушайсовъ.

— — — — — Графъ Кириллъ Ивановичъ Гудовичъ, на вел.

Ихѣ Высокопревосходительства :

Анна Александровна Лунина.

Наспась Александровна Лунина.

Ихѣ Высокородія :

Павелъ Александровичъ Мансуровъ.

Николай Александровичъ Лунинъ.

Ихѣ Высокоблагородія :

Владиміръ Васильевичъ Измайлловъ.

Александръ Михайловичъ Рахмановъ.

Наспась Александровна Савина.

Ихѡ Благородія :

Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ, на велеи,
 Николай Павловичъ Есиповъ,
 Петръ Васильевичъ Хавской, на велеи.
 Борисъ Петровичъ Савелевъ.
 Иванъ Михайловичъ Толбухинъ.
 Владиміръ Васильевичъ Каблуковъ.
 Василій Сергѣевичъ Алферьевъ.
 Иванъ Петровичъ Терликовъ.
 Императорскаго Московскаго театра актёръ Петръ
 Родионовичъ Колпаковъ.
 Неизвѣстная Особа.

Московскіе Купцы :

Матвѣй Петровичъ Глазуновъ, на 100 экзепп,
 Василій Александровичъ Душинъ, на 50 экзепп,
 Василій Семеновичъ Щишовъ.
 Иванъ Семеновичъ Крашенинниковъ, на велеи.
 Афонасій Григорьевичъ Колошилинъ.
 Иванъ Федоровичъ Переплетчиковъ,
 Александръ Сергѣевичъ Пиряевъ.
 Кириллъ Ивановичъ Пушидовъ, на велеи.
 Осипъ Леонтьевичъ Свѣшниковъ, на 2 экзепп.

Въ Орлѣ :

Его Сіятельство Графъ Сергѣй Михайловичъ Ка-
 менскій, на велеи.

Въ Алексинѣ :

Сергѣй Александровичъ Бибииковъ.

Въ Черниговѣ :

Его Высокоблагородіе Яковъ Ивановичъ Лизогубъ.

Въ Липецкѣ :

Его Высокоблагородіе Федоръ Ивановичъ Туравской.

Въ Саранскѣ:

Его Высокоб. Александръ Николаевичъ Спруйской.
Ольга Васильевна Кашкарева, на велеи.

Въ Каратевѣ:

Его Превосходит. А. . . . Красовской, на велеи.

Въ Хоролѣ:

Его Благородіе Иванъ Александровичъ Башиловъ.

Въ Калугѣ:

Иванъ Петровичъ Дефоржъ, на велеи.

Въ Макарьевѣ на Унжѣ:

Его Благородіе Иванъ Волпарисъ.

Въ Нижнемъ Ломовѣ:

Его Высокоблагор. Федоръ Никифоровъ.

Въ Костромѣ:

Его Высокоблагородіе Гавріиль Александровичъ
Горшкинъ, на велеи.

Во Владимірѣ:

Его Сіяшельство Князь Михайла Петровичъ Вол-
конской.

Въ Княгининѣ:

Ея Высокоблагор. Надежда Федоровна Вишнякова.

Въ Тифлисѣ:

Его Благородіе Дмитрій Ивановичъ Сонинъ.

Въ Дерптѣ:

Его Благородіе Михаилъ Степановичъ Кавалинской.
Николай Ивановичъ Полдневъ.

Въ Бѣлостокѣ:

Его Благородіе Тимофей Сергѣевичъ Гавриловъ.

Въ Новомиргородѣ:

Его Высокоблагородіе Арнольди.

Его Благородіе Иванъ Николаевичъ Нечай, на велеи.

Въ Дубнѣ:

Его Высокоблагородіе Сергій Михайловичъ Волковъ, на вѣлен.

Въ Кологривѣ:

Его Сіяшельство Графъ Иванъ Андреевичъ Толстой, на вѣлен.

Въ Чистополѣ:

Андрей Антоновичъ Колпаковъ.

Въ Бердичевѣ:

Его Превосходительство Левъ Ивановичъ Пошаповъ.

Въ Тотьмѣ:

Его Высокоблагородіе Павелъ Михайловичъ Ивановъ.

Въ Порховѣ:

Его Высокоблагородіе Степанъ Ивановичъ Висковашовъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Степановичъ Корсаковъ.

Его Благородіе Пётръ Александровичъ Корсаковъ.

— — — — — Алексѣй Юрьичъ Мягкого.

Въ Бѣлевѣ:

Ее Высокоблагородіе Авдотья Петровна Киреевская.

Его Благородіе Алексѣй Андреевичъ Елагинъ.

Въ Гдовѣ:

Его Высокоблагородіе Дмитрій Сергѣевичъ Березинъ.

Въ Лодейномъ полѣ:

Его Высокоблаг. Пётръ Николаевичъ Нордштейнъ.

Въ Новой Бѣлицѣ:

Его Высокоблагородіе Иванъ Гинцъ.

Въ Харьковѣ:

Магистръ Евграфъ Филомаѣишскій.

Въ Павлоградѣ:

Его Благородіе Афонасій Ивановичъ Целусъ.

Въ Троицко-Сергіевскои посадѣ, на Святковской станицѣ:

Его Высокоблагородіе Борисъ Ивановичъ Барыковъ.

Въ Бузулукѣ:

Его Благородіе Владиміръ Васильевичъ Племянниковъ.

Въ Данковѣ:

Его Высокоблагородіе Степанъ Дми́тріевичъ Нечаевъ.

Въ Усманѣ:

Усманскій Депутатъ Дворянства Николай Алексѣевичъ Селивановъ.

Въ Чухломѣ:

Павелъ Александровичъ Семичевъ.

Въ Санктпетербургѣ:

Его Превосходительство Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ОЗЕРОВА.

COPIES

OF THE